

**АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНА
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ**

АЙДЫН БАЛАЕВ

**Азербайджанское
национальное движение
в 1917-1918 гг.**

**"ЕЛМ"
БАКУ - 1998**

Рекомендовано к печати Ученым советом
Института Археологам и Этнографии АН Азербайджана

Научный редактор:

кандидат исторических наук А. Э. Мамедов

Рецензенты:

Член - корреспондент АН Азербайджана М. А. Исмаилов доктор исторических наук,
профессор Дж. Гасанов

А. БАЛАЕВ. Азербайджанское национальное движение в 1917-1918 гг. Баку-"ЕЛМ"-1998, 280 с

ISBN 5 - 8066 - 0891 - 93

В книге исследуются этнополитические и социально-экономические предпосылки возникновения Азербайджанского национального движения и особенности процесса его политической эволюции после февральской революции. На основе фактических данных анализируются причины политической дифференциации национального движения и дается систематизированное представление о теоретических доктринах и практических шагах различных политических течений внутри движения, целях, формах и методах их деятельности.

0503020907-682
655 (07) - 98

Грифное издание

© А. БАЛАЕВ

ОГЛАВЛЕНИЕ

➤ Введение	s. 4
➤ Глава I	s. 13
➤ Глава II	s. 29
➤ Глава III	s. 61
➤ Глава IV	s. 99
➤ Заключение	s. 129
➤ Summary	s. 134

Введение

Разработка истории новейшего периода, тесно связанной с политикой, была трудной проблемой для историков всех поколений. Сопряженность исторической науки с политикой ставила историков перед дилеммой - идти ли в ногу с существующим политическим строем или же, отодвинув политику на второй план, отдать предпочтение исторической правде. Установление советского строя сняло указанную дилемму с повестки дня. В исторических исследованиях приоритет был отдан политическим мотивам.

В результате, в годы коммунистического тоталитаризма отечественная историческая наука, зажатая в тиски идеологического контроля и цензурного террора, хранила тягостное молчание по многим проблемам азербайджанской истории. Так, тема Азербайджанского национального движения в начале XX века находилась под жестким цензурным запретом, а работы, мимоходом затрагивающие эту тему, были похожи не на научные изыскания, а обвинительные заключения и судебные приговоры, направленные против политических лидеров и ведущих организаций национального движения. По существу, азербайджанская история данного периода была искусственно низведена до проповеди идеализированной и фальсифицированной истории коммунистической партии.

Особенно старались стереть из исторической памяти народа события 1917-1918 гг. В хронологическом отношении это сравнительно короткий отрезок времени, но по насыщенности и важности событий оно занимает исключительное место в новейшей истории Азербайджана. Это было время наивысшего подъема Азербайджанского национального движения и возрождения национальной государственности. Именно в этот период была провозглашена Азербайджанская Демократическая Республика, "первое государство в тюркском мире, которое базировалось не на религиозной основе, а основывалось на современной базе национально - культурного самоопределения, на почве тюркской национально-демократической государственности" (1).

Лишь политические процессы в бывшем СССР, приведшие в конце 80-х гг. к уменьшению идеологического прессинга и развитию гласности, позволили ученым приступить к исследованию различных аспектов истории Азербайджанского национального [3-4] движения в 1917–1918 гг. Интерес к данной проблеме был обусловлен также в связи с происходящими в конце 80-х гг., этнополитическими процессами в Азербайджане, которые, в конечном итоге, привели к тому, что к существовавшим еще со времен сталинизма двум формам национальных процессов - институциональному и личностному - добавились новые, ранее неведомые формы: национальное возрождение и национальное движение (2).

Являясь проявлением политизации этнической жизни населения, Азербайджанское национальное движение на современном этапе возникло в качестве протеста против т. н. "национальной политики" тогдашнего центра, которая в прямом смысле была антинациональной, т. к. преследовала конечную цель-деэтнизацию всей общественно-политической жизни страны. Но очень вскоре оно трансформировалось в массовое движение, направленное на восстановление утраченной в апреле 1920 г. государственной независимости Азербайджана. В целях, задачах и лозунгах национального движения на современном этапе нетрудно было усмотреть прямое заимствование из идеологического и политического наследия освободительной борьбы азербайджанского народа периода 1917-1918 гг. Данное обстоятельство еще более актуализировало задачу детального и объективного изучения истории этнополитических процессов в Азербайджане в начале XX века.

До сих пор изучением национальных проблем занимались представители различных общественных наук: философы, историки, правоведы, экономисты, этнографы и др. Все они исследовали национальные "сюжеты" каждый в "своей области". Однако политизация национальных процессов поставила задачу их политологического анализа. Потребность в этом была отмечена появлением нового научного направления этнополитологии, сложившегося на стыке двух общественных дисциплин этнологии и политологии.

Следует признать, что в нашей стране данная область науки пока находится в эмбриональном состоянии, хотя зарубежной этнополитологией уже накоплен достаточно богатый опыт и четко определена ее предметная область, включающей в себя наряду с теоретическими материалами об этнической политике и этнополитической ситуации, данные прикладных исследований о реальных этнополитических процессах в тех или иных конкретных регионах, практической деятельности этнических и национально - освободительных движений, анализ их политических [4-5] программ, материалы о национальных меньшинствах и т.д. (3).

Прежде чем перейти к непосредственному анализу степени изученности проблемы необходимо внести терминологическую ясность в отношении понятия "национальное движение". При этом следует учесть, что термин "национальное движение" является своего рода обобщением, предназначенным для обозначения различных форм освободительной борьбы угнетенных народов, направленных на обеспечение свободного национального развития в политическом, экономическом, социальном и

культурном сферах, являющихся первоочередным условием сохранения и развития национальной самобытности.

Сложность прямолинейной концептуальной унификации данного термина обусловлена тем обстоятельством, что понятие "национальное движение" - это весьма широкая по своему содержанию характеристика национально-освободительной борьбы, наполняемая реальным содержанием исходя из конкретных исторических условий каждой страны и народа, поскольку зарождение любых форм национальных движений всегда связано с процессами пробуждения национального самосознания, становления и консолидации наций, и преследуют цель ликвидации национально-колониального гнета в различных сферах жизнедеятельности этноса.

Полисемантичесность данного термина мотивирована также тем, что даже на примере отдельно взятой конкретной страны национальное движение представляет по своему содержанию очень динамичный феномен, оно растет, углубляется и видоизменяется вместе с развитием освободительного движения. Это обусловлено тем, что каждый исторический этап ставит перед национальным движением свои задачи, способствуя трансформации его основных параметров и сущности. В соответствии с целями ведущих сил освободительной борьбы и общей социально-политической обстановкой национальное движение приобретает самые различные формы: от борьбы за устранение препятствий в развитии национальной культуры и языка, против иностранного засилья в экономической сфере до создания национальной государственности в той или иной форме, вплоть до завоевания полной политической независимости.

Динамичность основных характеристик в полной мере была свойственна и Азербайджанскому национальному движению, зародившемуся в начале XX века. На начальном этапе, охватывающим период с первых годов нашего столетия до февральской [5-6] революции 1917 г., Азербайджанское национальное движение символизировало борьбу за создание нормальных условий для функционирования и развития национального языка и культуры, а также ставило целью достижение национального равноправия в рамках Российской империи, т. к. административно-правовые ограничения, предусмотренные царским законодательством, препятствовали свободному национальному развитию азербайджанцев.

Представители национального движения рассматривали завоевание национального равноправия и удовлетворения культурно - языковых потребностей азербайджанцев в составе Российской империи как первый шаг на пути к полному национальному освобождению, справедливо полагая, что условия для выдвижения более радикальных задач еще не созрели. Достаточно подчеркнуть, что в обстановке жесточайшего национального гнета и полную политического бесправия азербайджанцев, деятели национально движения порой не имели возможности осуществлять даже культурно - просветительскую деятельность, не говоря уже о ничтожности выразить свои политические требования.

С победой февральской революции в стране возникла качественно новая ситуация, что незамедлительно отразилось на эволюции характера Азербайджанского национального движения. Его главной целью стала полная ликвидация национально - колониального гнета и эксплуатации, уничтожение иностранного господства и завоевание национальной независимости, т. е. реализация азербайджанской нацией своего права на самоопределение.

Таким образом, именно в отмеченный период национальное движение обрело политическое лицо. Сформировались его идеологическая платформа и основные программные установки, произошла партийно-организационная дифференциация движения, был завершён процесс создания устойчивых и эффективных организационных структур, осуществлены практические шаги для достижения государственной независимости - основной цели освободительной борьбы азербайджанского народа.

В развитии национального движения в 1917-1918 гг. можно выделить три взаимосвязанных стадии: 1) с февраля 1917 г. по март 1918 г., 2) с марта по май 1918 г. и 3) с мая по декабрь 1918 г., когда этнополитические процессы в стране завершились относительной победой национального движения.

На первой стадии стремление основных политических сил и течений к созданию собственной государственности увязывалось [6-7] с планами федерализации Российской империи и предоставления Азербайджану национально - территориальной автономии, утвержденных I Общекавказским мусульманским съездом (15-20 апреля 1917 г., Баку). Решения съезда, по существу, явились первой попыткой сформулировать политические задачи Азербайджанского национального движения.

Однако, последующее развитие политических процессов очень скоро показало невозможность демократического переустройства Российской империи и обеспечения национальных прав нерусских народов в рамках российского государства. Временное правительство, а затем заменившие его у власти большевики не собирались удовлетворять даже минимальные требования угнетенных наций. Более того, большевики, обеспокоенные размахом национального движения за национально - территориальную автономию Азербайджана, в марте 1918 г. устроили в Баку и других частях страны кровавую бойню в

отношении азербайджанского населения. Данная акция напрямую была направлена на уничтожение Азербайджанского национального движения.

Мартовские события 1918 г. окончательно перечеркнули все надежды на цивилизованное решение национальных проблем азербайджанцев в рамках единого российского государства. После этого лидерами национального движения был взят твердый курс на полную государственную независимость Азербайджана. Это ознаменовало собой начало второй стадии в развитии национального движения в исследуемый нами период, завершившейся принятием 28 мая 1918 г. "Акта о независимости Азербайджана".

Следует особо подчеркнуть, что одной из важнейших черт Азербайджанского национального движения на третьей стадии являлось то, что провозглашение политической самостоятельности 28 мая 1918 г. имело, в значительной степени, декларативный характер и еще не означало приобретения фактической независимости. Поэтому на данной стадии усилия были направлены на наполнение независимости реальным содержанием. Для достижения этой цели предстояло решить следующие задачи:

- обеспечить переезд национального правительства из Тифлиса в пределы страны;
- добиться освобождения значительной части территории, включая Баку, от большевистских сил и установления на территории страны юрисдикции национального правительства;
- ликвидировать очаги сепаратизма, угрожающих самому существованию Азербайджанской Республики; [7-8]
- создать политический строй и государственный аппарат, способный в соответствии с национальными задачами выполнить основные политические, идеологические, экономические и культурные функции, направленные на реализацию задач национального возрождения;
- осуществить реформы в политической и духовной сфере, ведущих к освобождению от пережитков патриархальных и колониальных отношений, к демократизации общественно-политической жизни, к мобилизации энергии масс на дело национального строительства;
- добиться признания независимости Азербайджана со стороны иностранных государств, и, в первую очередь, союзных держав.

Решение именно этих задач составило суть национального движения в период после 28 мая 1918 г.

Несмотря на большую научную и практическую актуальность проблемы, собственно научной литературы о национальном движении в Азербайджане в 1917-1918 гг. в советской историографии не существовала. В этот период проблема истории формирования и развития Азербайджанского национального движения как цельный процесс не разрабатывалась.

Хотя следует отметить, что в работах советских историков, посвященных более широкой проблематике - политической истории Азербайджана в 1917-1918 гг., затрагивались отдельные моменты деятельности национального движения. При этом, иллюстративно представленные некоторые эпизодические проявления национального движения приводились в контексте "разоблачения его антинародной и контрреволюционной деятельности" для обоснования тезиса о том, что только большевистская партия в эти годы была единственной защитницей национальных интересов.

Довольно внушительный пласт произведений, содержащих подобную фальсификацию истории национального движения и его идейно-политических концепций, был создан уже в 20-е и начале 30-х гг. (4). Написанные с вульгарно-социологических позиций, они, как правило, имели ярко выраженную политико-агитационную направленность. Их авторы видели свой долг в сведении счетов с национально-политическими ценностями и традициями национального движения с целью искоренения из массового сознания всяких объективных представлений о них. Многие однозначные выводы и негативные стереотипы в отношении Азербайджанского национального движения, сформированные [8-9] в отечественной историографии в 20-е гг., в последующем не только сохранили, но даже укрепили свои позиции.

Причем, если в некоторых работах 20-х гг. еще проскальзывались робкие попытки критического анализа отдельных моментов деятельности большевистской партии в национальной сфере и стремление выяснить причины успеха национально-политических сил, то по мере укрепления тоталитарной системы необходимость в подобного рода публикациях постепенно исчезла. Апофеозом процесса подпадания исторической науки под полный контроль большевистской партии стал "Краткий курс ВКП (б)". История исследуемого нами периода была окончательно схематизирована и загнана в прокрустово ложе сталинской исторической концепции. При освещении исторических проблем, в особенности в исследовании вопросов недавней истории, взял верх т. н. иллюстративный метод, который позволял лишь "аргументировать" номенклатурные положения, выдвигаемые в качестве научных истин в последней инстанции. В таких условиях писать об ошибках и недостатках в деятельности большевистской партии фактически было запрещено. А контрреволюционный лагерь, куда причислялся

и вес политический спектр национального движения, посчитали не заслуживающим серьезного внимания и освещения даже в выгодном для большевистской партии ракурсе.

В этом отношении отнюдь неслучайно, что после выхода в свет "Краткого курса" вплоть до середины 50-х гг. в отечественной историографии отмечается заметный спад интереса к истории исследуемого нами периода. Лишь после разоблачения культа личности Сталина вновь появляются крупные работы по истории Азербайджана 1917-1918 гг. Однако глубоко идеологизированная отечественная историография даже в условиях кратковременной хрущевской "оттепели" оказалась неспособной переосмыслить уже традиционный подход к проблеме национального движения, основанного на принципах фальсификации его истории. Так, в почти одновременно изданные в 1957 г. работы Е. А. Токаржевского "Из истории иностранной интервенции и гражданской войны в Азербайджане" и З. И. Ибрагимова "Борьба трудящихся Азербайджана за социалистическую революцию (1917-1918 гг.)" перекочевали все лживые домыслы пропагандистского характера относительно национального движения, распространявшиеся в свое время сталинской пропагандой.

Эти работы являются своеобразным "эталоном" послевоенной советской историографии в освещении проблем азербайджанской [9-10] истории 1917-1918 гг., поскольку все последующие работы по данной проблеме в той или иной степени были повторением основных постулатов этих двух работ (5).

Опубликованные в 60-80 - е гг. исследования, так или иначе затрагивающие отдельные аспекты национального движения 1917-1918 гг., носили односторонний характер и были направлены на дискредитацию всех политических сил, не стоящих на принципах марксизма - ленинизма. Авторы этих трудов, написанных в мажорных тонах для восхваления "расцвета" и "благополучия" Азербайджана в "братской семье" советских народов, вопреки исторической действительности пытались доказать тезис о том, что будто бы национальное движение в Азербайджане не имело прочной социальной базы и опоры в массах.

Еще одна характерная особенность работ 60–80-х гг. заключалась в том, что даже при имеющихся скудных упоминаниях о политической практике национального движения 1917-1918 гг., речь о нем шла исключительно как о собирательном понятии, без дифференциации на партии и организации, что не позволяло воссоздать целостную и реальную панораму национального движения данного периода.

Фальсифицирующее направление в отношении проблем национального движения 1917-1918 гг. оказалось настолько живучим и стойким, что продержалось в отечественной историографии вплоть до конца 80-х гг. Безусловно, этот недостаток не может быть поставлен полностью и исключительно в вину исследователям, поскольку те или иные выводы не всегда зависели от их личных убеждений, а были следствием господствующей в обществе идеологии. Попытки добросовестного рассмотрения и обобщения недавнего исторического прошлого были чреваты жестокими гонениями и преследованиями представителей исторической науки, свидетельством чего является трагическая судьба известного азербайджанского философа и историка Гейдара Гусейнова. Однако, данное обстоятельство вовсе не снимает моральной ответственности и с самих исследователей. Тем более, что впоследствии ни один из них так и не решился на акт нравственного покаяния за свои неблагоприятные поступки по фальсификации азербайджанской истории.

Перелом в разработке проблем истории Азербайджанского национального движения произошел на стыке 80–90-х гг. Причем, катализатором этого процесса стала публицистика. Хотя публикации на страницах периодических изданий не были и не могли бы быть частью исторической науки, но они сыграли большую [10-11] роль в развитии историографических традиций, в кристаллизации научных и гражданских позиций, в обеспечении самого выхода отечественного обществоведения на "закрытую" тему национального движения. Именно публицистика, впервые за последние 70 лет, заострив внимание на ключевых проблемах национального движения 1917-1918 гг., опередила академическую науку, долгое время остававшейся глухой к этим вопросам. Особая заслуга в этом деле принадлежит газетам демократической направленности "Элм", "Азадлыг", "Айдынлыг" и др., на страницах которых появились первые публикации, объективно освещающие различные аспекты национального движения 1917-1918 гг. Благодаря им читателям была возвращена память об этих событиях, вновь вошли в научный лексикон и тематический тезаурус имена деятелей национального движения, факты этой истории.

Эти публикации в значительной степени подготовили почву для появления в азербайджанской историографии первых трудов, свободных от воздействия характерных для советского периода стереотипов и догм в отношении событий национальной истории 1917-1918 гг. (6). Правда, не все проблемы, затрагиваемые в этих работах, раскрыты с достаточной убедительностью и в них имеются определенные упущения в разработке отдельных сюжетов. После долгих лет фальсификации отечественной истории 1917-1918 гг. в этих работах иногда замечаются проявления другой крайности -

идеализации отдельных сторон национальной истории, связанных с национально-освободительной борьбой азербайджанского народа. Но несмотря на эти недостатки, вполне естественные для этапа становления качественно новой азербайджанской историографии исследуемого нами периода, указанные работы выполнили свою главную задачу, окончательно сокрушив фальсифицирующее направление в исторической науке и очистив путь для объективного исследования отечественной истории новейшего периода.

К сожалению, и в работах последнего периода, посвященных азербайджанской истории 1917-1918 гг., национальное движение пока не стало полноценным объектом специального исследования, хотя в них нашли свое отражение многие вопросы, связанные с освободительной борьбой азербайджанского народа. Причем, благодаря работам Дж. Гасанова и Н. Насибзаде, к настоящему моменту гораздо лучше исследованы внешнеполитические аспекты национально – освободительного движения. Что же касается изучения этнополитических и социально - экономических [11-12] причин возникновения национального движения, основных тенденций эволюции его целей, задач и характера, форм и методов борьбы, проблем расстановки сил между различными идейно - политическими течениями внутри движения, то эти вопросы до сих пор не получили должного освещения в работах отечественных обществоведов.

Чрезвычайно важную источниковедческую базу по данной проблеме представляют труды политических лидеров и идеологов национального движения начала XX столетия. Среди них особо следует выделить наследие общепризнанного лидера освободительной борьбы азербайджанского народа М. Э. Расулзаде, в частности, такие его работы, как "Азербайджанская Республика", "О пантуранизме", "Сиявуш нашего времени" и др. (7).

В работе М. Э. Расулзаде "Азербайджанская Республика" содержится богатейший материал о борьбе национальных сил за независимость страны, о тернистом пути становления и развития национального движения. В ней детально проанализированы успехи и неудачи национального движения, даны ценные сведения о программных установках и практической деятельности различных политических партий Азербайджана.

Для исследования идейно-теоретических основ национального движения особый интерес представляет работа М. Э. Расулзаде "О пантуранизме". В ней автор на основе богатого фактического материала опровергает все инсинуации наших недругов, обвинявших лидеров национально-освободительной борьбы азербайджанского народа в приверженности к пантуранизму и раскрывает истинные цели и стремления Азербайджанского национального движения, преследовавшего "исключительно реальные и конкретно-национальные цели".

Среди исторического наследия М. Э. Расулзаде особняком по своему жанру, но отнюдь не по значимости, стоит "Сиявуш нашего века". Высокий художественный стиль, образность языка, насыщенность символикой, метафорами и сравнениями не позволяют однозначно характеризовать данную работу историческим произведением. Тем не менее, "Сиявуш нашего века" имеет важное значение для понимания не только характера и сущности национального движения в 1917-1918 гг., но и истоков его формирования.

Особый интерес представляют труды М. Б. Мамедзаде, и в первую очередь, его основная работа «Азербайджанское национальное движение» (Баку, 1992). В ней автор впервые сделал попытку определить роль и место «Мусавата» в национальном [12-13] движении, выяснить идейные истоки и основные теоретические положения его доктрины, обосновать лидирующее положение этой партии в освободительной борьбе. Автор также попытался дать классификацию различных идейно-политических течений внутри движения и их взаимоотношения.

Не менее ценную информацию о событиях интересующего нас периода содержат сочинения других руководителей и участников национального движения в 1917-1918 гг., в частности, А. М. Топчибашева, Ш. Рустамбекова, З. Зиядханова, Дж. Гаджибекова и др. (8).

Характеризуя данную группу работ, следует отметить как их преимущества, так и недостатки. Несомненным качеством этих работ является то, что их авторы, находясь внутри движения, обладали достаточной информацией о сильных и слабых сторонах этого движения, поскольку никто не помнит ход исторических событий так остро, как сами их участники. Но вместе с тем, у этой литературы, исходящей из недр самого движения, при всем их достоинстве и значимости есть и некоторые уязвимые места. К ним, в первую очередь, следует отнести неизбежную в таких ситуациях субъективность многих выводов авторов, защищающих политическую линию собственной партии. Нужно также учитывать непрофессионализм некоторых авторов, не владеющих ни методикой, ни аппаратом специальных исторических исследований. К тому же, эти труды, в течение 70 лет являвшиеся недоступными для широких масс, не могли восполнить исторический вакуум, окружавший проблематику Азербайджанского национального движения 1917-1918 гг. в отечественной исторической науке.

В ходе исследования мы также использовали работы зарубежных политических деятелей, очевидцев и участников событий 1917-1918 гг. - З. Авалова, Б. Байкова, Л. Денстервиля и др. (9).

Отдаленная до недавнего времени от мировой исторической мысли барьерами идеологической нетерпимости, отечественная историография сегодня не может обойтись без учета зарубежного опыта, без опоры на его достижения в исследовании национального движения. Необходимо учесть, что в годы господства в отечественной науке историков-конъюнктурщиков именно зарубежные исследователи пытались подвергнуть строгому научному анализу события азербайджанской истории периода 1917-1918 гг., в том числе проблемы, непосредственно связанные с национальным движением. Из этих работ особого внимания заслуживают [13-14] труды Ф. Каземзаде, Т. Светоховского, Р. Суни, С. Зенковского, Е. Уимбуша, О. Альштадт и др. (10).

В настоящее время исследование проблем азербайджанской истории интересующего нас периода немыслимо без использования трудов этих зарубежных авторов. Но думается, что сближение с мировой наукой и использование ее достижений не должно превратиться в механическое копирование всех ее методологических подходов, концепций и разработок. Тем более, что несмотря на все преимущества этих работ, они отнюдь не свободны от недостатков.

Основным достоинством работ зарубежных исследователей, несомненно, является тот факт, что в них, в отличие от работ советских историков, в целом, объективно освещены характер взаимоотношений национального движения с русскими властями в лице царизма, а после его свержения с Временным правительством и большевиками. Но в оценке политического и идеологического характера Азербайджанского национального движения, его взаимоотношений с движениями соседних закавказских народов имеются серьезные упущения.

В этом отношении весьма показательна работа Ф. Каземзаде "Борьба за Закавказье (1917-1921)", являющейся первым фундаментальным трудом по интересующей нас проблеме в зарубежной историографии. В целом, объективно оценивая роль и место Азербайджанского национального движения в происходивших в то время политических процессах региона, автор, вместе с тем, в освещении некоторых вопросов придерживается позиции, с которой трудно согласиться. Так, Ф. Каземзаде считает распад Закавказской Федерации результатом сговора между азербайджанскими лидерами и турецким правительством. Объявляя азербайджанцев главными виновниками раскола единого фронта закавказских народов, он утверждает, что "азербайджанцы стояли ближе к врагу, чем к государству, частью которого они являлись" (11). При этом Ф. Каземзаде замалчивает тот факт, что именно азербайджанцы игнорировались армяно-грузинским большинством Сейма, и многие судьбоносные для закавказского государства решения принимались без учета мнения азербайджанских фракций, и даже за их спином С другой стороны, Ф. Каземзаде в своей работе пытается представить армян беспомощными жертвами турецкого экспансионизма, хотя именно армяне в тот период нередко выступали инициаторами этнических чисток на территории Закавказья, в результате которых [14-15] десятки тысяч мусульман - азербайджанцев, турков, курдов и др. были изгнаны из своих родных очагов, пополнив ряды беженцев.

Следует отметить, что книга Ф. Каземзаде как своими достоинствами, так и недостатками оказала существенное влияние на все последующие работы по данной проблеме в зарубежной историографии, в том числе, на работу Т. Светоховского "Русский Азербайджан. 1905-1920". Последняя до сих пор является единственной работой в мировой науке, которая содержит наиболее цельное и полное изложение истории национального движения с 1905 по 1920 гг. Не умаляя в этом отношении значения данной работы, мы все же хотим отметить некоторые ее недостатки. В частности, автор необоснованно обвиняет лидеров Азербайджанского национального движения в приверженности к идеям пантуранизма. По мнению Т. Светоховского, они вынашивали планы создания "Великого Азербайджана", простирающегося чуть ли не с чеченских границ до Персидского залива. Не выдерживает никакой критики и утверждение автора о том, что осуществленные в то время в Азербайджане демократические преобразования являлись не результатом реализации политической программы национального движения, а следствием обстоятельств. По словам Т. Светоховского, в условиях присутствия англичан в стране азербайджанские лидеры вынуждены были подыгрывать их восприимчивости ко всему демократическому, и именно поэтому обменяли "фетиши тюркского единства" на идею национальной независимости.

Безусловно, эти недостатки никак не умаляют значения данных работ. Тем не менее, учитывая эти обстоятельства, мы стремились проявить максимум критичности при использовании зарубежной литературы.

На пути глубокого комплексного анализа этнополитического положения азербайджанского народа и особенностей его национального движения в 1917-1918 гг. до сих пор сохраняются определенные трудности источниковедческого плана, связанные с крайне ограниченным количеством опубликованных исторических документов по данной проблеме.

Как известно, в течение длительного времени подобного рода документы находились в спецхранах советских архивов и доступ к ним был закрыт для подавляющего большинства специалистов. Лишь в начале 90-х гг. с них был снят гриф секретности и они были переведены в открытые для свободного научного доступа фонды, что позволило начать их публикацию (12). Нисколько не умаляя значения этих документальных публикаций, должны [15-16] заметить, что они явно недостаточны для воссоздания объективной и целостной панорамы национального движения в 1917-1918 гг.

Основными и наиболее обширными фактическими материалами для изучения национального движения в 1917-1918 гг. служат материалы Центрального государственного архива новейшей истории Азербайджана (ЦГАНИ Азербайджанской Республики). Весьма разнообразные и ценные документы по интересующей нас проблеме были выявлены в фондах Азербайджанского парламента (ф. 895), Министерства иностранных дел (ф. 970), Министерства внутренних дел (ф. 894), канцелярии Совета Министров (ф. 896), Военного министерства (ф. 2894) Азербайджанской Демократической Республики.

В этих фондах хранятся материалы, позволяющие подробно осветить цели, характерные особенности, формы и методы национально - освободительной борьбы, а также взаимоотношения и взаимодействие отдельных политических течений внутри национального движения, их теоретические и политические доктрины. Некоторая часть этих документов впервые вводится в научный оборот.

Материалы по исследуемой нами теме находятся также в фондах Государственного архива общественных движений и политических партий Азербайджанской Республики.

Особую значимость для разработки анализируемой нами проблемы имеют опубликованные до 1920 г. документы и материалы, проливающие свет на различные аспекты деятельности национального движения в 1917-1918 гг. В частности, интересные сведения о периоде, непосредственно предшествовавшем провозглашению независимости, о политическом кризисе в июне 1918 г., о первых нормативных актах национального правительства и парламента, о деятельности различных национальных и общественных организаций в Азербайджане содержатся в "Адрес - календаре Азербайджанской Республики на 1920 год" (Баку, 1920).

Серьезным подспорьем в изучении данной темы послужили сборники "Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии" (Тифлис, 1920) и "Закавказский Сейм. Стенографический отчет". В них собраны материалы, отражающие взаимоотношения национальных движений закавказских народов, деятельность различных азербайджанских партий в Закавказском Сейме и правительстве, характерные особенности и [16-17] различия их подходов в отношении к основным проблемам политической ситуации в начале 1918 г.

Часть исторических документов по истории национального движения в 1917-1918 гг. опубликованы за рубежом. Среди них необходимо особо выделить изданный в Турции стенографический отчет I Всероссийского съезда мусульман (1-11 мая 1917 г. Москва) (13). Книга представляет интерес как с точки зрения выявления места и роли Азербайджанского национального движения в общем русле освободительной борьбы мусульманских и тюркоязычных народов Российской империи, так и для определения политических взглядов азербайджанских лидеров.

При исследовании некоторые сведения мы почерпнули из сборника "Программные документы мусульманских политических партий. 1917-1920 гг." (Оксфорд, 1985).

Для понимания темы определенный интерес представляют также печатные источники советского периода, хотя в них подлинные обстоятельства, в которых развивалось Азербайджанское национальное движение в 1917-1918 гг., характеризуется "с точностью до наоборот" (14). Тем не менее, данная группа источников позволяет детально проанализировать как негативные последствия теоретической и практической деятельности большевистской партии в Азербайджане, так и ее политику в отношении национального движения. Подобного рода источники незаменимы и для раскрытия истинной сущности т. н. "национальной политики" большевиков, которая в закавказском регионе своим главным острием была направлена против национально - освободительных устремлений азербайджанского народа.

Справедливости ради отметим, что советские печатные источники, опубликованные в 20-е гг., по сравнению с последующими подобного рода изданиями, относительно менее тенденциозны (15), поскольку в этот период составители документальных сборников еще пытались сохранить видимость объективности и научности. С этой целью в данные сборники, наряду с документами "максимально отображающими жизнь большевистской организации" (16), включались и материалы, проливающие свет на различные стороны деятельности национального движения. Примером тому является документальный сборник "Революция 1917 года в Азербайджане (хроника событий)", составителями которого являлись С. Беленький и А. Манвелов. Опубликованные в нем материалы позволяют проследить процесс возникновения и развитие национальных комитетов в [17-18] Азербайджане, деятельность "Мусавата" и других национальных партий в ходе выборов в Учредительное собрание и их позиции по основным проблемам текущего момента.

Ценным подспорьем по разнообразию аналитического и фактического материала, позволяющим более точно охарактеризовать различные идейно-политические течения внутри национального движения, проследить расстановку сил в нем, степень влияния среди народных масс азербайджанских национальных партий, предпосылки и направленность их деятельности на разных этапах исследуемого нами периода являются периодические издания самых различных направлений, среди которых такие, как "Каспий", "Ачыг сез", "Азербайджан", "Наш путь", "Иттихад", "Заря", "Знамя труда", "Гуммет", "Бюллетень Диктатуры Центрокаспия и Временного президиума Исполнительного комитета", "Жизнь национальностей", "Известия Бакинского Совета", "Бакинский рабочий", "Известия мусульманского комитета" и др.

Сегодня, когда старые представления советской исторической науки относительно Азербайджанского национального движения 1917-1918 гг. оказались несостоятельными, интересы настоящего и будущего этнополитического развития азербайджанской нации ставят перед историографией вопрос о необходимости объективной оценки событий тех лет с точки зрения общечеловеческих ценностей, а не классовых интересов.

Именно с этих позиций в данной работе мы стремились проанализировать исторические предпосылки становления национального движения в качестве самостоятельной идейно-политической силы и определить основные этапы его развития, установить причины его внутривнутриполитической дифференциации и проанализировать идейно-политические доктрины основных течений освободительной борьбы, охарактеризовать взаимодействие и степень разногласий между основными национальными партиями и т. д.

В работе выдвинут ряд положений, полемических по отношению к некоторым устоявшимся представлениям о процессе формирования и эволюции национального движения.

Автор приносит глубокую благодарность рецензентам и сотрудникам отдела этносоциологии Института Археологии и Этнографии АН Азербайджана, в котором было выполнено настоящее исследование, за ценные замечания и предложения. [18-19]

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Азербайджан, 1919, 28 мая.*
2. Губогло М. Н. *Предпосылки изучения современной этнополитической ситуации в СССР // Национальные процессы в СССР М., 1991, с. 28.*
3. См., *Rothsild J. Ethnopolitics. A Conceptual Framework. № - V., 1981.*
4. Аркомед С. Т. *Материалы по истории отпадения Закавказья от России. Тифлис, 1923; Аршаруни А. и Габидуллин Х. Очерки панисламизма и пантюркизма в России. М., 1931; Гусейнов М. Д. Тюркская демократическая партия федералистов "Мусават" в прошлом и настоящем. Баку, 1927; Гусейнов Р. Очерки революционного движения в Азербайджане. Вып. I. Баку, 1926; Димаништейн С. М. Революция и национальный вопрос. М., 1930; Караев А. Г. Из не далекого прошлого. Баку, 1926; Раевский А. Английская интервенция и мусаватское правительство. Баку, 1927; Его же. Английские "друзья" и мусаватские "патриоты". Баку, 1927; Ратгаузер Я. Революция и гражданская война в Баку, Ч.1. 1917-1918. Баку, 1927; Сеф С. Е. Борьба за Октябрь в Закавказье. Тифлис, 1932; Его же. К вопросу о социальной сущности "Мусавата" // Большевик Закавказья, 1928, № 5-6; Ставровский А. Закавказье после Октября. М. Л., 1925; Стеклов А. Армия мусаватского Азербайджана. Баку, 1928.*
5. См., *Гулиев Дж. Борьба коммунистической партии за осуществление ленинской национальной политики в Азербайджане. Баку, 1970; Искендеров М. С. Из истории борьбы Коммунистической партии Азербайджана за победу Советской власти. Баку, 1958; Кочарли Т. К. Исторический поворот в судьбах азербайджанского народа. Баку, 1980; Сумбатзаде А. С. Социально-экономические предпосылки победы Советской власти в Азербайджане. Баку, 1972 и др.*
6. *Агамалиева Н., Худиев Р. Азербайджанская Республика. Страницы политической истории. 1918-1920 гг. Баку, 1994; Багирова И. С. Политические партии и организации Азербайджана в начале XX века. 1900-1917 гг. Баку, 1997; Гасанов Дж. Из истории внешнеполитических связей Азербайджанской республики (1918-1920 гг). Баку, 1993 (на азерб.яз.); Насибзаде Н. Внешняя политика Азербайджана (1918-1920). Баку, 1996 (на азерб.яз.); Ягублу Н. История партии "Мусават". Баку, 1997 (на азерб.яз.). [19-20]*
7. *Расулзаде М. Э.. Азербайджанская Республика. Баку 1990 (на азерб.яз.); Его же. Избранные произведения, т. I. Баку 1992 (азерб.яз.); Его же. Сиявуш нашего века. Современная азербайджанская литература. Современная азербайджанская история. Баку, 1990 (на азерб.яз.); Его же. Восточная политика большевиков. Баку, 1994 (на азерб.яз.); Его же. О пантюранизме» Оксфорд, 1985 и др.*

8. *Топчибашев А. М. Дипломатические беседы А. А. Топчибашева в Стамбуле. Записи чрезвычайного посланника и полномочного министра Азербайджанской Республики, 1918-1919 гг* Баку, 1994; *Его же. Меморандум, предъявленный находящимися в Константинополе почетным представителям держав Антанты, членом правительства Азербайджанской Республики, чрезвычайным министром - посланником при правительствах блистательной Порты, Армении и Грузии Али Мардан-беком Топчибашевым, ноябрь 1918 г.* Баку, 1993; *Руапамбеков Ш. Из печального прошлого // Кавказ, № 7-8, 1935; Зиядханов А. Азербайджан.* Баку, 1993 (на азерб. яз.); *Гаджибейли Дж. Первая мусульманская республика Азербайджан.* Париж, 1919.
9. *Авалов З. Независимость Грузии в международной политике.* Париж, 1924; *Байков Б. Воспоминания о революции в Закавказье (1917-1920 гг.).* Берлин, 1922; *Денстервил Л. Британский империализм в Баку и Персии в 1917-1918 гг.* Тифлис, 1925.
10. *Kazemzadeh F. The struggle for Transcaucasia (1917-1921) № Y., 1951; Swietochowski T. Rus Azerbaycani. 1905-1920.* Ankara 1988; *Zenkovsky S. PaṅTurkism and Islam in Russian.* Cambridge 1960; *Sunny R. G. The Baku Commune. Classes and Nationalism in Russian Revolution. 1917-1918.* Princeton, 1972; *Wimhush S. E. Divided Azerbaijan. Nation ya, assimilation and mobilization between three states // Soviet Asian ethnic frontiers, 1979; Alshadt A. The Azerbaijani Turks.* Stanford, 1992, etc.
11. *Kazemzadeh F. Указ. раб., с. 115.*
12. *Архив Азербайджана, 1988. № 1-2; Известия АН Азербайджана. Серия истории, философии и права, 1990, № 1-2; История Азербайджана по документам и публикациям.* Баку 1990.
13. *Rusyada Birinci Musluman kongresi.* Ankara, 1990.
14. *Большевики в борьбе за победу социалистической революции в Азербайджане. Документы и материалы. 1917-1918 гг.* Баку, 1957; *Борьба за победу Советской власти в Азербайджане 1918-1920 гг. Документы и материалы.* Баку, 1967; *Декреты, [20-21] Советской власти. т. I. М., 1957; Коммунистическая партия Азербайджана в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК.. т. I.* Баку, 1986 и др.
15. *См., Беленкий С. и Манвелов А. Революция 1917 года в Азербайджане (хроника событий).* Баку, 1927; *Сеф С. Е. Революция 1917 года в Закавказье. (Документы и материалы)* Тифлис, 1927.
16. *Беленкий С. и Манвелов А. Указ. раб., с. 4. [21-22]*

Г Л А В А I

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ И ХАРАКТЕРИСТИКА ЕГО ОСНОВНЫХ ЭТАПОВ

Этнополитические процессы в Азербайджане в XIX в. и некоторые аспекты формирования азербайджанской нации

Азербайджанское национальное движение имеет глубокие исторические корни и было подготовлено всей предыдущей многовековой борьбой азербайджанского народа за свободу и независимость своей Родины. Однако исходным моментом зарождения национального движения следует считать начало XX столетия, когда в процессе формирования азербайджанской нации как исторически обусловленной этносоциальной системы были достигнуты значительные результаты, которые, в свою очередь, явились закономерным итогом глубоких этнополитических и социально-экономических процессов, происходивших в азербайджанском обществе в течение всего XIX в.

На рубеже XVIII-XIX вв. азербайджанский народ переживал одну из самых трагических страниц своей истории - эпоху феодальной раздробленности. На территории страны существовали многочисленные независимые и полунезависимые государственные образования - ханства. Неизбежные спутники феодальной раздробленности - частые и бессмысленные с общенациональной точки зрения войны между ханствами, перманентная борьба за власть между различными группировками внутри каждого из них, резко замедляя этноконсолидационные процессы у азербайджанцев, в конечном итоге, привели к окончательному краху экономики и военно-политическому ослаблению страны.

Это сделало Азербайджан относительно легкой добычей могущественных соседей - Ирана и России. Длительная борьба между этими государствами за овладения Азербайджаном закончилась [22-23] в 1828 г. подписанием Туркменчайского соглашения, согласно которому североазербайджанские земли были аннексированы Россией, а южные области Азербайджана вошли в состав Ирана.

Последствия феодальной раздробленности оказались весьма трагическими для судеб азербайджанского народа. Этническая территория азербайджанцев была расчленена между двумя соседними империями и с этого момента развитие двух частей азербайджанского этноса пошло обособленными путями.

В своем движении на Восток, в том числе, на Азербайджан, Российская империя исходила из европоцентристской концепции мира. Ее суть заключалась в представлении о том, что движение на Восток - движение в пустоте, по землям, никому не принадлежащим, а встречающиеся на пути колонизаторов этнические образования не более чем скопища, банды. Вообще, мир в рамках имперского сознания отчетливо делился на "цивилизированный" и "нецивилизированный".

Из этого следовали два главных вывода. Первый: на "дикие" народы не могут распространяться нормы международного права. И второй: жестокость - единственное эффективное средство общения с "дикарями", устрашение и подавление - единственный язык, на котором можно разговаривать с "нецивилизированным" миром. Российский вице - канцлер А. М. Горчаков по этому поводу отмечал, что "азиатские народы по преимуществу уважают только видимую силу, нравственная сила ума и интересов образования еще несколько не действует на них" (1).

Подлинным полигоном для применения этих имперских принципов стал Азербайджан, где "водворение общечеловеческих понятий" Российской империей осуществлялось с особой жестокостью и целенаправленностью.

Делая ставку в своей колониальной политике на Кавказе на христианские народы региона, Россия стремилась приуменьшить роль и значение мусульманского, в том числе и азербайджанского, этнического фактора. С этой целью царским правительством велась активная политика, направленная на изменение этнодемографической ситуации в регионе. Только в первые годы нахождения североазербайджанских земель в составе Российской империи, в основном из Эривани, Нахчывана, Карабаха, Шурагеля, Памбака и Лори в соседние страны было выселено и переселилось около 100 тыс. мусульман, среди которых преобладали азербайджанцы. Основной причиной их переселения являлись невыносимые условия, созданные царской администрацией [23-24] в Азербайджане. Причем, русское правительство не только не стремилось удерживать азербайджанцев, а наоборот, провоцировало их к переселению.

Причем значительную часть выселенных и вынужденно переселенных азербайджанцев составляли представители знатных родов. Дело в том, что по условиям Туркменчайского договора на территориях Карабахского, Нахчыванского и Эриванского ханств запрещалось селиться или проживать азербайджанцам, "носившим публичные звания или имеющим некоторое достоинство, каковы суть: ханы, беки и духовные начальники или моллы, кои личным примером, внушениями и тайными связями могут иметь вредное влияние на прежних своих сородичей, бывших в их управлении, или им подвластных" (2). Как нетрудно догадаться подобный шаг русских властей был продиктован необходимостью лишить азербайджанцев на этих землях политических и духовных руководителей, что, значительно снизив их сопротивляемость колониальной политике России, облегчало задачу вытеснения азербайджанцев из этих территорий.

Одновременно с этим на указанные азербайджанские земли переселялись армяне из Ирана и Турции. Только по официальным данным в течение трех лет - с 1828 по 1830 г. - в Закавказье было переселено свыше 40 тыс. иранских и 84 тыс. турецких армян. С учетом же неофициально переселившихся армян, их численность превышала 200 тыс. чел. (3), подавляющая часть которых разместились на территории Азербайджана. В итоге, лишь в Эриванской и Нахчыванской провинциях удельный вес армян в общей численности населения в период с 1829 по 1832 г. увеличился с 23,5 % до 50,1 %, а их абсолютная численность выросла в 3,3 раза. А доля азербайджанцев в этих провинциях за соответствующий период снизилась с 69,3 % до 45,2 % (4).

Переселение армян в пределы Азербайджана с высокой интенсивностью продолжалось и в последующие десятилетия XIX в. Всего к началу XX столетия в Закавказье было переселено более 1 миллиона армян, значительная часть которых расселилась на азербайджанской территории.

Наряду с армянами, начиная с 30-х гг. XIX в., в Азербайджан переселялись русские сектанты и раскольники - молокане, духоборы, субботники и др., но в количественном отношении последние значительно уступали армянским переселенцам. Так, в 1849 г. в Азербайджане были размещены 2 109 русских семей (5). [24-25]

Переселенческая политика русского правительства привела к сокращению этнической территории азербайджанцев. В результате массового переселения армян значительно снизилась численность азербайджанцев в северной и центральной части Эриванской провинции, а также в Шурагель-Памбакской зоне. По той же причине уменьшился удельный вес азербайджанцев в Нахчыванской провинции, нагорной части Карабаха, в Зангечурском, Гейчинском, Гернибасарском, Дарачичакском, Даралагезском и др. магалах т. н. "Армянской области". Отметим, что в момент образования т. н. "Армянской области", состоящей из исторических азербайджанских земель Эриванской и Нахчыванской провинций, в них проживало 107 224 чел., из них азербайджанцев 74 260 (69,3 % от общей численности населения), 7489 курдов (7,0 %), 324 йезида (0,3 %) и 25 151 армян (23,4 %) (6).

Мощным орудием русского правительства в осуществлении основных целей своей колониальной политики являлась административная система. Лишая народы права на сохранение какой-либо формы государственности, царизм при реализации административно-территориальных преобразований в регионе абсолютно игнорировал принцип этнического единства и территориальной целостности народов. Административно-территориальные реформы, проведенные в середине XIX в., привели к тому, что этническая территория азербайджанцев было разделена между Бакинской, Елизаветпольской (Гянджинской), Тифлисской, Эриванской губерниями, Дагестанской областью и Загатайским округом. Данное положение без существенных изменений сохранялось вплоть до 1917 г. Таким образом, в составе Российской империи Азербайджан как собирательная административно-экономическая и политическая единица не существовал.

Попытки расчленения целостности этнической территории, одной из важнейших условий формирования нации, создающей естественную базу для этнополитического, культурного и экономического сплочения, несомненно, в определенной степени замедлили процесс этнополитической консолидации азербайджанцев. Однако, несмотря на все свои старания русское правительство было бессильно перед объективным ходом истории, приведшим в конце XIX - начале XX в. к кардинальным качественным и количественным изменениям в экономической и социально-политической жизни Азербайджана.

Данный период стал этапным в переходе азербайджанского общества от феодализма к капитализму, и, следовательно, в процессе формирования азербайджанской нации. Эти годы [25-26] ознаменовались бурным экономическим развитием и утверждением капиталистических отношений в Азербайджане. В итоге, к исходу первого десятилетия XX в., составляя всего 0,4 % территории и 1,4 % населения Российской империи, Азербайджан производил до 5 % промышленной продукции империи и обладал 8 % численности ее фабрично - заводских рабочих. Поэтому не случайно, что еще в 1897 г. 13,7

% самодеятельного населения Азербайджана было занято в промышленности, тогда как в целом по Российской империи даже в 1913 г. этот показатель не превышал 9 % (7).

Азербайджанская промышленность имела многоотраслевую структуру. Ведущую роль в ней играла нефтедобывающая промышленность, которая развивалась высокими темпами. За 30 лет (1873-1903) добыча нефти в Азербайджане увеличилась более чем в 170 раз. По уровню добычи нефти Азербайджан в 1897 г. сравнялся с США, а в 1898 г. обогнал их, заняв первое место в мире (8).

Нефтяная промышленность Азербайджана по уровню социально-экономического развития находилась на самой высшей ступени капиталистического развития. Шел интенсивный процесс концентрации нефтедобычи в руках нескольких крупнейших монополистических объединений, которые по своей структуре принципиально мало отличались от современных капиталистических концернов США, ФРГ и других стран (9). Значительные развитие получили отрасли, связанные с нефтедобычей: нефтеперерабатывающая, химическая, металлообрабатывающая, строительная промышленность, энергетика, морской и железнодорожный транспорт. В структуре азербайджанской промышленности значительное место принадлежало меднорудной и медеплавильной, различным отраслям легкой и пищевой промышленности.

В результате развития капиталистической промышленности росли азербайджанские города. Рост городского населения в Азербайджане значительно опережал общий рост населения. В 1873 г. городское население Бакинской и Гянджинской губерний составляло 132 008 чел., а в 1897 г. - 259 254 чел., т. е. примерно за четверть века возросло почти в 2 раза. Особенно высокими темпами увеличивалось население Баку, ставшего общенациональным городским центром. С 1864 по 1897 гг. население Баку увеличилось с 14,7 тыс. чел. до 112 тыс. чел., т. е. почти в 8 раз. Возрастало значение других азербайджанских городов - Гянджи, Шуши, Нухи, Шамахи, Нахчывана, которые играли все большую [26-27] роль в общественно-культурном развитии азербайджанского народа.

Концентрация в городах национальной буржуазии, трудовых слоев народа, учащейся молодежи и интеллигенции превращали их в национально - организующие центры. Вместе с тем, роль городов зачастую была противоречивой, т. к. крупные азербайджанские города, в частности Баку, являлись не только центрами притяжения национально-патриотических сил, но и очагами русификации. Тем не менее, несмотря на эти обстоятельства, городские центры сыграли важную роль в становлении и развитии Азербайджанского национального движения.

Более медленно развивались капиталистические отношения в азербайджанской деревне. В ее поземельном устройстве все еще господствовали докапиталистические производственные отношения, хотя капиталистический способ производства пробивал себе дорогу и в сельском хозяйстве, и оно все больше приобретало товарный характер. Это проявилось прежде всего в специализации отдельных районов на производстве одного или двух видов сельскохозяйственных культур.

При этом особенно быстрыми темпами развивались чисто товарные отрасли сельского хозяйства – хлопководство, шелководство, табаководство.

Результатом развития капитализма в азербайджанской деревне явилось усиление процесса классовой дифференциации и превращение зажиточных крестьян в сельскую буржуазию. В руках сельской буржуазии - кулаков и других предпринимательских элементов - находились 8,6 % всех хозяйств. Однако, около одной трети всех хозяйственных операций принадлежала этим хозяйствам, что отражало их реальное положение в системе сельскохозяйственного производства (10).

Кроме указанных хозяйств, в конце XIX в. в деревне появились ряд капиталистических хозяйств, владельцами которых были нефтепромышленники. На путь капиталистического хозяйствования вступали и некоторые бекские хозяйства. Успехи, достигнутые в капиталистическом переустройстве экономики Азербайджана, в основном подготовили социально - экономическую базу формирования азербайджанской нации.

Безусловно, проблема формирования азербайджанской нации заслуживает, ввиду своей сложности и неразработанности, специального исследования. В нашей работе мы затрагиваем лишь те ее аспекты, которые представляют несомненный интерес для понимания особенностей путей зарождения и развития Азербайджанского национального движения. [27-28]

Развитие капиталистических отношений в промышленности и торговле, усиление товарного производства и товарно-денежных отношений в деревне повлекли за собой кардинальные изменения в социальной структуре азербайджанского общества. Возникли характерные для буржуазного общества классы и социальные группы - национальная буржуазия, интеллигенция и рабочий класс.

Характерной особенностью процесса становления азербайджанской нации являлось то, что он начался и протекал в условиях жестокого национального и социального гнета со стороны русского колониализма. Данное обстоятельство оставило свой отпечаток на эволюции капиталистических отношений в Азербайджане.

Экономика Азербайджана находилась в тисках колониального гнета. Ключевые позиции в ней принадлежали иностранному, в частности, русскому капиталу. В этом отношении очень характерной была ситуация в нефтяной промышленности. Так, к началу XX в. из 167 нефтепромышленных предприятий Азербайджана, представителям национального капитала принадлежало 49, или 29,3 %. Причем, азербайджанские капиталы были заняты, по преимуществу, в мелких, и лишь частично, в средних предприятиях. В группе предприятий с производственной мощностью более 10 млн. пудов нефти в год азербайджанские предприниматели вообще не участвовали (11).

Экономическая политика русского правительства, направленная на прекращение Азербайджана в аграрно-сырьевой придаток метрополии, сознательно ограничивала предпринимательскую деятельность азербайджанской национальной буржуазии в обрабатывающей промышленности и, в первую очередь, в тех ее отраслях (например, текстильной), которые могли бы превратиться в конкурентов собственно русской промышленности.

Однако, несмотря ни ограничения, связанные с колониальной политикой русского царизма, и конкуренцию со стороны иностранных капиталистов, азербайджанскому национальному капиталу удалось овладеть определенными позициями в нефтедобыче и нефтепереработке. Более прочными были ее позиции в металлообрабатывающей, шелковой, легкой, пищевой и некоторых других отраслях промышленности. Значительной была прослойка азербайджанской буржуазии в торговле. Ей принадлежала большая часть морских судов, плавающих на Каспийском море. [28-29]

Следует подчеркнуть, что, в целом азербайджанская национальная буржуазия по сравнению с иностранным капиталом была еще слабой. Национальной буржуазии недоставало не только средств, но и влиятельных связей, опыта хозяйственной и политической деятельности. Преобладающая часть азербайджанских капиталистов являлась предпринимателями в первом поколении. По своему образу жизни они еще во многом несли на себе традиции тех слоев населения, из которых недавно вышли.

Тем не менее необходимость борьбы за место под солнцем, против конкуренции инонациональных элементов сделали азербайджанскую буржуазию одним из активных участников национальной движения. Невозможно также переоценить роль национальной буржуазии в борьбе против феодальных пережитков, в зарождении новой азербайджанской культуры, и в целом в национальном развитии.

Наряду с азербайджанской буржуазией формировался национальный рабочий класс. Высокие темпы роста азербайджанской экономики, в частности, бакинской нефтяной промышленности, требовали большого количества наемных рабочих. Основным источником формирования национального рабочего класса была азербайджанская деревня, из которой обезземеленные крестьяне уходили в города на заработки, пополняя собой ряды пролетариата. Другим важным источником формирования пролетариата служили отходники из Южного Азербайджана.

Основная часть национального рабочего класса сформировалась в ведущих отраслях производства - нефтедобывающей и нефтеперерабатывающей промышленности, железнодорожном и водном транспорте, и т. д., что создавало условия для складывания наиболее устойчивых, потомственных кадров пролетариата, не одним своим поколением связанных с наемным трудом.

Конечно, в Азербайджане процесс формирования устойчивых кадров потомственных рабочих находился лишь на начальной стадии. Азербайджанцы представляли основную часть низкооплачиваемых, неквалифицированных рабочих, а их доля среди должностей, требовавших высокой квалификации была относительно низкой. Большинство азербайджанских рабочих было связано с деревней, хотя главным источником существования для них уже являлся наемный труд в промышленности. Процесс интеграции в единое социальное целое промышленных и сельскохозяйственных рабочих был еще далек от завершения. В положении сельскохозяйственного пролетариата сохранялось много феодальных пережитков. Несмотря на все это, в [29-30] азербайджанском обществе появился новый класс, отличающийся новым строем жизни, новым уровнем материальных и духовных потребностей.

Ввиду еще недостаточной социальной консолидированности, азербайджанский рабочий класс не играл ведущую роль в национальном движении, хотя азербайджанские рабочие активно участвовали в национально-освободительной борьбе.

Во второй половине XIX в. формируется национальная интеллигенция, призванная удовлетворять интеллектуальные и идеологические потребности основных социальных групп азербайджанского общества. Несмотря на свою малочисленность, национальная интеллигенция сыграла решающую роль в осознании азербайджанским народом своих социальных, политических и национальных прав. Интеллигенция сравнивала положение своего народа и более развитых наций, впитывала идеи национального освобождения и демократии, что ускоряло идейно-политический прогресс общества стимулировало процесс формирования азербайджанской нации. Поэтому вполне закономерно, что именно азербайджанская интеллигенция стала руководящей и главной движущей

силой национального движения. Из ее рядов вышли политические вожди и идеологи Азербайджанского национального движения.

В целом, социально-политические сдвиги, происшедшие в Азербайджане на рубеже XIX-XX вв., существенно изменили социальный облик азербайджанского общества. С появлением в этот период национальной буржуазии, промышленного и сельскохозяйственного пролетариата, а также национальной интеллигенции, этносоциальная структура азербайджанского этноса в основных чертах приобрела признаки, присущие нации.

Составной частью процесса образования азербайджанской нации являлось формирование национального самосознания на качественно новой основе. В этой связи необходимо напомнить, что путь становления национального самосознания у азербайджанцев был тернистым и противоречивым. Еще к середине XIX в. самосознание азербайджанцев имело "ярусную систему", важнейшими компонентами которого были: 1) осознание причастности к конфессиональному (исламскому) макроареалу; 2) принадлежность к тюркской языковоплеменной общности; 3) принадлежность к конкретной тюркской народности - азербайджанским тюркам; 4) принадлежность к конкретному региону (ширванцы, нахичеванцы, карабахцы и т. д.); 5) узколокальная (местная) соотнесенность и характеристика. [30-31]

Отмеченные компоненты азербайджанского самосознания не противоречили друг другу, хотя функциональная значимость каждого из них не была одинаковой и постоянной. Соотношение между компонентами менялось в зависимости от исторической ситуации. Так, к началу XIX века для азербайджанского этноса был характерен относительно низкий уровень этнополитической консолидации, т. к. религиозная и региональная принадлежность были сильнее этнической идентификации. Подобное положение было обусловлено особенностями исторического развития Азербайджана - господством ислама и отсутствием политического единства страны.

Если эпоха Возрождения в Европе, в конечном итоге, привела к победе светского над религиозным, дав сильнейший толчок развитию национального самосознания европейских народов, то на Востоке, к сожалению, аналогичные процессы опоздали на несколько столетий. Утверждение ислама в качестве господствующей формы идеологии в азербайджанском обществе в течение длительного исторического периода привело к доминирующему положению конфессиональной характеристики в самосознании азербайджанцев.

Тем более, что по исламским канонам разделение мусульман по национальному и расовому признаку считалось большим грехом, равносильным язычеству, с которым ислам вел жестокую и непримиримую борьбу на протяжении всей своей истории. Согласно исламской религии все мусульмане, независимо от своей национальной и расовой принадлежности, составляли единую "умму" - сообщество мусульман всего мира. В этом отношении вполне естественно, что в донациональный период этническое самосознание у азербайджанцев нередко заслонялось религиозным. Уз. Гаджибеков в одной из своих статей так описывал подобную ситуацию:

"Если одного из нас спросишь:

- Кто ты?

- Я мусульманин, - последует ответ.

- К какой нации ты принадлежишь?

- К мусульманской нации.

- Какую религию исповедуешь?

- Мусульманскую.

- На каком языке говоришь?

- На мусульманском языке." (12)

В течение всего XIX и начала XX в. шел интенсивный процесс освобождения этнического самосознания азербайджанцев [31-32] от религиозных оков. Наряду с объективными факторами, в этом процессе видная роль принадлежит целой плеяде выдающихся азербайджанских мыслителей и литераторов, которые своей деятельностью нанесли сокрушительный удар и окончательно подорвали доминирующее положение конфессионального фактора в структуре этнического самосознания.

В развитии национального самосознания в этот период доминантной была его эволюция от местного и регионального к общеазербайджанскому самосознанию, хотя этот процесс и отличался неравномерностью. Местное и региональное самосознания, консервировавшиеся феодальной раздробленностью, а затем административно-территориальным расчленением азербайджанских земель в составе Российской империи, были еще весьма живучи.

Впрочем, в процессе генезиса национального самосознания все же преобладали объединительные тенденции, и постепенно местное и региональное самосознания занимали подчиненное положение по отношению к общеазербайджанскому. Соответственно менялось не только содержание, но и характер этой подчиненности. Если в донациональный период местное и региональное

самосознания существовали как бы наряду, параллельно с общеэтническим азербайджанским самосознанием, то в период становления нации они все более органично включались в него. Не исчезая полностью, эти формы самосознания постепенно образовывали иерархическую систему, шедшую снизу, от местного самосознания вверх - через региональное - к общеазербайджанскому национальному самосознанию. Это означало, что в становлении азербайджанской нации конвергентные тенденции становились преобладающими и приобретали необратимый характер.

Этот процесс, в определенной степени, стимулировался также чувством национального самоутверждения, обостренным политикой жестокого национального и социального гнета, проводившегося правящими кругами царской России. Условия Российской империи создавали благоприятную почву для проявления антитезы "мы-они", которая играла особую роль в складывании структуры национального самосознания. Подчеркивая роль данного фактора, М. Э. Расулзаде писал: "У русских есть известная поговорка: "нет худа без добра". Русская оккупация имела и положительные моменты для Азербайджана, одним из которых явилось то, что азербайджанцы осознали себя как социальное явление, общество, имеющее свои культурные [32-33] традиции, иными словами, они поняли, что представляют собой нацию..." (13).

Следует подчеркнуть, что переход к уровню нации был связан не только с эволюцией социальной структуры общества и формированием национального самосознания, но и значительным повышением уровня плотности внутриэтнических коммуникационных связей, что собственно является одной из главных отличительных черт донационального периода от национального. Данный уровень, более высокий по сравнению с донациональным периодом, характеризовался формированием единого национального рынка, усложнением и ростом внутринациональных экономических связей, распространением грамотности и образования (хотя бы частично, хотя бы начального) в среде народных масс, с формированием национального литературного языка и прессы, а также качественно новой системы национальной культуры.

В рамках общеимперского рынка в Азербайджане складывался собственный внутренний рынок. Об этом свидетельствовала наметившаяся специализация экономических районов Азербайджана, их разделение на промышленные и сельскохозяйственные, появление крупных центров, соединенных железными дорогами не только между собой, но и с другими частями империи, сложившийся рынок рабочей силы.

Консолидации внутреннего рынка и упрочению связей азербайджанской экономики с мировым рынком способствовало развитие транспортной системы страны. Конец XIX в. ознаменовался широким развитием железных дорог, которые укрепляя связи между различными промышленными и сельскохозяйственными районами страны, разрушали хозяйственную замкнутость многих уездов Азербайджана. В этот период произошли большие перемены и в развитии телеграфной и почтовой связи, что явилось составной частью создания инфраструктуры, необходимой для капиталистической экономики, все более прочно связывавшей в единое целое различные регионы Азербайджана.

Развитие промышленности в Азербайджане, сопровождавшееся урбанизацией, усилением торгово-экономических связей, общими процессами социально-экономической и культурной интеграции, обусловили изменения коммуникативных потребностей нации. Эти изменения, в свою очередь, способствовали и стимулировали процесс перехода азербайджанского литературного языка из донационального, ненормированного и функционально [33-34] ограниченного состояния в общенациональное, т. е. нормированное и функционально расширенное состояние.

В донациональный период развития азербайджанский литературный язык в структурном отношении представлял собой открытую систему. Нормализаторские усилия в нем были выражены очень слабо, отсутствовала кодификация языка, практически не было терминологии и стилистической дифференциации.

В функциональном отношении азербайджанский литературный язык донационального периода отличался от литературного языка общенационального периода прежде всего ограниченностью сфер употребления. Так, например, в сфере устного общения преобладали территориальные диалекты или обиходно - разговорный язык. В силу отсутствия политической независимости на различных этапах исторического развития азербайджанского этноса в общественных сферах функционировали, за редким исключением, иностранные языки - арабский, персидский, русский. Их широкое использование значительно ограничивало функции азербайджанского языка в науке, культуре, образовании, делопроизводстве и других сферах.

В социальном отношении азербайджанский литературный язык донационального периода являлся привилегией представителей образованных классов высшего общества и носил при этом преимущественно письменный характер. Поскольку письменность нанялась принадлежностью лишь высших слоев общества, литературный язык имел явно выраженный элитарный характер.

С наступлением национальной эпохи в развитии азербайджанского этноса значительно расширился функциональный диапазон литературного языка. Он стал языком книгопечатания и прессы, науки и образования, художественной литературы и повседневного общения. По мере развития социальных функций азербайджанского литературного языка шел процесс формирования его устной формы.

Одновременно с этим отчетливо проявлялась тенденция демократизации литературного языка, его сближение с современной разговорной речью. Азербайджанский литературный язык утрачивая свою социальную маркированность, переставал быть привилегией узкого круга лиц. Увеличилось количество активных носителей литературного языка. Следовательно, из языка элитарного, социально ограниченного азербайджанский литературный язык постепенно превращалась в общенациональный язык. [34-35]

Во внутривидовом отношении расширение сфер функционирования литературного языка ускорило процессы его стилистического расслоения. Поэтому литературный язык национального периода в отличие от донационального обладал развитой стилистической системой. Литературный язык получил стабильную, кодифицированную норму, наблюдался существенный сдвиг в сфере терминологической деятельности.

Безусловно, все эти процессы в развитии азербайджанского литературного языка были еще далеки от своего завершения. Тем не менее, позиции азербайджанского языка в национальную эпоху заметно укрепились и он мог успешно выполнять свою консолидирующую миссию в жизни нации.

Важную роль в становлении нового литературного языка сыграла национальная печать, появившаяся в последней четверти XIX века. Адресованность газет и журналов массовому, а отнюдь не элитарному читателю предполагала упрощение языка периодической печати, приближение его к разговорной речи. Вместе с тем, это выдвигало в качестве непреложного требования принцип надрегиональной значимости языка периодической печати, его общепонятность. Следует отметить, что для азербайджанской прессы периода формирования нации была характерно активное, временами даже несколько прямолинейное вмешательство в языковую жизнь.

Потребность в газете ощущалась азербайджанской интеллигенцией уже с конца 60-х гг. XIX в. Однако осуществить ее удалось только к середине 70-х гг. 22 июля 1875 г. вышел первый номер газеты "Экинчи", заложившей основу национальной периодической печати. Ее издателем и редактором был выдающийся азербайджанский публицист и просветитель Г. Б. Зардаби. Газета "Экинчи" являлась активным пропагандистом демократических и просветительских идей, чем и вызвала серьезную обеспокоенность колониальных властей. В сентябре 1877 г. последовал правительственный указ о запрещении падания газеты.

Но русским властям не удалось задуть развитие азербайджанской печати. С января 1879 г. стала выходить новая газета на азербайджанском языке - "Зия". Впоследствии начали издаваться газеты - "Зияйи Гафгасиййе" и "Кешкюль". В связи с оживлением национальной жизни в начале XX в. значительно возросло число периодических изданий на азербайджанском языке. В этот период издавались многочисленные газеты и журналы различной направленности - "Молла Насреддин", [35-36] "Хаят", "Шерги-рус", "Фиюзат", "Иршад", "Шелале", "Игбал", "Бахлул", "Ниджат", "Ачыг сез" и др. Национальной интеллигенцией на русском языке выпускались газеты "Каспий" и "Баку".

Создание и развитие азербайджанской печати было связано прежде всего с борьбой за национальное равноправие. Поэтому внутренней пружиной большинства газетно-журнальных публикаций стало стремление сплотить массы, сделать каждого азербайджанца борцом за национальные права.

В условиях колониального угнетения азербайджанские периодические издания, имея общекультурное и общенациональное значение, оказывали сильное влияние на процесс становления азербайджанской нации. Несмотря на все препятствия и ограничения русских властей, печать являлась одной из немногих легальных средств самовыражения нации и орудием защиты национальных интересов. Периодические издания своей деятельностью немало способствовали укреплению национальных взаимосвязей и развитию национального самосознания.

Процесс формирования азербайджанской нации ознаменовался зарождением новой системы национальной культуры. Развивая богатейшие традиции самобытной национальной культуры, М. Ф. Ахундов, Г. Б. Зардаби, Дж. Мамедкулизаде, М. А. Сабир, Уз. Гаджибеков и другие выдающиеся азербайджанские деятели подняли ее на качественно новый уровень.

Азербайджанская культура нового времени была выразительницей национально-освободительных устремлений народа. Обращаясь к фактам действительности, и в своей интуитивной форме постижения мира зачастую опережая его научное познание, культура воздействовала на формирование национального самосознания, превращаясь, тем самым, в активный фактор национального движения.

Важнейшей чертой азербайджанской культуры периода формирования нации было, с одной стороны, постоянное сближение между культурой образованных верхов и народной культурой, всемерное расширение взаимодействия между профессиональным и народным художественным творчеством, а с другой стороны, творческое освоение опыта развития мировой культуры.

Сопряженность профессионального искусства с мощным пластом народной культуры способствовала усилению демократических тенденций не только в азербайджанском искусстве, но и во всей духовной жизни азербайджанского общества периода [36-37] становления нации. Все это превращало искусство, и, прежде всего, художественную литературу, в огромную Мобилизующую силу в национальной борьбе.

Одновременно прогрессивные деятели национальной культуры все больше убеждались в том, что дальнейшее культурное развитие азербайджанской нации лежит не в стороне, а в русле столбовой дороги мировой цивилизации. Шел сложный процесс осмысления и осознания азербайджанской культуры в общемировом контексте, соотнесения ее с развитием других народов.

Именно благодаря этим творческим исканиям появились новые формы азербайджанской культуры, в частности, национальный театр и профессиональное музыкальное искусство. В национальный период появились новые концепции художественного развития и жанровые образования в традиционных видах азербайджанской культуры-литературе, архитектуре, живописи, прикладном искусстве и т. д. Возникли национальные художественные центры, система культурных учреждений, выросли кадры творческой интеллигенции. В этот период общим моментом в развитии всех видов национальной культуры было утверждение реалистических принципов.

Исследуя национально-культурные процессы среди азербайджанцев в конце XIX-начале XX в., американский ученый С. Э. Уимбуш справедливо замечает, что "это пробуждение и сопровождавшее его брожение интеллигенции были местным, азербайджанским явлением, а не простым подражанием российским культурным моделям, как это отмечалось у поволжских татар" (14).

Происходившие в последующие десятилетия процессы в азербайджанской культуре, во многом, являлись развитием и углублением тенденций, заложенных в конце XIX-начале XX в. В течение короткого исторического отрезка были созданы произведения высокой художественной ценности, которые вошли в золотой фонд национальной культуры. Неудивительно, что во многих областях культуры азербайджанцы в этот период опередили народы мусульманского Востока. "Как подчеркивал М. Э. Расулзаде, "...первым тюркским драматургом был азербайджанец, азербайджанцем являлся также первый тюркский композитор, среди тюрков России впервые азербайджанец выпустил газету, именно азербайджанцу удалось устранить несоответствие в религиозных направлениях ислама, азербайджанцу принадлежит идея реформы алфавита... Прирожденный талант азербайджанцев был обусловлен высоким уровнем материально-экономической жизни" (15). [37-38]

Эпоху становления азербайджанской нации смело можно назвать национальным возрождением, которое по своей значимости составляет одну из наиболее ярких и значительных страниц азербайджанской истории. Это была пора духовного взлета, когда был заложен фундамент современной национальной культуры, время преодоления препятствий на пути национального развития и высшего подъема национально-освободительного движения азербайджанского народа.

Таким образом, формирование азербайджанской нации как исторически обусловленной этносоциальной системы к концу XIX в., в основном, завершилось. Безусловно, если азербайджанскую нацию представить в качестве развивающейся системы, то очевидно, что отдельные компоненты этой системы к данному периоду еще не обрели достаточной степени зрелости. Однако, несмотря на это, направление движения определилось окончательно и процесс становления новой этносоциальной общности на азербайджанских землях приобрел необратимый характер.

Формирование нации, как правило, сочетается со стремлением к созданию в той или иной форме собственной государственной организации, обеспечивающей ее устойчивое функционирование. Именно это стремление зарождающейся азербайджанской нации обусловило возникновение национального движения в начале XX века.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Анисимов Е. Геополитика // Родина, 1989, № 12, с. 51.
2. Хазар, 1990, № 1, с. 145.
3. Шавров Н. Н. Новая угроза русскому делу в Закавказье. Спб., 1911, с. 59.
4. Известия Кавказского отделения Русского географического общества (ИКОРГО), т. VII, Тифлис. 1882-1883, сс. 92-93.
5. Кавказ, 1850, 15 мая.

6. Данные об армянском населении в России // ИКОРГО, т. VII, Тифлис, 1882-1883, с. 92.
7. Сумбатзаде А. С. Промышленный капитализм в Азербайджане // Генезис капитализма в Закавказье. Баку, 1969, с. 20.
8. Исмаилов М. А. Социально - экономическая структура Азербайджана в эпоху империализма. Баку, 1982, с. 6.
9. Алияров С. С. Монополии в нефтяной промышленности Азербайджана в период первой мировой войны (1914-март 1917 г.). Автореф. дисс. д-ра. ист. наук. Баку 1975, с. 43. [38-39]
10. Исмаилов М. А. Указ. раб., с. 114.
11. История Азербайджана. Баку, 1960, т. 2, с. 255.
12. Адабийят в индженесет, 1985, 11 октября.
13. Расулзаде М. Э. Сявуш нашего века // Хазар, 1990, № 1, с. 49.
14. Wimbush S. E. Divided Azerbaijan. Nation building, assimilation and mobilization between three states // Soviet Asian Ethnic Frontiers, 1979, p. 65.
15. Расулзаде М. Э. Сявуш нашего века // Хазар, 1990, с. 53.

Процесс становления национального движения в начале XX века

Исторический опыт свидетельствует, что национальные движения в различных регионах мира, при всем многообразии их целей и задач, форм и методов борьбы, проходят в своем развитии, как правило, два взаимосвязанных этапа. Этапу непосредственной борьбы за политическую независимость, являющейся высшей ступенью в развитии национальных движений, всегда предшествует начальный этап, характеризующийся доминированием национально-культурной проблематики. Главное содержание первого этапа во всех национальных движениях заключается в разрыве с феодальным идейно-культурным наследием и переходе к выработке основ новой национальной идеологии, в которой находит свое отражение теоретическое обоснование перспектив этнокультурного и политического развития нации.

На начальном этапе для идеологов национальных движений во всем мире было присуще обращение к проблемам культуры, к развитию и совершенствованию национального языка, и закреплению его в литературе, к пропаганде народности в искусстве и созданию отвечающей современным эстетическим нормам новой системы художественной литературы, к воспитанию национального патриотизма, т. е. к сумме тех духовных ценностей, которые в идеологизированной форме отражают процесс формирования нации и национального самосознания.

Все эти черты были характерны и для начального этапа Азербайджанского национального движения, охватывающего период примерно с начала XX века до февральской революции 1917 г. [39-40]

Культурно-просветительный характер начального этапа национального движения отнюдь не означал, что социально-политическая проблематика не имела в нем никакой актуальности. Так, в этот период лидерами национального движения неоднократно поднимались вопросы национального равноправия, отмены законодательных актов, ущемляющих права азербайджанцев по национальному и религиозному признаку.

Однако именно лозунги культурно-просветительного характера являлись не только типичными, но и господствующими в этот период. Следует иметь в виду, что эти лозунга объективно вовсе не были нейтральными в социально-политическом отношении. В них воплощалось стремление к ликвидации монополии инонациональных элементов в общественной жизни.

Как известно, в Российской империи была установлена система неравенства и дискриминации нерусских народов. Российское законодательство даже теоретически обосновывало неравноправное положение нерусских народов, в юридической форме зафиксировав гегемонию русских в многонациональной империи. Это нашло свое отражение в разделении народов Российской империи на две основные социально-правовые группы - державные народы и "инородцы". К первой группе относились преимущественно славянские народы. "Инородцами", в его широком значении, считались все подданные империи неславянского происхождения. Мусульмане, в том числе азербайджанцы, входили именно в эту группу. Неславянские народности, исповедующие христианство, в частности, грузины, армяне, прибалтийские этносы занимали промежуточное положение между этими двумя группами.

"Инородцы" под предлогом "недостаточности развития гражданственности" были ограничены во многих правах. Эти ограничения в полной мере распространялись и на азербайджанцев, в результате

чего они были лишены многих политических, гражданских и религиозных прав. Высшие должности во всех учреждениях гражданского и военного ведомств были им недоступны. Азербайджанцы как со средним, так и с высшим образованием ограничивались в выборе занятий свободными профессиями, устранились от педагогической деятельности, студенты - азербайджанцы не могли пользоваться казенными стипендиями, их не принимали в ряд высших учебных заведений. Они были полностью отстранены от несения воинских обязанностей.

В некоторых местностях мусульмане, в том числе азербайджанцы, не могли даже свободно проживать, приобретать [40-41] недвижимую собственность, заниматься торговлей. Они были лишены сословных прав русских дворян и купцов (1).

Царское правительство всячески стремилось ограничивать деятельность азербайджанской буржуазии. Наступление сильной великодержавной русской буржуазии и необходимость противопоставить ей организованную силу азербайджанской буржуазии требовали создания акционерных обществ, товариществ, торгово-промышленных компаний и т. п. - всего того, что запрещалось российскими законами предпринимателям - мусульманам (2).

Русские колониальные власти создавали многочисленные препятствия развитию родного языка азербайджанцев, печати, литературы, театра и других форм культурной жизни, функционировавших на национальном языке.

Отрицались не только права азербайджанцев как этнической общности, но и гражданское равноправие каждого азербайджанца в отдельности. Типичным примером этого, например, стала городская реформа, проведенная в Азербайджане с большими ограничениями. В основе всей официальной концепции по реформированию городского управления в Азербайджане лежал взгляд на здешнее общество как на неподготовленное, недостаточно созревшее для восприятия начал самоуправления.

Именно под этими выдуманскими предлогами русское правительство официально закрепило в "Городовом положении" принцип национального неравноправия. Согласно этому "Положению", представительство от избирателей - нехристиан, в том числе азербайджанцев, не могло превышать половины состава гласных в органах городского самоуправления. Поэтому, например, в 1877 г. 2900 избирателей из числа коренного населения, как "иноверцы", могли выбрать лишь такое количество гласных Бакинской городской думы, какое избрали всего 499 христиан. При избрании же Бакинской думы на 1886-1889 гг. одинаковое количество гласных могли выбрать 3541 азербайджанцев и всего 732 русских и армян. Такова была "льгота", как ее называли авторы "Городового положения", предоставленная азербайджанцам в условиях русского колониализма. Неудивительно, что в период с момента существования Бакинской городской думы до февральской революции 1917 г. ни один городской голова не был азербайджанцем (3).

В отличие от центральных областей империи, в Азербайджане земская реформа вообще не проводилась. Из-за отсутствия земских учреждений мировые судьи не выбирались, а назначались русским правительством. Уголовные дела разбирались без [41-42] участия присяжных заседателей. Судебное делопроизводство и разбирательство велось исключительно на русском языке. Судьи, как правило, назначались из числа царских чиновников, не знавших языка и традиций местного населения.

Конечная цель русской колониальной политики по отношению к азербайджанцам, как и другим поработанным народам, состояла в том, чтобы убив среди них зачатки всякой государственности, калечить их культуру, стеснять язык, держать их в невежестве, и, наконец, по возможности русифицировать их.

Отсюда и вытекали задачи Азербайджанского национального движения на начальном этапе его развития, а именно - достижение национального, политического и гражданского равноправия, и права на самостоятельное решение национально - культурных проблем.

Наивысшей точкой подъема Азербайджанского национального движения на начальном этапе его развития, несомненно, явился период революции 1905-1907 гг. В этот период в национальном движении четко прослеживалось два направления: радикальное и либеральное.

Возникновение радикального крыла в немалой степени было ответной реакцией на армяно-азербайджанские столкновения, спровоцированные российским самодержавием. В этой связи необходимо отметить, что различие в положении и интересах отдельных наций Российской империи, и, как следствие этого, несовпадение их национально-политических устремлений часто создавало серьезные проблемы в их взаимоотношениях. Это давало российским колониальным властям широкий простор для манипулирования и использования этих противоречий в своих целях.

Наглядным проявлением подобной политики стали армяно-азербайджанские столкновения, в развязывании которых в роли активной помощницы колониальных властей выступала партия "Дашнакцутюн", стремящаяся за счет аннексии исконно азербайджанских земель создать "Великую

Армению". Разжигание вражды между двумя народами, в конечном итоге, значительно облегчало задачи царизма в борьбе с национально-освободительными движениями кавказских народов.

Кровавые столкновения, начавшиеся с незначительного инцидента 6 февраля 1905 г. в Баку, затем распространились на другие регионы Закавказья, и продолжались до поздней осени 1906 г. В ходе этих столкновений погибло около 10 тыс. чел., подавляющее большинство которых составляли азербайджанцы, [42-43] т. к. в отличие от армян, они практически не имели организованной силы и им нечего было противопоставить хорошо вооруженным и обученным дашнакским бандам. В результате, в течение 1905-1906 гг. с лица земли были стерты 158 азербайджанских сел (4). Русские колониальные власти не только занимали подстрекательскую позицию в отношении армяно-азербайджанских столкновений, но их симпатии явно были на стороне армян. В этом отношении особенно выделялся кавказский наместник И. И. Воронцов - Дашков. Впоследствии, в одном из своих писем русскому царю, обосновывая необходимость своей проармянской ориентации, он писал: "...русская политика непрестанно с Петра Великого базировалась на доброжелательном отношении к армянам, которые и отплачивали за это нам во время военных действий активной помощью нашим войскам. Покровительствуя армянам, мы приобретали верных союзников, всегда оказывавших нам большие услуги" (5).

В сущности, в этот период Азербайджанскому национальному движению приходилось вести борьбу на двух фронтах - против русского колониализма и его пятой колонны в регионе в лице армянских политических сил. Однако, как это нередко бывает в истории, удары дашнакских банд по мирному азербайджанскому населению привели к эффекту бумеранга, значительно ускорив процесс создания первых азербайджанских политических организаций.

Эти трагические события, продемонстрировав всю беспомощность и беззащитность азербайджанцев перед злодеяниями дашнаков, вместе с тем, со всей наглядностью выявили слабые стороны азербайджанского общества - неорганизованность и полное отсутствие национально-координационных центров. Это позволило азербайджанским деятелям сконцентрировать свои усилия в решении этих проблем.

Другим последствием армяно-азербайджанских столкновений стало значительная радикализация национального движения. Неслучайно, что первые азербайджанские политические организации, возникшие в этот период, - "Дифаи", "Мудафиэ", "Иттифак", "Эшшемс" и др. составляли именно радикальное крыло Азербайджанского национального движения (6). Среди них наиболее заметную роль в национальном движении сыграла партия "Дифаи".

Созданная весной 1905 года, партия "Дифаи", в основном, действовала на территории Джеванширской, Шушинской, Гянджинской, Карягинской и др. уездах Гянджинской губернии, т. е. [43-44] именно в тех районах, где особенно свирепствовали дашнакские банды. "Дифаи" возглавляли А. Агаев, А. Рафабеков, К. Мехмандаров, И. Зиятханов и др. Главным идеологом и лидером партии был Ахмедбек Агаев (1869-1939).

Своей главной целью партия "Дифаи" считала освобожден мусульман Кавказа от угрожающей им гибели. Этой цели партия намеревалась достичь двумя средствами - просвещением и силой т. е. "с одной стороны, дать образование своему народу, просвещать его жизнь, а с другой стороны, посредством силы избавиться от врагов, правительственных мужей изменников и изменников, представителей собственного народа, не заботящихся о нем" (7). Партия "Дифаи" видела причины трагического положения азербайджанского народа в армяно-азербайджанских столкновениях, в отсталости и невежестве народных масс и прогрессирующем социально-нравственном упадке (8). В своих подпольно издаваемых прокламациях партия, называя кавказского наместника И. И. Воронцова - Дашкова "трусливым другом главарей "Дашнакцутюна", возлагала вину за кровавые армяно-азербайджанские столкновения на русские колониальные власти.

В одной из прокламаций партии говорилось: "Так правительственные мужи под страхом армянских бомб делают мусульманам разные беззакония, то для склонения их к справедливости, беспристрастию и совести партия "Дифаи" будет действовать против них бомбами и кинжалами. Мы начнем сопротивляться образовавшимся организованное и вооруженное войска армянам" (9).

Вместе с тем, партия указывала, что она не посягает национальное процветание какого-то ни было народа и выступает за истинное братство кавказских народов. "Если партия "Дашнакцютюн", говорилось в прокламации, совершенно явно и искренно, протянув нам руку, объявит нам свою программу и она окажется согласной с благоденствием Кавказа, правами и преимуществами всех народностей на Кавказе, то мы будем готовы работать солидарно с ними "(10). По замечанию Т. Светоховского, "рука, протянутая партией "Дифаи" армянам над головами расвирепевших банд, была не чем иным, как проявлением высшего гуманизма азербайджанской интеллигенции" (11). К сожалению, этот призыв не был услышан лидерами "Дашнакцютюна".

В борьбе с русским колониализмом партия "Дифаи" нередко прибегала к тактике индивидуального террора против царских [44-45] чиновников военных и полицейских чинов, известных своей подстрекательской ролью в армяно-азербайджанских столкновениях. Партия для этого специальные боевые команды. В 1906–1907 гг. ими были совершены покушения на генерала Голощапова, бывшего одно время генерал-губернатором г. Шуши и четырех уездов Гянджинской губернии, нахчыванского уездного начальника подполковника Энкеля, члена Гянджинского губернского присутствия по поселянским делам Клецинского и на других русских чиновников за их произвол и бесчеловечное отношение к азербайджанскому населению.

Безусловно, партия "Дифаи" и другие азербайджанские организации того периода не обладали еще большим авторитетом и влиянием среди народных масс, да и само их существование было непродолжительным. Но бесспорен их вклад в дело становления Азербайджанского национального движения. Именно эти организации радикального крыла своей деятельностью "пробили в Азербайджане первую брешь в многолетнем безропотном подчинении царскому режиму". (12), и, самое главное, подготовили почву для создания будущих массовых азербайджанских политических партий.

Не умаляя заслуги радикального крыла в политическом пробуждении азербайджанского общества, все же необходимо подчеркнуть, что ведущей силой национального движения в этот период являлось либеральное течение. Именно либералы, с подъемом революционного движения 1905-1907 гг. перешедшие к активным действиям, определяли основную политическую линию национального движения вплоть до февральской революции 1917 года.

Придерживаясь принципа лояльности русским властям, либералы в отличие от радикалов действовали мирными, легальными средствами. Они стремились решать национальные проблемы в представительных органах и путем переговоров с русской в администрацией. Азербайджанские либералы обращали значительное внимание организации петиционной кампании, что в период революции 1905-1907 гг. составляло генеральную линию их деятельности.

Для характеристики деятельности Азербайджанского национального движения на начальном этапе важное значение имеет апрельская (1905 г.) петиция, автором которой являлся А. М. Топчибашев. В ней нашли свое отражение основные цели национального движения на начальном этапе его развития - требование отмены всех правоограничений в отношении мусульман и [45-46] предоставление им равных, наряду с другими народами империи, политических, гражданских и религиозных прав.

В петиции, представленной русскому правительству, в частности, поднимался вопрос о представительстве мусульман "во всех законосовещательных, законодательных и других учреждениях представительного характера, которые будут образованы в империи", о праве занятия ими без ограничений должностей на государственной службе и общественном поприще. Значительное место в петиции занимало обоснование необходимости введения на Кавказе земских учреждений на началах полного самоуправления, участия мусульман в земстве и городском самоуправлении без всяких ограничений. Ставился вопрос о введении суда присяжных и института выборных мировых судей, что имело большое значение для Азербайджана, т. к. судьи здесь не знали национального языка и не были знакомы с бытом местного населения (13).

Петиция содержала также ряд других требований - распространение на мусульман свободы совести, слова и печати, свободы собраний и союзов, неприкосновенности личности и жилища, введение всеобщего обязательного и бесплатного начального образования с преподаванием на родном языке и т. д. Не были забыты и проблемы азербайджанских крестьян. Для облегчения их положения в петиции предлагалось создать условия для обязательного выкупа крестьянских наделов, предоставления малоземельным и безземельным крестьянам земли, установление налогов с учетом местных условий (14). Выдвинутые в петиции требования стали программой деятельности всего Азербайджанского национального движения до февраля 1917 г.

Азербайджанскими деятелями предпринимались шаги в направлении объединения усилий мусульманских народов империи в борьбе с российским колониализмом. Тем более, что общность интересов и целей мусульманских народов России объективно порождала поиски путей сближения и сотрудничества этих народов. Лидеры мусульманских народов ясно осознавали, что в силу ряда объективных и субъективных факторов, в отдельности им будет очень сложно отстоять свою национальную самобытность, сохранить свое культурное наследие и исторические ценности.

Эти обстоятельства способствовали налаживанию сотрудничества между лидерами национальных движений мусульманских народов Российской империи, проявлением которых стало проведение в 1905-1907 гг. в Нижнем Новгороде и Санкт-Петербурге [46-47] трех Всероссийских мусульманских съездов. В организации этих съездов активное участие принимали представители Азербайджанского национального движения. А. М. Топчибашев даже являлся автором устава и программы Всероссийского мусульманского союза ("Иттифаги-муслимун"), образованного 15 августа 1905 г. на I съезде мусульман России.

В резолюции I съезда Союза были определены следующие цели этой организации:

- 1) Объединение российских мусульман в рамках единого движения;
- 2) Установление конституционной монархии, основанной на пропорциональном представительстве национальностей;
- 3) Юридическое равенство мусульманского и русского населения, отмена всех законов и методов управления, дискриминационных по отношению мусульман;
- 4) Культурный и образовательный прогресс мусульман (15).

Игнорируя очевидные факты, в советской историографии движение мусульманских народов России в начале XX века, как правило, характеризовали, как панисламистское. Для нее "во всех случаях, когда в бывшей Российской империи приходилось иметь дело с движением (аграрным, национально-освободительным, революционным и т. д.) тюрко-татарских народов в России, был готов общий рецепт и стандартная форма определения панисламизм" (16). Хотя некоторые объективные авторы еще в дореволюционное время отмечали, что "крайне несправедливо отождествлять мусульманское движение в России с тем явлением, которое известно под названием панисламизма" (17).

В тогдашних условиях России идеи мусульманского единства носили ярко выраженный прогрессивный характер и не имели ничего общего с пресловутым панисламизмом. Ведь в отличие от концепции панисламизма, проповедовавшего идею исключительности мусульманских народов, зарождающееся мусульманское движение в России выступало лишь за уравнивание прав мусульман с гражданами других национальностей. Оно преследовало задачу не создания единого исламского государства, а общественный прогресс, культурное развитие и национальное освобождение мусульман. Понятие "мусульманского единства" в трактовке учредителей Союза имело содержание, принципиально отличное от принципов панисламизма, и предусматривало взаимопомощь, культурное и политическое сотрудничество мусульманских народов Российской империи в борьбе за национальное равноправие. [47-48]

Сближение национальных движений мусульманских регионов и попытки организации всероссийской мусульманской политической организации сильно обеспокоили правящие круги империи. Прогрессивный характер выдвинутых на всероссийских мусульманских съездах требований окончательно испортили в глазах правительства ту репутацию сравнительной благонадежности, которой до сих пор пользовались мусульмане у официальных кругов Российской империи. Партии "Иттифаг-муслимун" было отказано в легализации, во многих местах мусульманские газеты были закрыты, а руководители движения подверглись преследованиям, которые по мере спада революционного движения в стране постепенно усиливались (18).

В силу этих причин не состоялось организационное оформление общемусульманского движения в России, Оставшись без единого центра мусульманское движение в России вскоре распалось, после чего представители отдельных национальных движений, в том числе азербайджанские лидеры, сконцентрировали свои усилия на решении национальных проблем собственного народа. Хотя идея солидарности и единства мусульманских народов Российской империи продолжала сохранять свою значимость в качестве фактора, усиливающего позиции национальных движений в борьбе с русским колониализмом.

С наступлением реакции после 1907 г., в условиях репрессий и преследований в отношении лидеров и активистов национального движения, возможности заниматься политической деятельностью значительно ограничились. Это привело к фактическому свертыванию деятельности организаций радикального крыла Азербайджанского национального движения.

Однако самодержавию не удалось полностью задушить борьбу азербайджанского народа за свои национальные права. Азербайджанские депутаты вели активную деятельность в Государственной думе, хотя их численность в высшем представительном органе Российской империи после поражения революции 1905-1907 гг. сократилась до предельного минимума. Несмотря на это, азербайджанские депутаты активно использовали парламентскую трибуну для удовлетворения требований, выдвинутых в ходе петиционной кампании 1905 г. Они неоднократно выступали за уравнивание мусульман в политических и гражданских правах с остальным населением империи, введение обязательного и всеобщего начального образования на родном языке, создание в Азербайджане института выборных судей и суда с присяжными заседателями и т. д. (19). [48-49]

В целом же, после 1907 г. национальное движение полностью переключилось на культурно-просветительскую деятельность, занимаясь, в основном, "внутренней" работой: культурным переустройством азербайджанского общества, просвещением народных масс, их воспитанием в национально-патриотическом духе и т. д. Все это должно было способствовать созданию более благоприятных условий для дальнейшей борьбы за национальные идеалы.

В эти годы в Азербайджане были созданы многочисленные печатные издания и школы на родном языке, а также начали функционировать культурно-просветительские и благотворительные

общества. По количеству периодических изданий на национальном языке Азербайджан прочно захватил лидерство среди мусульманских народов империи.

Культурно - просветительные общества - "Ниджат", "Нешри-маариф", "Сафа" и др. - сыграли немалую роль в политическом воспитании азербайджанского народа и повышении его культурного и образовательного уровня. Главную свою задачу они видели в просвещении народных масс, в содействии развитию национального языка, литературы и культуры. С этой целью культурно-просветительные общества организовывали школы, библиотеки - читальни, вечерние курсы для ликвидации неграмотности, ставили театральные спектакли и т. д. Эти общества активно использовались азербайджанскими политиками для распространения и популяризации среди широких масс национальных идей, научных и политических знаний. На начальном этапе освободительной борьбы азербайджанского народа именно культурно-просветительные общества наряду с печатными органами являлись главными организующими центрами национального движения.

В данный период в консолидации азербайджанских масс в качестве политического целого, в оживлении и развитии национального самосознания важное значение имели идеи тюркской солидарности и взаимопомощи, которые зародились еще в XIX в., в условиях нахождения почти всех тюркских народов в колониальной зависимости от Российской империи, и являлись проявлением национального пробуждения тюркского мира. Эта идея опиралась, главным образом, на близость происхождения, языка и исторических судеб тюркских народов.

Демократические силы в Азербайджанском национальном движении понимали тюркскую солидарность прежде всего как борьбу за общие цели освобождения тюркских народов от колониального ига Российской империи, и при этом подчеркивали [49-50] право каждого тюркского народа на самобытное национальное существование. По их мнению, идея солидарности и взаимопомощи тюркских народов была призвана создать культурно-идеологический барьер насильственной деэтнизации и русификации отдельных тюркских народов, утвердить национальные позиции каждого из них в борьбе с русским колониализмом. В реальной практике эта идея содействовала развитию сотрудничества между освободительными движениями тюркских народов, освоению новых форм общественной деятельности, обмену опытом организации национальных культурных очагов и т. д.

Сам факт принадлежности зарождающейся азербайджанской нации к тюркскому миру, к обширной тюркской этноязыковой общности, оказывал вдохновляющее воздействие на идеологов и активистов национального движения, придавая им уверенность в своих силах и в конечном успехе национального дела. В этом отношении идея тюркской солидарности и взаимопомощи сыграла большую мобилизующую роль в процессе развития Азербайджанского национального движения.

Впрочем, идеи сотрудничества между национальными движениями тюркских народов получили принципиально иное содержание у определенных кругов азербайджанской интеллигенции, наиболее типичным представителем которых был Алибек Гусейнзаде. Для этих кругов данная идея служила средством формирования единой тюркской нации и государства. При этом ядром подобного объединения, по их замыслам, должна была стать Оттоманская империя и османские турки.

Первым шагом на пути создания единой тюркской нации А. Гусейнзаде считал установление единого литературного языка. Он ошибочно полагал, что достаточно кодифицировать общий литературный язык и формирование единой тюркской нации будет обеспечено. Язык казался ему единственным решающим признаком этнической общности. При этом он отрывался от реальной языковой стихии, от разговорного языка народных масс, от политической и социально-экономической среды, которые объективно определяли пути национального развития каждого в отдельности тюркского народа. А. Гусейнзаде был твердо убежден, что историческое развитие тюркских народов идет по пути создания единой тюркской нации. Подобное ошибочное мнение объяснялось незрелостью процессов формирования наций у многих тюркских народов и их неисследованностью, что [50-51] порождало нечеткость представлений о перспективах их национального развития.

Справедливости ради отметим, что в тех условиях идеи А. Гусейнзаде, направленные против чуждых для азербайджанской культуры иноэтнических влияний, а также господства религиозной идеологии, объективно сыграли определенную положительную роль в национальном пробуждении азербайджанцев. Однако А. Гусейнзаде, искренне заботясь о судьбе своего родного народа, вместе с тем, фактически отрицал его национальную самобытность.

Следует подчеркнуть, что эти идеи были уделом ограниченного числа азербайджанской интеллигенции. Как уже отмечалось выше, демократические силы, определявшие лицо национального движения, вкладывали в идеи межтюркского сотрудничества принципиально иное содержание.

Таким образом, приведенный материал свидетельствует о том, что на начальном этапе (до февральской революции 1917 г.) программные положения национального движения не затрагивали вопроса об отношении азербайджанцев, как этнополитической общности, к Российской империи. В них

не упоминались государственно-правовые аспекты национального развития. Для сравнения отметим, что в этот период государственно-правовые требования занимали ведущее место в программах грузинского и армянского национальных движений. Грузинские лидеры свободное национальное развитие своего народа напрямую связывали с решением государственно-правовых проблем. Так, в постановлении Кутаисской городской думы от 15 июля 1905 г., направленным в адрес Совета Министров выдвигалось требование децентрализации управления в стране и предоставления Грузии широкой политической автономии с созданием грузинского Сейма в Тифлисе (20). Аналогичные требования в этот период были характерны и для армянского национального движения.

В этом отношении программа Азербайджанского национального движения была более умеренной и ограничивалась требованием установления национального равноправия в империи и предоставления азербайджанцам, как и другим мусульманским народам, права самостоятельного и свободного развития своей национальной культуры и языка. Это свидетельствовало о стадиальном отставании Азербайджанского национального движения от национальных движений соседних закавказских народов.

Подобное положение объяснялось, прежде всего, отсутствием у азербайджанцев длительных государственно-правовых [51-52] традиций, а также незрелостью национального движения, переживавшего этап зарождения. В силу этого широкие народные массы в немалой степени оставались в стороне от освободительной борьбы, и поэтому национальное движение в этот период не имело достаточно прочной и широкой социальной базы. В этом смысле между политической элитой азербайджанского общества и широкими слоями нации существовала большая пропасть.

С другой стороны, становление Азербайджанского национального движения происходило в особенно неблагоприятных условиях, созданных русскими колониальными властями, которые больше всего опасались освободительной борьбы азербайджанцев. Об этом свидетельствует и доклад кавказского наместника И. И. Воронцова - Дашкова русскому царю, в котором говорится:

"Я не могу не отметить, что, если нам и следует опасаться сепаратизма среди различных народов Кавказа, так только со стороны этого населения (азербайджанцев - А. Б.), по причине его численного превосходства над другими народами и возможности всплеск религиозного фанатизма, а также близости Кавказа к мусульманским государствам. Армяне и грузины прекрасно понимают, что вне России они были бы поглощены мусульманами..."(21). В этой связи неудивительно, что отношение русских властей к любым проявлениям национальной борьбы среди азербайджанцев было особенно жестким и непримиримым.

Эти причины вынуждали лидеров национального движения быть более осторожными и предусмотрительными. Чтобы лишний раз не раздражать колониальные власти, они, по тактическим соображениям довольствовались выдвиганием весьма умеренных требований.

Таким образом, на начальной стадии становления национального движения азербайджанские лидеры не связывали задачи развития национальной борьбы с завоеванием политической самостоятельности. Вместе с тем, прогрессивный характер имел уже сам лозунг национального равноправия, направленный против дискриминации мусульманских народов Российской империи. Более того, в условиях жесточайшего колониального угнетения даже такая умеренная программа подчас несла в себе опасный для правящих кругов империи политический заряд, т. к. выдвигаемые в ней цели требовали коренной ломки политической системы России. Эти цели были реализованы после февральской революции, когда в стране возникла качественно новая ситуация для развития национального движения. [52-53]

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Сеидзаде Д. Б. *Азербайджанские депутаты в Государственной думе России*. Баку, 1991, с. 13.
2. Аршаруни А. и Габидуллин Х. *Очерки панисламизма и пантюркизма в России*. М., 1931, с. 8.
3. Мурадалиева Э. Б. *Из истории общественной жизни города Баку в конце XIX столетия* // *Гуртулуш*, 1992, № 3-4, сс. 23-24.
4. Гусейнов Р. *Очерки революционного движения в Азербайджане вып. 1. Революция 1905-1907 гг.* Баку, 1926, с. 81.
5. *Красный архив*, № 1 (26), М., 1928, с. 118.
6. *Подробнее см.: Багирова И. С. Политические партии и организации Азербайджана в начале XX века*. Баку, 1997.
7. *Иршад*, 1906, 13 октября.
8. *Там же*.
9. *Там же*.
10. *Там же*.

11. Swietochoski T. *Rus Azerbaycani. 1905-1920. Ankara, 1988, с. 73.*
12. *Там же.*
13. Сеидзаде Д. Б. *Указ. раб., с. 13.*
14. *Там же, сс. 13-14.*
15. Аршаруни А. и Габидуллин Х. *Указ. раб., с. 3.*
16. Залевский К. *Национальные движения // Общественное движение в России в начале XX века. Кн. VII (т. IV, ч. II). Спб., 1911, сс. 234-235.*
17. Алисов Г. *Мусульманский вопрос в России // Русская мысль, кн. VII, М., 1909, с. 36.*
18. *Там же, с. 47.*
19. *См. подробнее: Сеидзаде Д. Б.: Указ. раб.*
20. Залевский К. *Национальные движения, сс. 224-225.*
21. *Всеподданнейший отчет за восемь лет управления Кавказом генерал-адъютанта графа Воронцова - Дашкова. Спб., 1913, с. 9. [53-54]*

Г Л А В А II

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ ПОСЛЕ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Оформление качественно новой идейно–политической платформы и организационных структур национального движения

Первая мировая война до крайности обострила социально-экономические, политические и национальные проблемы в Российской империи. По сравнению с другими воюющими странами, последствия войны для России оказались более катастрофическими. Царское правительство проявило полную неспособность и беспомощность в управлении страной в условиях военного времени. В результате провала внешней и внутренней политики царизма (военные поражения, сопровождавшиеся огромными людскими потерями, хозяйственная разруха, голод, усиление национального гнета) к началу 1917 г. политический и экономический кризис в империи достиг своей кульминации.

Именно глубиной кризисных явлений объясняется относительно быстрое и безболезненное свержение самодержавия в России. Начавшиеся 23 февраля 1917 г. мирные демонстрации и стачка петроградских рабочих очень скоро переросли в вооруженное восстание, и уже 27 февраля город фактически находился в руках восставших. Даже наиболее преданные сторонники самодержавия понимали его обреченность, и поэтому не предприняли решительных шагов для его спасения.

В этих условиях 2 марта 1917 г. российский император Николай II был вынужден подписать акт об отречении в пользу своего брата Михаила Александровича. Через два дня, т. е. 4 марта, Михаил Александрович также отказался от прав на престол, объясняя свой шаг тем, что он может принять верховную власть лишь в том случае, "если такова будет воля великого народа нашего, которому и надлежит всенародным голосованием, через представителей своих в Учредительном собрании, установить образ правления и новые основные законы Государства Российского" (1). Так завершилось 300-летнее правление [54-55] династии Романовых и началась новая эпоха в истории поработанных народов Российской империи, в том числе азербайджанского народа.

Как отмечал один из лидеров национального движения М. Э. Расулзаде, "революция свершилось в результате все нарастающего напора двух важнейших сил. С одной стороны, обездоленные классы, а с другой стороны, поработанные народы требовали свои права"(2).

2 марта 1917 г. было образовано Временное правительство, программа деятельности которого была изложена в декларации от 3 марта, а затем в обращении к гражданам России от 6 марта. Временное правительство обещало осуществить полную и немедленную амнистию по всем политическим и религиозным делам, ввести свободу слова, печати, союзов, собраний и стачек, отменить все сословные, вероисповедные и национальные ограничения, приступить к подготовке созыва Учредительного собрания на началах всеобщего, равного, тайного и прямого голосования, которое должно было установить форму правления в стране и принять ее новую конституцию.

Несмотря на наличие в стране к началу 1917 г. всех признаков революционной ситуации, ни одна партия, ни одна маломальски значительная общественная организация специально не готовились к такому величайшему перевороту, как свержение самодержавия. В этом отношении февральская революция стала результатом стихийного движения народных масс и присоединившихся к ним армейских частей. Очевидец этих событий, Н. Жордания пишет: "Революция (февральская - А. Б.) была неожиданной для всех политических партий без исключения. Революцию сделала армия. Петербургский гарнизон вышел из подчинения правительству. Революция была военного происхождения" (3).

Следовательно, характерные для советской историографии утверждения о том, что февральская революция "была совершена под руководством партии большевиков" (4), полностью противоречат историческим фактам. Об этом свидетельствует и высказывание В. И. Ленина, который несмотря на бурную деятельность по подготовке революции в России, ожидал ее не ранее 20-х годов (5). Еще в январе 1917 года он писал: "Мы старики, может быть, не доживем до решающих битв этой грядущей революции" (6). А сразу же после февральской революции, в апреле того же года признавал, что "революция вышла так, как никто не ожидал" (7). [55-56]

Подтверждением тому, что революция оказалась полной неожиданностью для большевиков является растерянность, царившая в их рядах в первые месяцы после революции. Фактически до начала апреля 1917 г., когда В. И. Ленин выступил с "Апрельскими тезисами", большевики не имели четкой

позиции ни по одному из основных проблем послереволюционной общественно-политической ситуации в стране. Для партии, действительно организовавшей революцию, этот факт более чем странный.

Как бы то ни было, свержение царского режима, жестоко угнетавшего колониальные народы империи, было встречено с большим воодушевлением в Азербайджане. В начале марта 1917 г. на промышленных предприятиях, улицах и площадях города Баку состоялись многочисленные митинги и собрания в честь победы февральской революции. Особенно многолюдное собрание – митинг состоялось в здании "Исмаилие", где выступили известные деятели национального движения. В телеграмме, отправленной от имени участников митинга председателю Исполкома Государственной Думы М. В. Родзянко, выражалась уверенность в том, что "возвещенные Временным правительством основы гражданской, политической, национальной, религиозной свободы и равенства всех граждан государства Российского будут отныне незыблемы, и мусульмане, освободившиеся от вековых гонений и глумлений низвергнутого в прах режима, возродятся к новой, светлой, созидательной жизни в свободной России" (8). Вслед за Баку аналогичные митинги и демонстрации состоялись в Нухе, Гяндже, Загаталах и других городах Азербайджана. Именно в те дни М. Э. Расулзаде писал: "Все народности России достигли хранившейся в их сердцах цели. Пал деспотизм, этот кровавый жандарм, враг всего народа". Далее он выражал надежду, что "созданное благодаря усилиям пострадавших народов, жаждущих свободы рабочих и героев - воинов, Учредительное собрание, вне сомнения, создаст новые условия для всех народов, населяющих Россию" (9).

Однако, очень скоро выяснилось, что Временное правительство не ставит перед собой задачи кардинального решения национального вопроса в России. Смысл всех его заявлений в этой области по сути сводился к приверженности великодержавной идее "великой и неделимой России". Правительство, не собираясь ликвидировать национальный гнет, тормозило проведение в жизнь даже минимальных требований угнетенных наций, кричало о сепаратизме, доказывая, что национальные движения [56-57] ведут к "распаду государства", к гибели революции и т. п. Решение национального вопроса, как и другие жизненно важные вопросы, откладывались до созыва Учредительного собрания.

Лишь под давлением национально-освободительного движения Временное правительство вынуждено было 20 марта 1917 г. издать декрет об отмене национальных и вероисповедных ограничений. Декрет отменял национальные и религиозные ограничения в выборе места жительства, передвижения, приобретении собственности, занятиях ремеслами и торговлей, поступлении в учебные заведения, на государственную службу, а также употреблении национальных языков, но только в делопроизводстве частных обществ, при преподавании в частных учебных заведениях и при ведении торговых книг (10). В декрете ничего не говорилось об автономии и о самоопределении, осуществления которых требовали угнетенные народы империи, не было в нем ни слова об употреблении родного языка в государственных учреждениях или учебных заведениях.

Право на самоопределение, и то в ограниченной форме, было признано лишь за польским и финским народами. Так, 7 марта 1917 г. Временное правительство восстановило в Финляндии куцую конституцию, дарованную еще Александром I, а 17 марта опубликовало декларацию о создании в перспективе независимой Польши с включением в нее всех польских земель. Правда, декларация навязывала Польше идею "свободного военного союза" с Россией.

Таким образом, национальная политика Временного правительства оказалась в непримиримом противоречии с интересами угнетенных наций империи. Несмотря на это, с победой февральской революции все же создались более благоприятные условия для национальной борьбы азербайджанского народа.

Если до февраля 1917 г. азербайджанские деятели ограничивались требованиями создания соответствующих условий для свободного развития азербайджанской культуры и языка, отмены национальных ограничений, то уже в марте 1917 г. в обстановке подъема освободительной борьбы во всех российских колониях, они выступили за политическое конституирование азербайджанцев как особой нации, за территориальную автономию Азербайджана в рамках Российского государства.

Следовательно, с победой февральской революции Азербайджанское национальное движение вступило в качественно новый этап своего развития: от постановки и решения проблем в основном национально-культурного характера, от теоретических [57-58] дискуссий и споров на страницах печати оно перешло к активным политическим действиям, призванным обеспечить азербайджанскую нацию государственным организмом в форме национально-территориальной автономии.

Вместе с тем, углубление политического характера движения отнюдь не снимало актуальности культурно-языковой проблематики, которая все более тесно увязывалась с социально-политическими задачами.

9 марта 1917 г. по решению Временного правительства наместничество на Кавказе было ликвидировано, и в целях "установления нового порядка и устройства Закавказского края" образован Особый Закавказский комитет (ОЗАКОМ), в состав которого вошли члены IV Государственной думы:

Б. Харламов (председатель), М. Пападжанов, М. Ю. Джафаров, А. Чхенкели и К. Абашидзе. ОЗАКОМ непосредственно подчинялся Временному правительству и был уполномочен вести все гражданские дела в Закавказье.

12 апреля 1917 г. ОЗАКОМ обратился к населению Закавказья с воззванием об установлении в крае "нового порядка на основах, всенародно объявленных 6 марта с. г. Временным правительством, и в соответствии с местными условиями и нуждами". ОЗАКОМ намеревался в ближайшем будущем обеспечить осуществление свободы совести с привлечением местных общественных сил для управления краем, реорганизовать общественное городское самоуправление и принять меры к скорейшему введению земства на широких демократических началах, ввести выборный мировой суд и преобразовать крайне неудовлетворительные сельские суды. Далее в воззвании отмечалось, что "вопросы, имеющие общегосударственное значение, как-то: национальный, церковный, аграрный и рабочий - могут получить окончательное разрешение лишь в Учредительном собрании". Война должна была продолжаться, налога и пошлины должны были по-прежнему вноситься, запрещался захват земель крестьянами и т. д. (11).

ОЗАКОМ не выполнил даже этих минимальных обещаний, провозглашенных в данном воззвании. При правлении этого органа остались без изменений суды и ведомства в Закавказье, а в школах и учреждениях края в принудительном порядке сохранялся русский язык, что окончательно подорвало позиции ОЗАКОМа, и так не пользовавшегося особым авторитетом среди населения. В конечном итоге ОЗАКОМ, не имевший законодательной функции и не обладавший необходимой силой, не смог [58-59] разрешить ни одну из важных проблем региона и превратился в один из многочисленных комитетов и организаций, возникших сразу после революции на Закавказье и вынужден был разделять с ними власть на местах.

После февральских событий в Азербайджане, как и на всей территории бывшей империи, на волне подъема национально-освободительного движения стали возникать организации и партии различного политического и идеологического направления. Большинство из этих партий в силу слабости своих организационных структур и социальной базы вскоре прекратили свое существование, не оставив сколь-нибудь значительного следа в истории национального движения. Подобная участь, например, постигла партии "Иршад" и "Фиркаш-Мамедлы", созданные, соответственно, в Эривани и Гяндже (12). Однако, несмотря на скоротечность деятельности этих партий, само их появление свидетельствовало о политическом пробуждении населения, что, в свою очередь, являлось одним из признаков активизации национального движения в Азербайджане.

После февральской революции вышла из подполья партия "Мусават", которая в этот момент находилась в состоянии перехода от небольшой строго законспирированной группы к массовой партии.

Партия "Мусават" была образована в условиях строжайшей конспирации в 1911 году. Учредителями "Мусавата" являлись М. А. Расулзаде, А. Казымзаде, К. В. Микаилзаде и Г. Шарифзаде, в большинстве своем бывшие члены "Гуммета".

В декларации, принятой в связи с образованием "Мусавата", отмечалось, что "будучи властителем на таких громадных частях света, как Азия, Европа и Африка, ислам ныне разбился на мелкие части, а мусульманские государства стали в руках иностранцев игрушкой и народы наши изнывают от влияния и угнетения иностранцев" (13). Поэтому, партия провозглашала своей целью "объединение всех разрозненных сил мусульманского мира и защиту национальных и человеческих прав мусульман для возвращения былой славы народу ислама" (14).

Первая программа "Мусавата", составленная вскоре после образования партии, содержала 8 пунктов;

1. Объединение всех мусульманских народов без различия нации и религиозных толков.
2. Восстановление утраченной независимости мусульманских стран. [59-60]
3. Оказывание моральной и материальной помощи мусульманским странам, борющимся за сохранение или восстановление независимости.
4. Помощь развитию оборонительных и наступательных сил мусульманских народов и стран.
5. Устранение всех преград, препятствующих распространению этой идеи.
6. Установление связи с партиями, стремящимися к объединению и прогрессу мусульман.
7. Установление по мере надобности связи и обмена мнений с иностранными партиями, ставящими своей задачей благоденствие и прогресс человечества.
8. Усиление средств борьбы за существование мусульман и развитие их торговли, промыслов и, вообще, экономической жизни" (15).

Как видно, красной нитью через всю программу проходила идея единения мусульманских народов. В этот период "Мусават" был далек от национальной идеи и претендовал на роль общероссийской мусульманской организации что подтверждается содержанием первых программных

документов партии. В них открыто подчеркивается стремление партии "организовать свои отделения во всех концах Российской империи" (16).

По своей политической доктрине "Мусават" в начальный период своего существования являлся в некоторой степени преемником "Дифаи". Неслучайно и то, что многие бывшие руководители и члены этой организации впоследствии вступили в "Мусават". Приверженность первой программы "Мусавата" к идеям исламской солидарности и единения была обусловлена как особенностями развития Азербайджанского национального движения, так и тогдашней ситуацией на международной арене.

Стремление азербайджанцев к освобождению от колониального гнета наталкивалось на растущую агрессивность русского империализма, в планы которого отнюдь не входило освобождение угнетенных народов. Силы в этой борьбе были слишком неравными. Поэтому основатели партии "Мусават" будучи политическими реалистами ясно осознавали, что в подобной обстановке без мощной внешней поддержки и союзников трудно рассчитывать на победу в национально-освободительной борьбе.

В тот момент такой поддержкой мог служить лишь взаимопомощь и взаимодействие мусульманских народов, расселенных в Российской империи и за ее пределами. Тем более, что перед этими народами стояла идентичная задача - покончить с насилием [60-61] европейских держав и добиться национального освобождения.

В этом контексте становится вполне логичным, почему в первой программе "Мусавата" идеи исламского единения имели приоритет над собственно национальными идеями, хотя нельзя говорить о полном отсутствии последних в теории и практике национального движения в этот период, т. к. национальные идеи в форме тюркизма появились в азербайджанской общественной мысли уже в первые годы XX столетия.

Следует также учесть, что к моменту создания "Мусавата", в самой Турции, претендовавшей на роль лидера всего мусульманского мира, основу официальной государственной доктрины составляли именно общемусульманские идеи. Лишь после поражения Турции в Триполитанской (1911 г.) и Балканской (1911-1912 гг.) войнах в официальных кругах этой страны начался процесс постепенного дрейфа в сторону тюркистской идеологии (17). В подобной ситуации даже возможность провозглашения основателями "Мусавата" тюркизма в качестве идеологической основы партии вряд ли могло обеспечить должную поддержку со стороны Турции.

Необходимо еще раз отметить и тот факт, что в общественном сознании мусульманских народов религиозные элементы в значительной степени преобладали над собственно национальными. В силу этого, национальные лозунги в тот момент вряд ли могли найти понимание и поддержку у этих народов. Учитывая эти факторы, можно считать вполне естественным, что в момент создания "Мусавата" идея исламского единства составила сердцевину политической программы партии.

Впрочем очень скоро ситуация кардинальным образом изменилась и начался процесс эволюции политической линии "Мусавата" от исламизма в сторону национальных идей. Это было связано, прежде всего, с деятельностью М. Э. Расулзаде. В молодости он был одним из основателей азербайджанской социал-демократической организации "Туммет". Но очень быстро М. Э. Расулзаде разочаровался в марксистской идеологии, основанной на классовом подходе к событиям и процессам. В 1908 г., опасаясь преследований царских властей, он эмигрировал в Иран, где принимал активное участие в национально-освободительной борьбе южных азербайджанцев против шахского режима. Царское правительство, озабоченное деятельностью М. Э. Расулзаде в Иране, потребовало от иранских властей его ареста, что вынудило его уехать в Турцию. Здесь он впервые [61-62] близко познакомился с младотурками и их идеями, что сыграло решающую роль в окончательном становлении его политического мировоззрения.

В 1913 г., воспользовавшись амнистией по случаю трехсотлетия романовской династии, М. Э. Расулзаде возвращается из вынужденной эмиграции на родину и вступает в партию "Мусават". Очень скоро он становится главным идеологом и лидером "Мусавата".

Своими теоретическими работами, написанными в эти годы, М. Э. Расулзаде во многом способствовал трансформации идеологии "Мусавата". Одной из его значительных работ того периода является серия статей под общим названием "Национальное бытие", опубликованных в 1914 г. на страницах журнала "Дирилик" (18), в них М. Э. Расулзаде отвергает отождествление религиозной и национальной общностей, понятий "умма" и "миллет" (нация). Проводя между ними четкую грань, он подчеркивает, что "умма" означает объединение всех мусульман мира, независимо от их этнической и культурной принадлежности, т. е. религиозную общность, в то время как понятие "миллет" представляет собой общность людей, основанной не только на единстве религии, но и языка, культуры, традиций и истории. Примечательно, что М. Э. Расулзаде считал религию лишь одним из признаков нации, причем, не самым основным. По его мнению, главным этноопределяющим признаком являлся язык. Он отмечал, что нация на восемьдесят процентов зиждется на языковой общности (19).

Следует указать, что в этот период М. Э. Расулзаде не смог еще окончательно принять идеи самобытности азербайджанской нации и считал азербайджанцев одной из многочисленных ветвей единой тюркской нации.

Тем не менее своими теоретическими работами, написанными накануне февраля 1917 г., М. Э. Расулзаде подвел национальную основу под идеологию "Мусавата", что, в конечном итоге, способствовало переориентации политической программы партии от концепции исламского единства в сторону борьбы за национальные права азербайджанцев и других тюркских народов. Это явилось переломным моментом в политической эволюции не только "Мусавата", но и всего Азербайджанского национального движения.

В этот период возобновила свою деятельность и организация "Гуммет". Состоявшаяся 3 марта 1917 г. в Баку экстренная конференция членов "Гуммет" обсудила вопрос о целесообразности [62-63] функционирования организации. Приняв во внимание своеобразие работы среди азербайджанских масс, конференция решила сохранить организацию. Являясь составной частью РСДРП (б), и целиком ограничивая свою деятельность рамками классовой борьбы, "Гуммет" ни в организационном, ни в идеологическом плане не представлял собой самостоятельную политическую силу. Поэтому, он не сыграл существенной роли в национальном движении.

Спустя несколько дней после свержения самодержавия в Гяндже возникла "Тюркская партия федералистов", впервые в истории национального движения выдвинувшая идею самостоятельности азербайджанского народа "не только в национальных и местных, но и в общегосударственных вопросах" (20). Основные концептуальные идеи партии были почерпнуты из программы партии федералистов Турции. Таким образом, совпадение названий двух этих партий не было случайностью.

Основателем и идейным вдохновителем партии был Насиббек Усуббеков (1881-1920). Во время учебы на юридическом факультете Одесского университета он являлся одним из руководителей землячества азербайджанских студентов. Из-за нехватки средств Н. Усуббеков вынужден был с IV курса оставить учебу в университете и уехать в Бахчисарай, где он сотрудничал в газете "Терджуман" известного общественно - политического деятеля, одного из лидеров тюркизма - И. Гаспринского. Именно, под влиянием идей тюркизма И. Гаспринского произошло окончательное формирование политических взглядов Н. Усуббекова.

В 1908 году Н. Усуббеков иммигрирует в Турцию, но через год возвращается в родную Гянджу. Он активно участвует в работе действовавших в эти годы в Гяндже "Мусульманского благотворительного общества", "Общества по распространению просвещения среди мусульман", "Актерского общества", выступает со статьями в прессе.

После победы февральской революции Н. Усуббеков становится одним из создателей и лидеров Тюркской партии федералистов. Возглавляемая им партия призывала все тюркские народы России "сплотиться и организовываться, чтобы не идти в хвосте национальных движений" (21). Руководствуясь национально - демократическими принципами, партия ставила своей политической задачей осуществление:

"а) демократической республики на национально-территориально-федеративных началах, вообще, в России, и в частности: [63-64]

б) территориальной автономии Азербайджана, Туркестана, Киргизии и Башкирии, а также:

в) национальной автономии поволжских и крымских татар и всех вообще тюркских народностей" (22).

Согласно программе Тюркской партии федералистов автономные единицы должны были получить полную независимость в своих внутренних делах (административных, финансово-хозяйственных, культурных и в судопроизводстве). В юрисдикции федеральных властей оставались лишь вопросы обороны, внешней политики, денежной системы и таможни" (23). Основная концептуальная идея политической программы этой партии - принцип федерализма - стал стержневой линией всего Азербайджанского национального движения после февральской революции.

Партия федералистов выдвигая на первый план политические и национальные проблемы в жизни народа, одновременно, подчеркивала важность социальных вопросов, в частности, земельного и рабочего. В программном документе партии отмечалось, что она "считает своей задачей защиту интересов земледельческого и рабочего класса согласно национально-демократическим идеалам" (24). Тюркская партия федералистов наиболее активно действовала на территории Гянджинской губернии.

В первые дни после февральской революции ни одна из азербайджанских партий из-за своей слабости еще не была в состоянии единолично руководить национальным движением. В этом отношении вполне естественно, что различными кругами азербайджанской общественности с целью консолидации национальных сил делались попытки создать координирующий орган, куда вошли бы представители различных политических сил. Результатом этих усилий стало создание 29 марта 1917 г.

Временного Комитета бакинских мусульманских общественных организаций, призванного стать политическим центром национального движения.

В воззвании Временного Комитета говорилось: "В целях ознакомления широких мусульманских масс с исторической важностью переживаемого момента, объединения всех мусульманских общественных сил путем создания соответствующих организаций для выяснения и популяризации национально-политических идеалов образовался Совет бакинских мусульманских общественных организаций, который избрал из своей среды Временный комитет, именуемый "Комитетом бакинских мусульманских общественных организаций" (25). [64-65]

Председателем Временного Комитета был избран М. Г. Гаджинский, его заместителем - М. Э. Расулзаде (26). Временный Комитет призвал всех азербайджанцев "забыть личные обиды и разногласия, и объединиться вокруг национально-политических лозунгов" (27). Одной из своих ближайших задач Временный Комитет считал созыв общемусульманского съезда для определения программных целей движения.

Образование Временного Комитета бакинских мусульманских общественных организаций стимулировало процесс формирования национальных комитетов на местах. В условиях Азербайджана, когда национально-политические организации были еще слабы и неопытны, а политическая дифференциация населения находилась в зачаточном состоянии, национальные комитеты на местах сыграли незаменимую роль в консолидации и просвещении народных масс, в формировании организационных и идейно-политических основ национального движения, в особенности, в первые месяцы после февральских событий. В этот период именно национальным комитетам было суждено стать руководящими центрами национального движения.

Временный Комитет бакинских общественных организаций воздержался от обнародования своей национально-политической программы до созыва общемусульманского съезда. Несмотря на это, в общественно-политических кругах Азербайджана уже всюду дискутировалась проблема будущего государственного устройства страны. И все большую поддержку среди азербайджанской общественности получала идея предоставления Азербайджану, как и другим мусульманским областям бывшей империи, национально-территориальной автономии. Об этом красноречиво свидетельствует резолюция общего собрания студентов - азербайджанцев, состоявшегося накануне общемусульманского съезда. В ней, в частности, содержалось требование к съезду "добиться для Азербайджана, Дагестана, Туркестана, Киргизии и Башкирии национально-территориальной автономии на основе децентрализации государственной власти" (28).

В организации и проведении съезда мусульман Кавказа, который по сути явился форумом азербайджанских политических сил, решающую роль сыграл Временный Комитет бакинских общественных организаций. Говоря об основных задачах и целях съезда, М. Э. Расулзаде накануне его открытия на страницах газеты "Ачыг сез" писал: "Этот съезд, вместе с выражением настроений и чувств кавказских мусульман по поводу текущих [65-66] событий и их отношения к ним, должен открыто выставить их политические и национально - культурные стремления" (29).

На съезде мусульман Кавказа, проходившем с 15 по 20 апреля 1917 года в Баку, был представлен весь спектр азербайджанских политических сил, во всем его многообразии - от "Мусавата" и Тюркской партии федералистов до представителей большевистской партии и панисламистских течений.

Съезд, проанализировав текущую ситуацию, сформулировал национально - политические задачи азербайджанского народа и пути их достижения. Доклад по главной проблеме повестки дня съезда - политическому устройству страны сделал - М. Э. Расулзаде. В основу доклада была положена идея федеративной демократической республики, заимствованная из программы Тюркской партии федералистов. Следует отметить, что по всем основным вопросам, обсуждаемым на съезде, мусаватисты и федералисты занимали идентичные или близкие позиции. Именно на съезде было положено начало процессу их слияния в одну партию.

М. Э. Расулзаде в своем докладе отметил, что централизация власти в таком территориально обширном, а в национальном отношении - разнородном государстве, как Россия, не соответствует началам свободного общежития народов, и поэтому непригодна для нормального развития государственной жизни России. "Сама история, подчеркнул М. Э. Расулзаде, на примере Тамерлана, Чингизхана, Александра Македонского и римских императоров свидетельствует о том, что никакая сила, кроме свободно выраженного желания составить государственный союз, не может создать прочного единения между отдельными национальностями, входящими в государство" (30).

Докладчик потребовал предоставления национальным группам России права свободного самоопределения. Обособленные таким путем, отдельные народы России, по мнению М. Э. Расулзаде, образовали бы затем государственный союз, основанный на принципе национально-территориальной автономии.

Против идеи территориальной автономии на съезде выступили представители панисламистских сил и различных группировок социалистического направления, в том числе большевики. Первые обвиняли приверженцев этой идеи в разобщении мусульманских народов России, а вторые - в попытке раскола революционного движения. Однако, в конечном итоге, сторонникам идеи территориальной автономии все же удалось получить поддержку делегатов. После продолжительных прений съезд почти [66-67] единогласно принял следующее постановление: "Признана, что формой государственного устройства России, наиболее обеспечивающей интересы мусульманских народностей, является, демократическая республика на территориально - федеративных началах" (31).

В центре внимания делегатов съезда были также межнациональные проблемы. Мы специально акцентируем внимание на этом моменте, поскольку на протяжении десятилетий многие наши исследователи, страдающие национальным нигилизмом, обвиняли лидеров Азербайджанского национального движения в махровом национализме, "в стремлении нарушить дружбу закавказских народов, отравить сознание трудящихся края ядом шовинизма, разжигать межнациональные столкновения в Закавказье" (32).

Ход обсуждения межнационального вопроса на съезде и принятые по данной проблеме решения свидетельствуют о несостоятельности подобных измышлений. Патриарх национального движения А. М. Топчибашев, раскрывая истинные причины межнациональных столкновений в Закавказье, заявил: "Политика старого русского правительства в отношении к населяющим Россию нерусским народностям была политикой разъединения, политикой натравливания этих народов против друг друга. Столкновение между армянами и азербайджанцами объясняется именно этой зловерной политикой человеконенавистничества. И если азербайджанцы, а за ними и другие народы Кавказа, хотят встать на действительный путь обновления и освобождения, то они должны пойти в Учредительное собрание объединенными, связанными общими стремлениями и идеалами" (33).

Интересно отметить, что кадет Х. А. Вермишев, приветствуя съезд от имени армянских общественных организаций сказал: "Куда бы не повела кавказских мусульман их свободная воля, армяне всегда будут с ними, т. к. в душе армян живет непобедимая потребность единения с мусульманами" (34).

На съезде была выражена решимость азербайджанского народа "всемерно поддерживать все народности Российского государства в их стремлении к осуществлению их национально-политических идеалов, основанных на демократических началах; в частности, в отношении народов Кавказа съезд признал необходимым тесное с ними сближение в целях реализации общих демократических идеалов на началах взаимного уважения" (35). Не вина азербайджанских политических лидеров и азербайджанского [67-68] народа, что в дальнейшем не удалось добиться такого сплочения между народами Кавказа.

На съезде обсуждались и проблемы образования. На основе доклада Э. Эфендизаде по данному вопросу было принято решение о введении всеобщего, обязательного и бесплатного обучения на азербайджанском языке. Для подготовки преподавательских кадров планировалось открыть учительские семинарии и институты. Съезд выступил также за создание университета с преподаванием на национальном языке (36).

С целью финансирования намеченных общественно - политических и культурных задач, и, в первую очередь, школьных дел, был учрежден национальный фонд. Первое пожертвование на счет фонда в сумме 50 тыс. рублей, сделал Г. З. Тагиев, выступление которого съезд приветствовал долгими аплодисментами. (37).

Симптоматичный случай произошел на съезде после выступления двух женщин - азербайджанок - Ш. Эфендизаде и С. Талышхановой, горячо встреченных делегатами. Выступивший после них бывший бакинский казий Ага Мирмамед Керим осудил этих женщин за их выступления с открытым лицом перед мужчинами, как противоречащее догматам шариата, чем вызвал бурное негодование делегатов. Почти весь зал возгласами "долгой" заставил оратора спуститься с трибуны. По инициативе М. Э. Расулзаде съезд принял резолюцию по женскому вопросу, в которой отмечалось, что "когда женщины всех остальных народов наравне с мужчинами участвуют в общественно - политической жизни, способствуя, тем самым, успеху своей нации, азербайджанки не могут и не должны оставаться в затворничестве". В резолюции подчеркивалась необходимость уравнивания азербайджанок в политических и гражданских правах с мужчинами" (38).

Как свидетельствуют принятые решения, съезд стал подлинным триумфом демократических сил в Азербайджанском национальном движении. Решения съезда показали, что национальному движению азербайджанского народа чужды всякие проявления национальной ограниченности и консерватизма, и занимая по основным вопросам текущего момента прогрессивно-демократические позиции, оно идет в авангарде национально-освободительной борьбы угнетенных народов России.

Особенно четко это проявилось в отношении съезда к Временному правительству и проблеме продолжения войны. Потребовав немедленного прекращения войны и заключения мира без аннексий и контрибуций, съезд занял радикальную позицию в вопросах войны и мира. [68-69]

Для сравнения отметим, что даже бакинские большевики в этот период занимали полуоборонческую позицию. Так, в резолюции межрайонной конференции бакинской организации РСДРП, проведенной 10 апреля 1917 г., наряду с требованием положить конец империалистической войне, была записано: "...Пока мир не достигнут, мы призываем не ослаблять и не дезорганизовывать армию в тылу и на фронте, а всячески поддерживать ее" (39).

Следует подчеркнуть, что в Закавказье оборончество имело свою специфику, т. к. отношение к войне, в значительной мере, определялось по национальному признаку: армяне и грузины, не говоря уже о русских, выступали за продолжение войны до победного конца, в то время как азербайджанцы не имели никакого основания желать победы России на кавказском театре военных действий против Турции. Все это и определяло поведение грузинских и армянских политических лидеров, поддерживавших Временное правительство в его стремлении продолжить войну, надеясь получить этим путем привилегированное положение в Закавказье. Таким образом, в период с февраля до конца мая 1917 г. представители Азербайджанского национального движения фактически являлись единственной влиятельной политической силой в Закавказье, требовавших без всяких оговорок прекращения войны.

Данная позиция азербайджанских лидеров имела тем большее значение в свете того факта, что Временное правительство не только не думало о прекращении войны, но, наоборот, пыталось использовать революцию для более активного участия России в войне с целью осуществления своих давнишних замыслов по вытеснению Турции из Европы и достижения контроля над проливами. Поэтому русское командование, отказываясь от активных действий до июня-июля 1917 г. на европейском театре, активизировало военные операции именно на Кавказском фронте, что было продиктовано важным военно-стратегическим и политико-экономическим значением края.

Потеря Закавказья, как важнейшей энергетической базы, создало бы огромные трудности с топливом для всей России. С другой стороны, захват Закавказья противником позволял ему укрепить свое господство на Каспийском море и создать угрозу для дальнейшего продвижения на северокавказском и астраханском направлениях, и в Средней Азии. Пытаясь не допустить подобного развития событий, Временное правительство продолжило начавшееся еще 17 февраля 1917 г. наступление на юго-[69-70] западной части Персии, закончившееся полным провалом, и еще больше усилившим процесс разложения русской армии.

Вышеизложенные факты показывают, что в таких важнейших вопросах текущего момента, как проблемы войны и мира, государственного устройства страны, в национальном вопросе позиции Азербайджанского национального движения в корне расходились с политикой Временного правительства. Этот факт напроць опровергает утверждения, доминировавшие в советской историографии, о якобы существовавшей полной поддержке Временного правительства лидерами национального движения (40).

Неслучайно, съездом мусульман Кавказа было принято решение поддерживать Временное правительство только в той степени, в какой оно будет последовательно проводить в жизнь принципы декларации от 3 марта 1917 г. Нежелание Временного правительства реализовывать эти принципы автоматически исключало возможность его поддержки азербайджанскими лидерами.

Бурные дискуссии на съезде мусульман Кавказа по вопросу о будущем государственном устройстве страны отражали общую ситуацию, сложившуюся весной 1917 г. в освободительном движении мусульманских народов России, в котором определилось два направления: унитаристское и федералистское. Унитаристы выступали за национально-культурную автономию мусульманских народов в рамках централизованного российского государства, а федералисты требовали предоставления мусульманским народам территориальной автономии с широчайшими правами в области внутреннего управления и преобразования России в федеративное государство.

Лидерами первого течения являлись татарские лидеры, а второго - политические деятели Азербайджана. Поэтому, в отечественной историографии унитаристское движение обычно идентифицировалось с татарским, а федералистское - с Азербайджанским национальным движением. Безусловно, подобная характеристика весьма условна, т. к. представители обеих направлений имелись как в татарском, так и в Азербайджанском национальном движении. Тем не менее, именно федералисты определяли политическое лицо Азербайджанского национального движения, в то время, как унитаристы преобладали в татарском национальном движении.

В отечественной историографии причины подобного положения вещей, как правило, связывались с дисперсным расселением татар по всей территории России, что делало практически [70-71] невозможной для них территориальную автономию, и с тесными связями с русским капиталом

татарской торговой буржуазии, опасавшейся в случае федерализации страны потерять обширный российский рынок.

В отличие от представителей татарского капитала, молодая и азербайджанская национальная буржуазия, стремящаяся самостоятельно решить внутренние проблемы Азербайджана и не нуждавшаяся в посторонней опеке, видела в территориальной автономии одну из форм защиты от засилья русского капитала. В этом отношении очень характерна телеграмма Г. З. Тагиева в адрес I горского съезда, состоявшегося в мае 1917 г. во Владикавказе. Г. З. Тагиев в своем приветствии съезду писал: "Перед нами, мусульманами, стоит одна общая задача - загородить путь продвижения русского капитала на юг. Мы - мусульмане, сами сможем справиться в наших странах с внутренними делами. Поскольку русская буржуазия не отличается особым миролюбием, то придется, кто чем может противодействовать ей" (41).

Не отрицая важного значения экономических факторов в происхождении двух направлений в движении мусульманских народов России, все же следует отметить, что подобное объяснение является недостаточным.

В связи с этим, мы считаем, что наряду с экономическими причинами в возникновении унитаристского и федералистского направлений немалую роль сыграли факторы политического, исторического и даже психологического характера. Находясь с XIV века в составе Российской империи, татары к моменту начала у них процессов формирования нации уже достаточно прочно интегрировались в политическую, экономическую и культурную систему российской государственности и были заинтересованы в дальнейшем углублении этой тенденции.

Азербайджанцы, со своей стороны, не были в той степени подвержены российскому влиянию. К тому же, у них традиционно сильны были симпатии к Турции, историческому сопернику России в регионе. Все эти факторы в совокупности служили причиной стремления азербайджанских лидеров дистанцироваться от России.

В сущности, борьба между федералистами и унитаристами являлась противостоянием двух политических направлений - сторонников самостоятельного национально - государственного развития мусульманских народов России с поборниками полной интеграции этих народов в российские государственные структуры. [71-72]

Две противоположные позиции относительно перспектив национального развития мусульманских народов России столкнулись в решающей схватке на I Всероссийском мусульманском съезде, проходившем с 1 по 11 мая 1917 г. в Москве. По своей политической принадлежности унитаристы были, в основном, представителями различных группировок социалистического и панисламистского толка.

Основным докладчиком от унитаристов являлся Ахмед Цаликов. Выступая с позиции "единой мусульманской нации", он предложил сохранить в России унитарное государство, ограничившись предоставлением мусульманским народам национально-культурной автономии. А. Цаликов заявил, что "образование единого централизованного государства в России будет способствовать формированию многомиллионной мусульманской демократии, которая возглавив российскую государственность, сможет направить ее внутреннюю и внешнюю политику на удовлетворение нужд мусульманских народов страны" (42).

Оставив в стороне утопичность подобного утверждения, отметим, что оно было проявлением широко распространенного в то время в определенных мусульманских кругах России "идеи дружбы и союза между исламом и Россией". Сторонники этой идеи видели основу такого союза в сходстве судеб и общности интересов славянского и тюрко-исламского мира. Они считали, что "славяне точно так же, как и тюрки - мусульмане, не смогли, противодействуя влиятельным и сильным союзам, объединиться и образовать единое сильное государство, они остались раздробленными, и вследствие этого большинство из них попало под власть других более сильных народов" (43). Поэтому, по мнению поборников этой идеи, славяне и мусульмане являются естественными союзниками в противодействии экспансии европейских держав.

А. Цаликов в категорической форме выступил против реорганизации российского государства на территориально-федеративных началах, т. к., с его точки зрения, она "ослабляя политическую мощь и возможности культурного развития мусульман, в конечном итоге, служила империалистическим планам "разделяй и властвуй" и не соответствовала интересам широких слоев мусульманского населения" (44).

А. Цаликов свою позицию мотивировал следующими аргументами: [72-73]

а) организация федеративного государства в России затруднит разрешение аграрного вопроса, т. к. будет тормозить создание общегосударственного земельного фонда;

б) в мусульманских областях рабочие в силу своей незрелости и дезорганизованности окажутся в самых отвратительных условиях эксплуатации и угнетения, не сумев воспользоваться благами общероссийского социального законодательства, которое при территориально-федеративном принципе будет различным в разных автономиях;

в) территориальный федерализм ведет к полной децентрализации духовной жизни мусульман и затормозит объединение суннитов и шиитов;

г) территориальный федерализм затруднит в Туркестане и на Кавказе разрешение женского вопроса, т. к. законодательство будет находиться в руках мужчин, привыкших смотреть на женщину, как на рабыню;

д) при осуществлении федеративного принципа мусульмане России потеряют сотни тысяч своих соплеменников, которые оказавшись в русских областях будут там подвергнуты русификации (45).

По утверждению А. Цаликова, при таких условиях российское мусульманство будет не в состоянии выполнить свои исторические задачи - возродить великую культуру Азии и добиться политического освобождения народов ислама от гнета европейской буржуазии. В конечном итоге в результате реализации идеи территориального федерализма, по его мнению, "мусульмане России расчленились на многочисленные племена и взамен мусульманского единства возникнут чувства татарства, туркменства, казахства, крымства, башкирства, таджикства и азербайджанства" (46).

В своем выступлении, отражающим позицию федералистского крыла съезда и Азербайджанского национального движения в целом, М. Э. Расулзаде аргументированно опроверг религиозный подход унитаристов к проблемам национально-государственного развития мусульманских народов России. Указав на ошибочную позицию унитаристов в отношении понятия "нация", он подчеркнул, что "не существует мусульманской нации, а есть нации, исповедующие ислам" (47). Как отметил М. Э. Расулзаде, главным признаком нации является не общность религии, а единство языка, истории, обычаев и традиций (48).

Развивая свою мысль, М. Э. Расулзаде вышел далеко за рамки традиционной концепции о "единой тюркской нации" и фактически [73-74] подтвердил национальную самобытность отдельных тюркских народов. В частности, он заявил: "Тюрко-татарские нации имеют общие корни. Вместе с тем, неопровержим и тот факт, что они говорят на отдельных диалектах и отличаются своими особенностями. У поволжских татар сегодня имеется собственная литература, печать, свои писатели и поэты. Узбеки также имеют свою богатую литературу. Начинает развиваться казахская и киргизская пресса. Ни один из этих народов не согласится отказаться от своей сущности. Азербайджанские турки также не откажутся от своего языка, литературы и обычаев" (49).

Далее М. Э. Расулзаде отметил, что "формой государственного управления России должна быть демократическая республика, т. к. многонациональное государство, занимающее одну шестую часть суши и простирающееся от Камчатки до Черного моря и от Архангельска до границы с Ираном, с населением 170 млн. чел. не может управляться из единого центра. Поэтому, формой государственного устройства России, безусловно, должна быть федерация" (50).

Высказавшись за предоставление мусульманским народам России территориальной автономии, азербайджанский лидер сказал: "Россия должна стать таким общим домом для народов, где каждая нация имела бы свой очаг" (51).

Отвергая все домыслы унитаристов о нецелесообразности и даже вредности территориальной федерации для развития демократических начал и решения социально - экономических проблем, и в первую очередь, рабочего, земельного, женского вопросов у мусульманских народов России, М. Э. Расулзаде подчеркнул, что "все права человека и демократические свободы, закрепленные в федеральной конституции, будут обязательны для автономий" (52). Таким образом, была продемонстрирована несостоятельность одного из главных аргументов унитаристов в пользу централизованного государства в России.

Фактически отрицая возможность независимого существования мусульманских народов, унитаристы, сами того не осознавая, подтверждали старые измышления колониалистов о неспособности этих народов самостоятельно распоряжаться своей судьбой. Неслучайно М. Э. Расулзаде выступая на съезде заявил, что "полагаясь на совесть Керенского, нам не следует полностью подчинять свою судьбу русской демократии. Необходимо верить в способность нации управлять собою. Нация, отчаявшаяся в собственных возможностях и связывающая все [74-75] надежды на осуществление своих чаяний с другими, не может существовать как нация" (53).

По мнению М. Э. Расулзаде, именно территориальная федерация создавала оптимальные условия для национального развития мусульманских народов бывшей империи и раскрепощения их потенциальных возможностей в различных сферах жизни общества.

Несмотря на сильное противодействие унитаристов, идея территориальной автономии была поддержана большинством съезда. Представитель киргизской делегации Дж. Достмухаммедов в своем выступлении выразил данную тенденцию следующими словами: "А. Цаликов пытается создать единую мусульманскую нацию, объединив мусульманские народы. Такова суть его доклада. Но возможно ли это? Безусловно, нет! Господин Цаликов не знает что означает нация" (54).

В итоге на обсуждение делегатов было внесено две резолюции, выражающих позицию унитаристов и федералистов, авторами которых являлись соответственно А. Цаликов и М. Э. Расулзаде. Большинством голосов (446-за, 271-против) съезд принял резолюцию, подготовленную М. Э. Расулзаде. В ней говорилось: "...формой государственного устройства России, наиболее обеспечивающей интересы мусульманских народностей, является демократическая республика на национально-территориально-федеративных началах" (55).

I Всероссийский мусульманский съезд с целью "создания общей линии поведения и солидарных действий всех политических партий и организаций, имеющих место в среде российских мусульман", основал Всероссийский мусульманский Совет из представителей отдельных мусульманских народов. Еще в ходе прений по данному вопросу азербайджанские делегаты выразили сомнение в целесообразности создания единого политического центра для всех мусульман России, т. к., по их мнению, условия борьбы, цели и задачи освободительной борьбы у отдельных мусульманских народов сильно различались. Представители Азербайджана считали, что подобный орган может принести пользу только в плане координации религиозной и культурной жизни автономных территорий. Исходя из этих соображений, азербайджанские представители отказались войти в состав Всероссийского мусульманского Совета.

Дальнейший ход развития событий очень скоро доказал правоту азербайджанских лидеров. Уже летом 1917 г. Всероссийский мусульманский Совет оказался без опоры, продолжая [75-76] существовать на бумаге и в выступлениях его руководителей. Национальные организации в мусульманских регионах к тому времени полностью сосредоточились на решении местных проблем, забыв о существовании всероссийского мусульманского центра.

Между тем, по мере развития политической ситуации в Азербайджане, отношения между азербайджанскими национальными организациями и представителями т. н. "революционно-демократических" партий-меньшевиков и эсеров, все больше обострялись. Последние фактически проводили в жизнь политику игнорирования национальных требований азербайджанского населения и вообще азербайджанских политических организаций. Именно акцентируя внимание на подобной политике меньшевиков и эсеров, газета "Ачыг сез" писала: "Левые партии, взявшие в руки организацию революционного правления, в своих начинаниях впали в большую ошибку. Ошибка эта - то невнимание, которое они оказали местному, в данном случае, мусульманскому населению, составляющему большинство, и которое выразилось в факте отсутствия представителей из мусульман в местных организациях, имеющих важное значение, как Исполком, Совет рабочих депутатов и пр. В некоторые такие организации, притом имеющие наименее важное значение, представители мусульман вошли в ничтожном количестве, а в более важные - совсем не прошли" (56).

Характерно, что обвиняя азербайджанские национальные организации во всех смертных грехах, меньшевики и эсеры, в свою очередь, не заботились о работе среди азербайджанского населения. Вся их заинтересованность в этом вопросе ограничивалась лишь периодической публикацией нескольких статей в печати, основным лейтмотивом которых являлась борьба против "азербайджанского национализма".

Позицию меньшевиков и эсеров в отношении "азербайджанского национализма" можно было еще понять, если бы они не пользовались двойными стандартами в данном вопросе. Ополчаясь против "националистических" тенденций среди азербайджанского населения, они не считали нужным даже единым словом обмолвиться о деятельности существующих национальных организаций русских, армян, грузин и др.

В сущности, меньшевиков и эсеров интересовала не проблема "азербайджанского национализма" как таковая, а "антигосударственная" позиция азербайджанских национальных организаций, которая выражалась в том, что они выступали за [76-77] безоговорочное и немедленное прекращение войны, одновременно требуя территориальной автономии для Азербайджана. Эти устремления национального движения шли вразрез с политикой меньшевиков и эсеров в данных вопросах, выступавших за "единую и неделимую Россию", а также за продолжение войны под лживым лозунгом "мира и свободы народам, войны тиранам". Именно кардинально противоположные позиции азербайджанских национальных организаций и представителей т. н. "революционно-демократических" партий по основным вопросам текущего момента стали первопричиной антагонистического противостояния между ними. Направляя главный свой удар против азербайджанских национальных организаций, меньшевики и эсеры, тем самым, стремились нейтрализовать наиболее опасную с их точки зрения силу в регионе, угрожающую единству и целостности российского государства, в то время как идея территориальной автономии Азербайджана подразумевала создание собственного государственного правопорядка в пределах общероссийского государственного союза, т. е. не выходила за рамки сохранения единства России.

Упрекая азербайджанских лидеров в том, что они "знают только себя и свои требования", газета "Известия", орган Бакинского Совета, где доминировали т. н. "революционные демократы", писала: "Это

есть проявление той обособленности, о которой говорила наша газета, это есть то отмежевание своих границ, которая отделяет мусульманскую демократию, организовавшуюся в совет (Временный Комитет бакинских мусульманских общественных организаций - А. Б.) от остальной русской демократии, первыми задачами которой являются освобождение страны и всех демократических слоев ее населения от всеразрушающего влияния жестокой войны и упрочение основ демократического правопорядка" (57). И все эти блага должны быть достигнуты, по мнению газеты, Временным правительством, которое, как уже отмечалось, не мыслило себе счастья России без Стамбула и Дарданелл, и готово было ради этого продолжить войну до победного конца.

Враждебность меньшевиков и эсеров в отношении азербайджанских национальных организаций еще больше возросла после выборов в гражданские продовольственные комитеты, продемонстрировавших абсолютную поддержку последних со стороны азербайджанского населения г. Баку.

Как известно, уже со второго года первой мировой войны в Баку возник острый кризис в продовольственном обеспечении [77-78] населения, который неоднократно обсуждался на заседаниях городской управы и Совета съезда нефтепромышленников. Февральская революция не только не внесла улучшения положения в этой сфере, но, наоборот, в связи с развалом транспортной системы и обострением ситуации на Северном Кавказе в результате разгоревшейся войны между горцами и терскими казаками, значительно ухудшилось продовольственное обеспечение города, поскольку данный регион являлся основной продовольственной базой Баку. В этих условиях продовольственная проблема переросла в политическую, используемую различными политическими силами в своих интересах.

С целью недопущения дальнейшего обострения политической обстановки на этой почве и для налаживания продовольственного дела, в частности на промыслах, было решено создать участковые гражданские продовольственные комитеты, выборы которых состоялись 21 мая 1917 г. Эти выборы стали своего рода первой пробой сил для Временного Комитета бакинских мусульманских общественных организаций, выступившего на них отдельным списком. Они имели немаловажное значение для выявления политических настроений азербайджанского населения города.

За список Временного Комитета было подано 25 550 голосов, т. е. 51,6 % от их общего количества. Тем самым, выборы наглядно продемонстрировали высокий авторитет Временного Комитета среди азербайджанского населения города, почти единодушно проголосовавшего за его список (58).

Победа Временного Комитета была настолько внушительной, что меньшевики потребовали аннулирования итогов выборов, мотивируя это тем, что якобы "выборы проводились в условиях и форме, не отвечающих демократическим принципам". Однако, эти утверждения были настолько безосновательными, что даже избирательная комиссия, находившаяся под контролем меньшевиков и эсеров, не решилась на такой шаг (59).

Говоря о взаимоотношениях политических сил в Азербайджане в исследуемый нами период, следует отметить, что большевики к началу июня 1917 г. как в организационном, так и, в немалой степени, в политическом отношении составляли единое целое с бакинскими меньшевиками. Поэтому, в этот период невозможно говорить об их особом, отличном от меньшевиков, отношении к Азербайджанскому национальному движению.

Таким образом, вышеизложенные факты свидетельствуют о том, что начальный период после февральской революции [78-79] (примерно до июня-июля 1917 г.) был периодом организационного становления Азербайджанского национального движения и формирования его политической программы на качественно новой основе. Цели и задачи, сформулированные именно в этот период, стали в последующем программой практических действий национального движений. Этот факт опровергает утверждения некоторых исследователей о том, что Азербайджанское национальное движение в политическом плане якобы сформировалось лишь к началу 1918 года (60).

Характерной особенностью Азербайджанского национального движения в данный период являлось то, что роль организующего и координирующего центра движения принадлежала Временному Комитету бакинских мусульманских общественных организаций и национальным комитетам на местах. Это было обусловлено относительной слабостью азербайджанских политических партий. В этом плане Азербайджанское национальное движение, безусловно, отличалось от грузинского и армянского, в которых процессы политической дифференциации получили сравнительно более широкое развитие, в результате чего сформировались сильнее политические партии, способные самостоятельно возглавить национально-освободительную борьбу.

Однако, выдвигая на передний план политические требования, и в первую очередь, проблему будущего государственного устройства Азербайджана, представители национального движения уже на данном этапе ликвидировали предыдущее стадийное отставание от грузинского и армянского

движений. Тем самым, была подготовлена благоприятная почва для дальнейшего развития национально-освободительной борьбы азербайджанского народа.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ГАРФ, ф. 601, оп. 1, ed. xp. 2100, л. 5.
2. Расулзаде М. Э. *Азербайджанская республика*. Баку, 1990, с. 28 (на азерб. Яз.).
3. Жордания Н. *Моя жизнь*. Стэнфорд, 1968, с. 73.
4. Искендеров М. С. *Из истории борьбы Коммунистической партии Азербайджана за победу Советской власти*. Баку, 1958, с. 75.
5. Ленин В. И. ПСС, т. 27, с. 263.
6. Там же, т. 30, с. 328. [79-80]
7. Там же, т. 31, с. 239.
8. Баку, 1917, № 56.
9. Каспий, 1917, 8 марта.
10. Вестник Временного правительства, 1917, 22 марта.
11. Сеф С. Е. *Революция 1917 г. в Закавказье (Документы, материалы)*. Тифлис, 1927, сс. 80-81.
12. Беленький С. и Манвелов А. *Революция 1917 года в Азербайджане (хроника событий)*. Баку, 1927, с. 33.
13. Гусейнов М. Д. *Тюркская демократическая партия федералистов "Мусават" в прошлом и настоящем*. Баку, 1927, с. 71.
14. Там же, с. 73.
15. Там же.
16. Там же.
17. Миллер А. Ф. *Турция. Актуальные проблемы новой и новейшей истории*. М., 1983, с. 72.
18. Расулзаде М. Э.. *Национальное бытие (на азерб. яз.) // Адабият вэ инджесенат*, 1991, 25 октября.
19. Там же.
20. Каспий, 1917, 30 апреля.
21. Гусейнов М. Д. Указ. раб., с. 79.
22. Там же, с. 80.
23. Там же.
24. Каспий, 1917, 30 апреля.
25. Каспий, 1917, 6 апреля.
26. Каспий, 1917, 31 марта.
27. Беленький С. и Манвелов А. Указ. раб., с. 33.
28. Каспий, 1917, 15 апреля.
29. Каспий, 1917, 19 апреля.
30. Там же.
31. Каспий, 1917, 21 апреля.
32. Искендеров М. С. Указ. раб., с. 60.
33. Каспий, 1917, 18 апреля.
34. Там же.
35. Каспий, 1917, 21 апреля.
36. Каспий, 1917, 22 апреля.
37. Каспий, 1917, 18 апреля.
38. Каспий, 1917, 23 апреля.
39. Бакинский рабочий, 1917, 22 апреля.
40. Искендеров М. С. Указ. раб., с. 82.
41. Аршаруни А. и Габидуллин Х. Указ. раб., с. 63.
42. *Rusya'da birinci Musluman kongresi. Ankara, 1990, 290 с [80-81]*
43. Алисов Г. *Мусульманский вопрос в России // Русская мысль*, 1909, М., кн. VII с. 58.
44. *Программные документы мусульманских политических партий (1917-1920)*. Оксфорд, 1985, с. 15.
45. Там же, сс. 12-14.
46. *Rusya'da Biringi Mushuman kongresi*, сс. 146-147.
47. Там же, с. 298.

48. Там же, с. 164.
49. Там же, с. 166.
50. Там же, сс. 163-164.
51. Там же.
52. Там же, с. 295.
53. Там же, с. 297.
54. Там же, с. 246.
55. Программные документы мусульманских партий, с. 11.
56. Беленький С. и Манвелов А. Указ. раб., с. 59.
57. Ратгаузер Я. Революция и гражданская война в Баку. Баку, 1927, с. 71.
58. Кастий, 1917, 25 мая.
59. Кастий, 1917, 31 мая.
60. Сеф С. Е. Указ. раб., с. 13.

Содержание и динамика политической жизни Азербайджана летом и осенью 1917 г. Превращение партии "Мусават" в авангард национального движения

Лето и осень 1917 г. в политической жизни Азербайджана характеризовались дальнейшим нарастанием национально-освободительной борьбы. В этот период одновременно с совершенствованием организационных форм национального движения, созданием его координирующих центров, происходил интенсивный процесс размежевания между различными течениями внутри движения и кристаллизации их идейно - политических программ.

Уже сразу после февральской революции начали вырисовываться контуры трех основных течений в Азербайджанском национальном движении: национально-демократического, [81-82] социалистического и исламистского. Если национальные демократы видели перспективу национального развития азербайджанцев в приобретении в той или иной форме национальной государственности, то социалисты ставили во главу угла социальное освобождение масс. Оценивая происходящие события через призму теории классовой борьбы, социалисты считали, что реализация классовых интересов трудящихся автоматически приведет к снятию остроты национальных проблем, и даже к их окончательному разрешению.

Что же касается исламистов, то выступая под лозунгом "единства всего мирового мусульманства", они фактически отрицали национальные идеи, которые, по их мнению, являясь разъединяющим фактором, не способствовали быстрейшему освобождению мусульман от колониального ига европейского империализма. Несмотря на такие серьезные расхождения в платформах трех течений, их в этот момент объединяла общая цель-борьба против российского колониализма в Азербайджане. Данное обстоятельство стимулировало поиск путей консолидации национальных сил.

Проявлением этой тенденции стала реорганизация и реформирование Комитета бакинских общественных мусульманских организаций. Еще на I общекавказском съезде мусульман было принято решение образовать два Центральных Комитета - один для Закавказья с местопребыванием в Баку, другой - для Северного Кавказа и Дагестана с местопребыванием во Владикавказе. Организация Центрального Комитета для Закавказья была поручена Комитету бакинских общественных мусульманских организаций (1).

Для реализации данного решения, направленного на "создание солидного национально-политического учреждения, которое взяло бы на себя руководящую роль в деле проведения в жизнь тех национально-политических задач, которые были определены I общекавказским съездом мусульман, и с целью распространения среди народа идей свободы, республиканизма, демократизма и федерации" (2), было осуществлено реформирование Комитета в Совет бакинских мусульманских общественных организаций.

В состав Совета дополнительно были включены члены различных национальных партий, общественно-политических организаций, культурно-просветительных учреждений и профессиональных союзов. Тем самым, Совет приобрел более [82-83] представительный характер и фактически стал выполнять функции всеазербайджанского Национального Комитета.

Политические партии (за исключением монархических и анархических) делегировали в состав созданного Совета по три, профессиональные союзы - по два, районные (приходские), комитеты - по

одному, культурно-просветительные благотворительные учреждения - по два представителя и т. д. Кроме того в состав Совета вошли представители городских и сельских, кооперативов, нефтепромышленников, торговцев, интеллигенции, студенчества, духовенства, а также существующих, в Баку землячеств и солдат-мусульман бакинского гарнизона. Причем, выборы делегатов в Совет производились закрытой баллотировкой (3).

Руководящими органами Совета бакинских мусульманских общественных организаций являлись Комитет и Исполнительное бюро. 12 июля 1917 г. председателем Комитета был избран А. М. Топчибашев, его заместителями - М. Г. Гаджинский и М. Э. Расулзаде, а секретарем - М. Г. Везиров (4). Наиболее важным политическим событием в Азербайджане летом 1917 г., оказавшим заметное влияние на дальнейшее развитие национального движения, несомненно, следует считать слияние "Мусавата с Тюркской партией федералистов (ТПФ).

Близость идеологий и политических программ "Мусавата" и ТПФ относительно целей и методов национально-освободительной борьбы азербайджанского народа послужили основой сближения этих двух партий весной 1917 г. Единство действий представителей "Мусавата" и ТПФ, продемонстрированное ими на Кавказском и общероссийском съездах мусульман в апреле-мае 1917 г., значительно ускорив этот процесс, привело 3 июня 1917 г. к их полному слиянию. Новая политическая организация получила название - "Тюркской демократической партии федералистов "Мусават". В состав объединенного Центрального Комитета партии вошли по четыре представителя от "Мусавата" - М. Э. Расулзаде, М. Г. Гаджинский, М. Векилов, Х. Рафибеков и ТПФ - Н. Усуббеков, Ш. Рустамбеков, д - р Агазаде и М. М. Ахундов.

Объединение "Мусавата" с ТПФ стало результатом стремления национально-демократических сил Азербайджана к консолидации на этапе практической реализации задач национально-освободительной борьбы. Настоятельная необходимость подобной консолидации диктовалась спецификой условий развития Азербайджанского национального движения, поскольку [83-84] достижение задач национального освобождения в борьбе с таким многоопытным и сильным противником каким являлся российский империализм было возможно только объединенными усилиями всех демократических сил страны. С другой стороны, компенсирование относительной слабости национального движения в Азербайджане (по сравнению, например, с Польшей, Украиной, Прибалтикой и др.) могло быть достигнуто лишь сплоченными действиями азербайджанских политических организаций, твердо придерживающихся идеалов национального освобождения.

Наиболее характерной чертой политической программы объединенной партии было органическое соединение принципа федерализма с целями национального движения. Именно идея федерализма, причем федерализма не на религиозной, а на национальной основе, стала краеугольным камнем политической доктрины партии.

В декларации, принятой в связи с слиянием "Мусавата" и ТПФ, отмечалось, что новая "демократическая, опирающаяся на трудовые массы, партия" ставит себе целью "защиту экономических и классовых интересов народных масс, также как и национально-культурных устремлений тюркских и других мусульманских народов России" (6).

Безусловно, несмотря на политическую и идеологическую близость этих партий, по ряду важных вопросов между ними имелись и расхождения. В частности, созданная и действовавшая в основном в бакинском промышленном районе партия "Мусават", по сравнению с ТПФ, придерживалась более левой ориентации в рабочем и аграрном вопросах. Неслучайно, что в момент их слияния не удалось согласовать общую позицию по аграрному вопросу, в связи с чем окончательное решение данного вопроса было отложено до первого съезда партии, который должен был обсудить программные и организационные вопросы. Эти расхождения давали о себе знать и в последующей деятельности партии.

Как бы то ни было, объединение "Мусавата" и ТПФ обозначило появление на политической арене Азербайджана новой организации, потенциально способной единолично возглавить национально-освободительную борьбу азербайджанского народа, что, в свою очередь, стимулировало процесс политической дифференциации в стране. Так, в июне 1917 г. в Баку образовалась азербайджанская группа эсеров, а летом того же года в Тифлисе возникла меньшевистская организация "Гуммет", которой в относительно короткие сроки удалось создать свои [84-85] отделения в Газахе, Товузе, Гяндже и Нахчыване. Возглавляли организацию И. Абилов, С. Агамалиоглы и К. Караев.

Тем временем, в июне в Баку произошло событие, приведшее к существенным изменениям в расстановке политических сил в Азербайджане. Как известно, на VII (Апрельской) Всероссийской конференции партии большевиков, заседавшей 24-27 апреля 1917 г. в Петрограде, В. И. Ленин выступил с резкой критикой политики единения с меньшевиками, проводимой в первые месяцы после февральской революции, после чего бакинскими большевиками был взят курс на размежевание с ними. Следует отметить, что процесс оформления самостоятельных большевистских организаций несколько затянулся, о чем свидетельствует обращение Бакинского комитета РСДРП от 28 мая 1917 г. Отмечая

отсутствие "постоянной и стройной партийной организации" у большевиков, оно призывало "очистить организацию от сомнительных и нежелательных социал-демократов" (7).

В середине июня Краевой комитет РСДРП (б) вновь потребовал от местных организаций категорического размежевания с меньшевиками. Таким образом, раскол между большевиками и меньшевиками в Азербайджане в немалой степени был навязан сверху. 25 июня 1917 г. межрайонная конференция бакинской организации РСДРП (большевиков и интернационалистов) учитывая, что разногласия между большевиками и меньшевиками "по всем вопросам, выдвинутым современной жизнью носят глубокий и непримиримый характер", сочла их "совместную работу в одной организации невозможной" (8). Данное решение конференции означало окончательное организационное размежевание между меньшевиками и большевиками.

Этот факт представляет для нас интерес постольку, поскольку он оказал определенное влияние на рисунок тактических действий организаций, составляющих Азербайджанское национальное движение. Организационное размежевание большевиков и меньшевиков, и отказ первых от оборончества, означало распад единого блока социалистических партий, что предоставило азербайджанским политическим организациям определенный простор для маневра. Расширились их возможности сыграть на разногласиях, существующих между большевиками, с одной стороны, и меньшевиками, эсерами и дашнаками, с другой стороны. В свою очередь, большевики, поставив во главу угла борьбу со своими вчерашними политическими союзниками, пытались при этом заручиться поддержкой азербайджанских партий. По этой причине неудивительно, почему в этот период, [85-86] непосредственно предшествовавший октябрьскому перевороту 1917 г., позиции большевиков и азербайджанских политических организаций, в частности "Мусавата", по некоторым вопросам текущего момента иногда совпадали.

Некоторые исследователи пытались объяснить такое совпадение проявлением "дружеского отношения "Мусавата" к большевикам" (9) и даже "тяготением мусаватистов к большевизму" (10). Особенно усердствовали в этом отношении авторы, близкие к дашнакской партии. Стремясь скомпрометировать "Мусават", они обвиняли его в пособничестве большевикам. Один из таких авторов, Б. Ишханян писал: "Нельзя указать ни на один существенный вопрос, по которому "Мусават" выступил бы против точки зрения большевиков и защищал бы какую-нибудь другую партию. Но можно указать на целый ряд основных вопросов, по которым мусаватисты всегда поддерживали большевиков и выступали против прочих партий-меньшевиков, эсеров и дашнаков" (11).

Необходимо отметить, что в данном случае как Б. Ишханян, так и другие авторы подобного рода опусов, выдергивая отдельные факты из общего контекста, пытаются в гипертрофированной форме представить отдельные случаи произвольного совпадения позиций большевиков с "Мусаватом" по ряду вопросов. Эти авторы сознательно замалчивают тот факт, что мотивации одинакового отношения этих партий к тем или иным событиям политической жизни были различны, и подобные совпадения были обусловлены не идентичностью их стратегических целей, а политической конъюнктурой текущего момента.

В этой связи, учитывая, что именно национальный вопрос во многом определял тактику и стратегию российских политических партий на национальных окраинах империи, в том числе и в Азербайджане, мы считаем целесообразным несколько подробнее остановиться на т. н. "национальной политике" большевиков. Это необходимо не только с точки зрения понимания сути взаимоотношений большевиков с "Мусаватом", но и для выявления истинного места и роли большевистского "Гуммета", придатка РСДРП (б), в политическом спектре азербайджанского общества. Тем более, что за 70 лет в этом вопросе нагромождено множество далеких от исторических реалий мифов и небылиц.

До октябрьского переворота 1917 г. В. И. Ленин и большевики являлись твердыми сторонниками централизованного унитарного государства и выступали против федеративного устройства будущей социалистической России. Лидер большевистской [86-87] партии в этот период писал: "...пока и поскольку разные нации составляют единое государство, марксисты ни в каком случае не будут проповедывать ни федеративного принципа, ни децентрализации" (12).

Тезис о федеративном устройстве России большевиками впервые был провозглашен лишь 12 (25) января 1918 г. в "Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа", принятой III Всероссийским съездом Советов. Однако, даже тогда большевики считали это вынужденной мерой и рассматривали федерацию в качестве промежуточного звена на пути "к полному единству трудящихся разных наций", которая в перспективе должна была воплотиться в "единую международную Советскую республику" (13). При этом они полностью отвергали даже саму возможность прихода к власти национальных сил в автономных единицах.

Следовательно, в исследуемый нами период большевики по одному из главных вопросов текущего момента - в вопросе государственного устройства страны - занимали диаметрально

противоположную позицию по сравнению с "Мусаватом", чьим политическим кредом являлось именно децентрализация и федерализация России.

Как известно, основные принципы национальной политики большевиков были сформулированы на VII (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП (б). Осудив идею национально-культурной автономии и заложив в основу своей национальной политики наиболее радикальный принцип - "права наций на самоопределение вплоть до государственного отделения", большевики, вместе с тем, отнюдь не собирались реализовывать этот принцип в реальной практике. Выступивший на конференции докладчиком по национальному вопросу Сталин прямо заявил, что вопрос "о праве наций на самоопределение непозволительно смешивать с вопросом об обязательном отделении наций в тот или иной момент". В частности, он привел пример Закавказья. "Я лично, - отметил Сталин, - высказался бы, например, против отделения Закавказья, принимая во внимание общее развитие в Закавказье и в России, известные условия борьбы пролетариата и др." (14). По мнению большевиков, самоопределение наций "должно было быть обусловлено не чаянием народов, а решениями и нуждами Коммунистической партии" (15).

Весьма характерными в этом отношении являются решения I краевого съезда большевистских организаций Кавказа, состоявшегося 2-7 октября 1917 г. в Тифлисе. "Признавая право на [87-88] самоопределение за всеми нациями вплоть до государственного отделения их, и требуя от Временного правительства немедленного, открытого провозглашения этого права для всех наций, населяющих Россию, в том числе народов Кавказа", съезд вместе с тем, заявил, что "он не рекомендует ни отделения, ни образования федеративных государств кавказским национальностям". Наоборот, принимая во внимание пестроту и многочисленность, а также перемешанность наций и племен в крае и, с другой стороны, исходя из интересов единства рабочего движения на Кавказе, большевики призвали "к самому тесному единению и сближению всей демократии Кавказа без различия национальности" (16).

Кроме того, большевики квалифицировали национальные устремления угнетенных народов как националистические и сепаратистские, и вели непримиримую борьбу с подобными "реакционными и контрреволюционными стремлениями", считая, что "они не могут привести к добру" (17).

В итоге, закавказские большевики вслед за Сталиным призвали народы Закавказья воздержаться от отделения и образования самостоятельных государств. Таким образом, т. н. "ленинская национальная политика" провозглашалась чисто ритуально, а на деле и по существу подменялась великодержавной политикой. Подобная тенденция, господствовавшая в стратегии и тактике закавказских большевиков в национальном вопросе, на наш взгляд, окончательно подорвала их позиции в борьбе за влияние в массах и сыграла решающую роль в крахе большевистской власти в регионе.

По мнению стратегов РСДРП (б), "национальное государство относилось к прошлому, а не к будущему" (18). На практике это означало отказ от участия в борьбе за национальное освобождение, в то время как по всей империи бурно развивались национальные движения угнетенных народов.

Наглядным примером подобной политики в действии является деятельность большевистского "Гуммет" - "филиального отделения Бакинского комитета РСДРП (б)" (19). Причины "слитно-раздельного" существования "Гуммет" на VI съезде РСДРП (б) П. А. Джапаридзе объяснил следующим образом: "...после революции мы не решились снять это название, по крайней мере до сих пор. За "Гуммет" уже упрочилось известное влияние. Вместе с тем, выросла после революции якобы общенациональная организация - мусульмано-националистический "Совет [88-89] мусульманских организаций". В целях борьбы с этой организацией... мы решили оставить старое название" (20).

Следовательно, речь шла лишь о формальной независимости "Гуммета". Неслучайно С. М. Эфендиев отмечал, что большевистская партия "в вопросе о "Гуммет" осталась верной основному принципу т. е. единству и нераздельности партии и рабочего движения" (21).

Большевистский "Гуммет" фактически превратился в руках РСДРП (б) в инструмент борьбы с национальным движением. Примером этого является отношение "Гуммет" к реорганизации Комитета бакинских общественных мусульманских организаций, "душой которого была партия "Мусават" (22). Всеми средствами стремясь не допустить превращения этого Комитета в представительный и авторитетный политический орган, способный осуществлять руководство национальным движением, "Гуммет" сначала предложил ограничить его компетенцию "общинными и культурными делами гор. Баку и его районов" (23).

Объясняя реорганизацию Комитета бакинских общественных мусульманских организаций "недовольством широких кругов мусульманской демократии его деятельностью", гумметисты предлагали создать специальную организационную комиссию для выработки "проекта выборов в будущий мусульманский Совет". При этом они требовали зарезервировать за представителями "Гуммет" половину мест в этой комиссии (24).

Когда попытки гумметистов ликвидировать Комитет бакинских общественных мусульманских организаций как политическую структуру провалились, они еще более ужесточили свою позицию в

отношении этой организации. В сентябре 1917 г. "Гуммет" выступил с предложением вообще упразднить данный Комитет. "Гуммет" аргументировал свою позицию тем обстоятельством, что "сегодня нет необходимости в существовании специального политического мусульманского комитета, ибо великая русская революция уже открыла путь к национальному прогрессу и развитию, и обеспечила свободу совести". Поэтому, считали гумметисты, "представители мусульманского народа должны войти в общие демократические Советы" (25). В условиях практически полного отсутствия азербайджанских представителей в упомянутых гумметистами Советах, подобное предложение былорав посылно обезглавливанию национального движения и могло привести к полному вытеснению азербайджанских национальных организаций с политической арены. [89-90]

Вполне логично предположить, что политика недооценки и даже фактического игнорирования национальных устремлений азербайджанцев, в конечном счете, привела "Гуммет" к политическому банкротству и потере опоры в массах. Это подтверждается признанием самих большевиков. Так, в материалах межрайонной конференции большевиков, состоявшейся в конце сентября 1917 г., указывалось на крайне неблагоприятные для представителей "Гуммет" условия работы среди тюркских рабочих, "пропитанных национально-шовинистическим духом и находящихся под влиянием мусульманских контрреволюционных буржуазных организаций" (26).

Гумметисты, как и в целом большевики, будучи безоговорочно убежденными в неизбежном триумфе классового сознания над национальным, явно недооценивали национальный момент в политической борьбе. Неслучайно, в передовой статье первого номера газеты "Гуммет", написанной Н. Наримановым, и посвященной целям и задачам организации говорилось: "Если вы хотите счастья своему народу и призываете его к достижению своих возвышенных целей, становитесь под знамена социал-демократической партии "Гуммет". Тем самым, вы покончите с вопросом о мусульmano-армяно-русских отношениях, который теперь, затуманивая разум людей, наносит большой ущерб делу свободы" (27).

Вышеизложенные факты показывают, что практические действия большевиков откровенно противоречили духу самоопределения народов. Большевики использовали этот лозунг, исходя из тактических соображений, и национальная политика большевистской партии, на самом деле, была не программой практических действий партии, а средством вовлечения нерусских народов империи в борьбу за Советскую власть. По нашему мнению, очень точная оценка этой политики дана в работе С. Зенковского "Пантюркизм и ислам в России". Он пишет: "В. И. Ленин, разрабатывая национальный вопрос, ставил перед собой задачу превратить нерусские народы России в очень полезный инструмент для достижения своих коммунистических целей, для чего и выработал тонкую программу завоевания их лояльности" (28).

В подобной ситуации не могло быть и речи о стратегическом партнерстве между "Мусаватом", выступавшим за национальное освобождение и предоставление национально-территориальной автономии Азербайджану, и большевиками, которые, несмотря на декларируемые ими привлекательные лозунги о самоопределении [90-91] наций, в действительности стремились к перелицовыванию Российской империи в марксистскую упаковку. Партия "Мусават" и большевики как в идеологическом, так и в политическом плане представляли собой две антагонистически противоположные политические силы. Поэтому всерьез говорить о "тесном сотрудничестве" между мусаватистами и большевиками не приходится, что лишний раз подтверждается событиями, связанными с корниловским мятежем.

Лидеры "Мусавата" ясно отдавали себе отчет в том, что в случае успеха мятежа, предпринятого верховным главнокомандующим генералом Л. Г. Корниловым в конце августа 1917 г. с целью установления военной диктатуры в России, был бы положен конец стремлениям азербайджанского народа к национальной свободе. По этой причине партия резко осудила авантюру Корнилова как "дерзкое проявление контрреволюционного движения" и призвала "к единству и сплочению революционной демократии, независимо от партийной и национальной принадлежности" (29).

Одновременно руководство партии "Мусават" обратилось в Исполнительный комитет Бакинского Совета с просьбой предоставить ей место в "Бюро борьбы с контрреволюцией". Однако Исполком Бакинского Совета, возглавляемый С. Г. Шаумяном, отклонил эту просьбу под предлогом, будто бы "Мусават" не является партией, объединяющей широкие слои мусульманской демократии" (30). Хотя лидеры Бакинского Совета прекрасно были осведомлены в том, что ни одна власть в стране не могла быть жизнеспособной без опоры на "Мусават", "партии, насчитывающей в своих рядах громадное большинство организованной демократии Азербайджана, партии, которой принадлежала руководящая роль на всех съездах и выборах в Азербайджане с первых дней революции" (31).

Протестуя против подобного решения Исполкома Бакинского Совета, партия "Мусават" приняла специальное постановление, в котором, в частности, отмечалось: "...неужели Исполком Совета думает, что демократия находится в исключительной монополии определенных партий". Далее в постановлении подчеркивалось, что "подобное отношение Исполкома Бакинского Совета, конечно, не лишит нас

возможности бороться с контрреволюцией и защищать столь дорогие нам завоевания революции". Вся ответственность "за возможные последствия настоящего игнорирования организации турецкой революционной демократии" возлагалась на руководителей Совета (32). [91-92]

Уже в это время большевистские руководители Бакинского Совета сознательно ваяли курс на изоляцию азербайджанских демократических сил, и прежде всего "Мусавата", что имело далеко идущие трагические последствия.

Интересно отметить, что во время сентябрьской всеобщей стачки в Баку городской комитет "Мусават", который советские историки именовали "прислужниками буржуазии" и "партией народной кабалы" (33), выпустил воззвание к рабочим-азербайджанцам, где призывал их "к организованному участию в стачке и подчинению решениям Центрального стачечного комитета" (34), тем самым, вновь продемонстрировав свою приверженность демократическим идеалам в деле защиты интересов рабочего класса.

В сентябре 1917 г. произошло еще одно событие, оказавшее определенное влияние на дальнейшее развитие национального движения - образование партии "Иттихад-и-ислам". На первоначальном этапе деятельности "Иттихад" лидерами партии являлись Г. Мамедбеков, С. М. Ганизаде и Б. Ашурбеков.

Впоследствии "Иттихад" стал главным конкурентом "Мусавата" во внутривнутриполитической жизни Азербайджана. Политическое соперничество между этими партиями символизировало непримиримую борьбу двух антагонистических политических линий, одна из которых олицетворяла стремление к переменам, другая - привязанность к традициям.

Религиозно-политическая доктрина "Иттихада" базировалась на исламских ценностях. Иттихадисты воспринимали ислам не только в качестве религии, но и как систему политических, экономических, юридических норм, являющихся, по их мнению, фундаментальной основой всего мусульманского общества. Они предполагали, что лишь путем совершенствования и развития этих норм можно достичь прогресса мусульманского мира (35). При этом идеологи партии очень своеобразно интерпретировали идею развития исламских норм. По их словам, такое развитие означало бы возвращение к первоначальной чистоте исламских законов и традиций, подвергнутых грубым искажениям в течение многих столетий.

"Иттихад" выступал за единение всех мусульман без различия национальности. Как было заявлено партией "Иттихад", "единственный путь к счастью для мусульман лежит через объединение всех мусульманских народов во имя ислама и человечества. Наше счастье в единстве" (36). [92-93]

Отрицая нацию, как историческую категорию, а следовательно, и идею национальной независимости, партия "Иттихад" рассматривала разделение мусульман на отдельные национальности как попытку внести раскол в "умму". Особенно враждебно партия относилась к идеям азербайджанизма. В одном из документов "Иттихада" говорилось: "В теперешнем угнетенном положении мусульман оспаривание идеи нации несовместимо со здравым смыслом, т. к. именно эта идея привела некогда блистательный и могущественный исламский мир к нынешнему смиренному и рабскому состоянию. В настоящее время никакой благочестивый человек не может поставить идею нации превыше ислама и никакой мудрый мусульманин не имеет право игнорировать такую большую политическую силу, как "Иттихад-и-ислам". Нам не нужна другая партия, кроме партии ислама"(37).

Несмотря на возникновение новых политических партий и организаций, к осени 1917 года доминирующее положение "Мусавата" в политической жизни Азербайджана уже не вызывало никаких сомнений. К этому моменту "Мусават" стал ведущей силой Азербайджанского национального движения. Об этом свидетельствовали и результаты выборов в Бакинский Совет, проведенные 22 октября 1917 г. Они продемонстрировали огромный авторитет "Мусавата" среди азербайджанского населения г. Баку. Голоса избирателей на этих выборах распределились следующим образом:

Мусават.....	9 617	голосов
Большевики.....	3 823	"—"
Эсеры.....	6 305	"—"
Меньшевики	687	"—"
Дашнакцутюн.....	5 288	"—" (38)

Как видно, даже в многонациональном Баку "Мусават", значительно опередив все другие партии, собрал около 40 процентов голосов избирателей, что отражало реальное соотношение политических сил в городе. Учитывая немалый авторитет партии и в сельских местностях Азербайджана, нетрудно догадаться, что "Мусават" в этот момент являлся политическим авангардом азербайджанской нации.

Победа "Мусавата" на выборах в Бакинский Совет сильно напугала большевиков, в чьи планы отнюдь не входило подобное развитие событий, т. к. оно могло привести к кардинальным изменениям в соотношении политических сил как в Баку, так и в целом по Азербайджану. Поэтому уже через день после [93-94] выборов, 22-го октября 1917 г. Бакинский комитет РСДРП (б) постановил объявить их

результаты недействительными. Большевики объясняли свое решение допущенными якобы злоупотреблениями в ходе их проведения со стороны национальных сил (39). Они договорились до того, что стали объяснять успех мусаватистов на выборах неудачностью системы выборов, хотя сами являлись ее авторами.

Аргументы большевиков были настолько беспочвенными и смехотворными, что даже самые непримиримые противники "Мусавата" в лице эсеров и меньшевиков не осмелились их поддержать при обсуждении этого вопроса на расширенном заседании Бакинского Совета. Тем не менее большевикам, имевшим численное превосходство на заседании, под предлогом мнимых нарушений удалось добиться аннулирования результатов выборов в Бакинский Совет от 22 октября 1917 г.

Выступивший на расширенном заседании Бакинского Совета лидер "Мусавата" М. Э. Расулзаде в категоричной форме отверг утверждения о несправедливости выборов. Он выразил уверенность в том, что "партия "Мусават" имеет такую прочную организацию и влияние среди тюркских рабочих, что на новых пере выборах она получит еще более значительное большинство, чем на октябрьских" (40).

Упорное стремление большевиков дезавуировать результаты октябрьских выборов в Бакинский Совет вновь продемонстрировало, что для РСДРП (б) не существует демократических норм ведения политической борьбы, и она склонна менять эти нормы в угоду своим интересам в зависимости от складывающейся ситуации.

С 26 по 31 октября 1917 г. в Баку состоялся первый съезд "Мусавата", который определил стратегию и тактику партии в предстоящей политической борьбе и принял ее новую программу. На съезде присутствовало около 100 делегатов, представлявших почти все регионы Азербайджана. Социальный состав делегатов съезда, почти 90 процентов которого являлись рабочими и крестьянами, лишний раз опровергает измышления советской историографии о "ханско-бекском" характере партии (41).

Открывая съезд М. Э. Расулзаде, в частности, сказал: "Мы идем к своим национальным чаяниям, но наше желание не господство над другими нациями или подавление других наций. Наш идеал заключается в том, чтобы жить спокойно и счастливо совместно с другими нациями, быть равноправным членом [94-95] мирового сообщества и стремиться быть культурной и прогрессивной нацией" (42).

Указав на успехи, достигнутые в деле сплочения вокруг партии рабочих, крестьян и прогрессивных слоев азербайджанской нации, М. Э. Расулзаде вместе с тем предупредил, что борьба за национальную свободу будет длинной и трудной, т. к. "такие великие и сложные вопросы не разрешаются в течение дней или месяцев". Он подчеркнул, что "даже у прогрессивных и культурных народов борьба за свободу продолжалась годами". Одновременно М. Э. Расулзаде выразил уверенность в том, что "партия сумеет создать сильную организацию, которая не потеряв свой путеводительной звезды, дойдет до цели" (43).

Главным вопросом повестки дня съезда, несомненно, было принятие новой программы "Мусавата", в которой подводились итоги пройденного этапа национально - освободительной борьбы азербайджанского народа и определялись задачи партии на новой стадии исторического развития.

Сердцевину новой программы партии составлял раздел, посвященный государственному строю страны. В нем утверждалось: "...самым нормальным и рациональным государством должно считаться государство национальное, ибо ни один народ, не располагающий ни самостоятельностью, ни национальной автономией не будет в состоянии отстаивать свою культуру и свободу" (44). Причем особо подчеркивалось, что "национальное, государство только тогда будет считаться истинно народным, когда оно будет защищать и отстаивать интересы не одною избранного класса, а всего народа" (45). Следовательно, претендуя на руководство национальным движением, "Мусават" стремился стать партией всей нации, а не отдельных социальных групп и слоев.

Партия "Мусават", видя основную свою задачу в национальном вопросе в реализации на практике этих принципов, требовала обеспечения политических прав азербайджанского народа путем создания национально-территориальной автономии. Этот план предусматривал переустройство государственного строя в России в форме демократической республики, на началах национально-территориальной автономии.

Мусаватисты считали, что право на национально-территориальную автономию имеют народы компактно расселенные на определенной территории. Партия, в частности, добивалась автономии Азербайджана, Туркестана, Киргизии и Башкирии и объявляла "своей святой обязанностью помогать всеми силами [95-96] другим единоверцам - не тюркам, в получении права на автономию" (46).

Дисперсно расселенные народы, в том числе поволжские и крымские татары, в случае невозможности претворения для них в жизнь принципа территориальной автономии, имели право на национально - культурную автономию.

Согласно новой программе партии, законотворческая деятельность, система территориального управления, судопроизводство, вопросы образования в каждой национально-территориальной автономии находились в компетенции ее выборных органов - местных парламентов и назначаемых ими исполнительных властей. Полномочия федеральных органов ограничивались общими вопросами (оборона, денежная система, внешняя политика, железные дорога, почтовая служба и пр.).

Желание мусаватистов добиться территориальной автономии подавляющее большинство советских историков объясняло их стремлением изолировать Азербайджан от общероссийского революционного движения и демократических процессов с последующим насаждением в стране средневекового деспотическо феодального режима. Однако, содержание программных положений "Мусавата", принятых на первом съезде, показывает, что достижение автономии являлось для партии не самоцелью, а средством построения в стране общества с широким спектром политических и гражданских свобод. Так, партия выступала за гарантированные государством и закрепленные конституцией свободу слова, совести, печати, союзов, собраний, стачек, а также за "равенство всех граждан перед законом, независимо от их вероисповедания, религиозных толков, национальности, пола и партийного убеждения" (47).

Новая программа "Мусавата" провозглашала принцип разделения властей и независимости суда. В ней отмечалось, что суды подчиняются только закону и любое вмешательство исполнительных властей во внутренние дела судебных органов категорически запрещается. До утверждения постановлений полномочных судебных органов ни один гражданин не мог подвергаться наказанию (48).

Как и следовало ожидать, наиболее острые дискуссии на съезде развернулись при обсуждении земельных проблем. Докладчиком по этому вопросу выступал О. Оруджев, который подверг детальному и критическому анализу аграрные программы основных российских политических партий – большевиков, эсеров, меньшевиков и кадетов. Съезд решил, что ни одна из [96-97] аграрных программ этих партий полностью не соответствует интересам азербайджанского крестьянства. Для "Мусавата" были неприемлемы как национализация земли, т. к. она в немалой степени лишала крестьян заинтересованности в ее обработке, так и сохранение помещичьего землевладения, фактически санкционировавшее "существование рабства" (49).

Хотя в рядах партии по земельному вопросу не было единодушия, тем не менее, делегатам после бурных обсуждений удалось прийти к общему знаменателю. С подавляющим большинством голосов съезд высказался за бесплатную и безвозмездную передачу крестьянам всех казенных, удельных, дворянских и частновладельческих земель. Переданные крестьянам земли являлись их частной собственностью. Бывшим владельцам розданных земель для покрытия убытков предусматривалась выдавать воз-награждение из специального фонда, образуемого из прогрессивного налога с имущего класса. Наряду с этим в программе особо подчеркивалось, что "частая собственность распространяется только на поверхность земли", а ее недра являются общенациональным достоянием (50).

Следует отметить, что в целом программа "Мусавата" характеризовалась своей социальной направленностью. Данная тенденция особенно наглядно проглядывалась в разделе, посвященной рабочему вопросу, которая содержала такие требования, как установление для всех служащих и рабочих 8-ми часового рабочего дня, 24-х часового непрерывного отдыха в неделю, особых льгот на работе для женщин и подростков. Запрещалось использование труда детей и подростков школьного возраста. В программе были намечены конкретные меры в области охраны труда и социального обеспечения. Эти факты свидетельствуют о том, что программные положения партии в аграрном и рабочем вопросах по своему демократическому содержанию и соответствию коренным интересам трудящихся ни в чем не уступали программам партий, самовольно узурпировавших право быть единственными выразителями интересов рабочих и крестьян Азербайджана.

Значительное внимание в программе уделялось проблемам народного образования. Партия предусматривала национализацию системы народного образования. Устанавливалась преемственность и тесная связь между четырьмя основными ступенями системы образования - начальной, высшей начальной, средней и высшей. Начальное и высшее начальное образование объявлялись всеобщим, бесплатным и обязательным. [97-98]

Обращает на себя внимание и тот факт, что программа ратовала за создание "автономных в своих внутренних распорядках и вполне свободных в вопросах обучения" высших учебных заведений с преподаванием на азербайджанском языке.

Программа партии не ограничивалась удовлетворением лишь языковых потребностей азербайджанцев в сфере образования. Она однозначно выступала за создание аналогичных условий и для представителей этнических меньшинств, проживающих в Азербайджане. В программе отмечалось, что "при наличии 40 учеников, представляющих национальные меньшинства в данной низшей школе, обучение должно вестись на национальном языке указанных учеников" (51).

После принятия новой программы, Ш. Рустамбеков проинформировал делегатов о решениях съезда национальностей России, проходившем с 8 по 15 сентября 1917 г. в Киеве. На съезде было принято постановление следующего содержания: "1) признать единственно возможной формой государственного устройства России национально - территориальную федеративную республику; 2) через местные национальные Учредительные собрания определить конституцию и границы отдельных федеральных областей; 3) добиваться участия заинтересованных народов России на будущем мирном конгрессе; 4) приступить к формированию национальных армий" (52).

Принимая во внимание постановление съезда национальностей в Киеве, а также практические шаги уже предпринимаемые в этом направлении политическими представителями других народов России, Ш. Рустамбеков предложил Центральному Комитету партии выступить с инициативой созыва Учредительного собрания Азербайджана. Его предложение после короткого обсуждения было одобрено делегатами съезда (53).

Съезд "Мусавата" принял решение поручить новому составу Центрального Комитета партии во главе с М. Э. Расулзаде "принять меры в направлении практической реализации национально территориальной автономии Азербайджана и с этой целью поднять перед Национальным Комитетом вопрос о созыве Учредительного собрания Азербайджана" (54).

Первый съезд "Мусавата" определил также тактику партии по отдельным важнейшим вопросам текущего момента. Высоко оценивая роль национальных комитетов в освободительном движении, мусаватисты высказались за "концентрацию всей работы в руках этих комитетов, чтобы таким образом подготовить почву для автономии Азербайджана". Вместе с тем, они всячески [98-99] пытались избежать монополизации деятельности национальных комитетов какой-нибудь одной политической организацией, что нашло свое отражение в соответствующей резолюции съезда, в которой подчеркивалась "необходимость представления в национальных комитетах представителей всех политических течений страны" (55).

Стремясь к созданию самой широкой коалиции политических сил Азербайджана в борьбе за национальные идеалы, съезд выступил "за тесную связь и совместную деятельность "Мусавата" с социалистическими и демократическими партиями, защищающими форму управления национально-территориальной автономии", обратив при этом особое внимание на "налаживание контактов с тюркскими и мусульманскими социал-демократическими партиями" (56).

Одновременно мусаватисты призвали своих сторонников "к серьезной и жесткой борьбе со всеми контрреволюционными партиями и империалистическими течениями" (57).

Проявлением масштабного и разнопланового характера деятельности партии стала резолюция съезда "О рабочих Советах". В ней говорилось: "принимая во внимание чрезвычайную важность рабочих Советов в революционной России, партия должна уделять внимание этому совету и взять на себя инициативу введения в их состав возможно большего числа представителей "Мусавата" (58).

Трудно переоценить значение для судеб национального движения единодушно принятой съездом резолюции "О национальной армии". "Для защиты общего спокойствия, - подчеркивалось в ней, - требовать создания национальной армии. Несмотря на трудности, стараться всячески помогать национальным комитетам в организации национальной армии" (59). Своевременность принятия данного решения убедительно было доказано дальнейшим ходом событий, продемонстрировавших невозможность достижения целей и задач национального движения одними лишь политическими средствами.

Таким образом, решения первого съезда "Мусавата" наглядно свидетельствуют о приверженности партии к идеалам национальной свободы и демократии. Провозглашенные на съезде принципы носили не декларативный характер, а были программой практических действий, что было подтверждено всей последующей деятельностью партии.

Первый съезд "Мусавата" подвел своеобразную черту под начальным этапом развития Азербайджанского национального [99-100] движения после февральской революции. За этот относительно короткий исторический отрезок времени национальное движение сделало большой качественный скачок вперед в своем идейно-теоретическом, политическом и организационном развитии. Сформировалась политическая программа национального движения, появились азербайджанские политические организации различного направления, положившие начало политической дифференциации движения, возникли координирующие центры освободительной борьбы в лице национальных комитетов. И самое главное, партия "Мусават" превратилась в реальную силу, способную руководить национальным движением.

Признанием лидерства "Мусавата" в освободительной борьбе стали слова А. М. Топчибашева, высказанные им на первом съезде этой партии. Будучи беспартийным, А. М. Топчибашев заявил: "...вопросы, которые здесь разбираются, поставлены Национальным Комитетом. Желание и цели

Национального Комитета полностью совпадают с желаниями и целями "Мусавата". Национальный Комитет использует ваши постановления в своей деятельности" (60).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Каспий*, 1917, 23 апреля.
2. Беленький С. и Манвелов А. *Революция 1917 года в Азербайджане (хроника, событий)*. Баку, 1927, с. 70.
3. Там же.
4. *Известия Комитета Бакинских Мусульманских Общественных организаций*, 1917, № 157.
5. Swietochowski T. *Rus Azerbaucani. 1905-1920. Ankara*, 1988, с. 132.
6. Там же.
7. *Бакинский рабочий*, 1917, 28 мая.
8. *Бакинский рабочий*, 1917, 28 июня.
9. Kazemzadeh F. *Struggle for Transcaucasus (1917-1921)*. New-York, 1951, p. 67.
10. Ратгаузер Я. *Революция и гражданская война в Баку*. Баку, 1927, с. 10.
11. Ииханян Б. *Контрреволюция в Закавказье*. Баку, 1919, с. 61.
12. Ленин В. И. ПСС, т. 24, с. 144. См. также. ПСС, т. 26, с. 109; ПСС, т. 48, с. 147.
13. Ленин В. И. ПСС, т. 41, с. 164. [100-101]
14. *Протоколы Седьмой (Апрельской) конференции РСДРП (б)*. М., 1958, с. 207.
15. Zenkovsky S. *Pan-Turkism and Islam in Russia Cambridge*, 1967, p. 160.
16. *Бакинский рабочий*, 1917, 27 октября
17. *Протоколы Седьмой (Апрельской) конференции РСДРП (б)*, с. 207.
18. Там же.
19. *Протоколы Шестого съезда РСДРП (б) М 1934*, с. 221.
20. *Протоколы VI съезда РСДРП (б)*. 26 июля - 3 августа 1917. М., 1919, с. 204.
21. Кочарли Т. *Указ. раб.*, с. 35.
22. Ратгаузер Я. *Указ. раб.*, с. 68
23. *Каспий*, 1917, № 147.
24. Там же.
25. *Гуммет* 1917, 12 сентября.
26. *Бакинский рабочий*, 1917, 4 октября
27. Нариманов Н. *Избранные произведения. т. II Баку*, 1988, с. 194.
28. Zenkovsky S. *Указ. раб.*, с. 160.
29. *Каспий*, 1917, 3 сентября.
30. *Каспий*, 1917, 12 сентября.
31. *Известия мусульманского комитета*, 1917, 20 сентября.
32. *Каспий*, 1917, 12 сентября.
33. Раевский А. *Английские "друзья" и мусаватские патриоты*. Баку, 1927, с. 53.
34. *Известия мусульманского комитета* 1917, № 218
35. Геюшев А. Р. *Возникновение и деятельность партии "Иттихади-ислам"*. Автореф. дис. канд. Ист. наук Баку, 1993, с. 13.
36. *Иттихад*, 1917, 6 декабря.
37. Мустафаев Г. *Исламская идеологии Азербайджане начале XX века и ее критика*. Баку, 1973 сс. 261-262 (на азерб. яз.).
38. *Каспий*, 1917, 25 октября.
39. *Бакинский рабочий*, 1917, № 71.
40. Беленький С. и Манвелов А. *Указ. раб.*, с. 193
41. ЦГАНИ Азерб. Респ., ф. 894, оп. 10, ед. хр. 60, л. 1.
42. Там же.
43. Там же, л. 3. [101-102]
44. *Программа тюркской демократической партии федералистов "Мусават"*. Баку, 1919, с. 3.
45. Там же, с. 5.
46. Там же.
47. Там же, с. 7.
48. Там же, с. 11.
49. ЦГАНИ Азерб. Респ., ф. 894, оп. 10, ед. хр. 60, л. 11.
50. Там же, лл. 12-13.
51. *Программа тюркской демократической партии федералистов "Мусават"*, с. 12.

52. *Каспий*, 1917, 19 сентября.
53. ЦГАНИ Азерб. Респ., ф. 894 оп. 10, ед. хр. 60, л. 17.
54. Там же, лл. 17-18.
55. Там же, л. 79.
56. Там же, л. 18.
57. Там же, л. 19.
58. Там же.
59. Там же, л. 20.
60. Там же, л. 5

Октябрьский переворот и его влияние на расстановку сил на политической арене Азербайджана

Приступая к осмыслению нашей проблематики, прежде всего следует подчеркнуть необходимость решительного отказа от характерного для советской историографии принципа "двойных стандартов" в отношении оценки деятельности различных политических партий в послеоктябрьский период. В частности, при изучении деятельности партии большевиков следует использовать те же методы и критерии, тот же жесткий подход к источникам, который применяется при анализе документов других политических партий, и в первую очередь, национальных организаций. По нашему мнению, именно строго придерживаясь этого принципа, только при системном подходе к деятельности различных политических партий в их взаимосвязи и взаимовлиянии, можно попытаться воссоздать объективную картину развития [102-103] национального движения в Азербайджане после октябрьского переворота.

Переворот, совершенный большевиками в Петрограде 25 октября 1917 г., в значительной степени предопределил ход развития политических процессов в нашей стране в XX столетии. Однако, с сожалением приходится констатировать, что в силу канонизации истории октябрьского переворота и последовавших за ним событий до сих пор не удалось дать объективную оценку их роли в отечественной истории.

При освещении октябрьских событий 1917 г. в советской историографии сознательно замалчивался тот факт, что эта была революция, замешанная на социальной ненависти к привилегированным классам, на ненависти к войне, на невероятной радикализации масс, возникшей благодаря относительно быстрому и легкому свержению монархии. Именно политические факторы обеспечили успех октябрьского переворота, а не "достаточная" экономическая основа, для обоснования которой советскими историками в течение 70 лет было затрачено немало сил. Другими словами, степень экономической зрелости не имела никакого отношения к решению вопроса о взятии власти большевистской партией в октябре 1917 г. Тут решающим было наличие политических условий для захвата власти, политической организации в виде большевистской партии и необходимой вооруженной силы в ее руках, а также слабость противника. Если бы дело решалось уровнем зрелости экономических предпосылок, то в России никогда не случилось бы социалистической революции, как не было ее и нет ни в одной развитой капиталистической стране.

В изучении проблем октябрьского переворота и его последствий особенно сильно проявилось негативное влияние концепции "Краткого курса ВКП (б)", трактовавшей роль большевистской партии как некоего мессии, которому наперед все известно. "Краткий курс" по существу низвел октябрьские события к деятельности большевистской партии, жестко обозначив эту деятельность лишь тесными, ничего не говорящими о реальной подоплеке событий, рамками программных документов РСДРП (б). При этом полностью игнорировался тот очевидный факт, что теоретические положения и лозунги большевистской партии не только в "чистом" виде не реализовывались, но при практическом осуществлении, подвергаясь значительной трансформации, как правило, теряли свою и изначальную сущность. В конечном итоге усилиями советских историков [103-104] между большевистской партией и остальными политическими силами того периода, оказавшимися для них "черной костью", была воздвигнута "китайская стена".

В этой связи особенно доставалось национальным партиям и организациям. Заведомо негативное отношение большевиков к любым национальным проявлениям привело к известной ситуации в советском обществоведении, когда национализм превратили в некий жупел, под который, как под общий знаменатель, подгонялись национальные чувства, национальное достоинство, национальное самосознание, не говоря уже о борьбе за национальные идеалы. В подобной ситуации вполне

естественно, что любые политические силы, выступавшие под национальными лозунгами уже априори объявлялись контрреволюционными и реакционными, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Эти особенности большевистской политики в полной мере проявились в действиях местных организаций РСДРП (б) по отношению к национальным политическим силам Азербайджана в период после октябрьского переворота 1917 г.

Известие о большевистском перевороте в Петрограде и свержении Временного правительства достигло Баку на следующий день - 26 октября 1917 года. Азербайджанские национальные организации и партия "Мусават", в целом, доброжелательно встретили октябрьский переворот. Подобное поведение было продиктовано, в основном, крайним недовольством азербайджанских политических организаций деятельностью Временного правительства, а вовсе не их симпатиями к большевикам, как это пытаются представить некоторые авторы. В принципе "Мусават" выступил не за новую большевистскую власть в Петрограде, а против старой в лице Временного правительства.

Это подтверждается документами партии "Мусават" того периода. В резолюции по текущему моменту Бакинского комитета "Мусават" от 7 ноября 1917 года достаточно четко раскрыты причины недовольства партии деятельностью Временного правительства и, следовательно, ее позитивного отношения к факту свержения данного правительства. В ней отмечалось, что "вся деятельность Временного правительства, в особенности его внешняя политика, направленная к затягиванию мировой войны, и позиция, занятая им по отношению к национальным требованиям народов России, не могла удовлетворить российскую демократию и делало очевидным скорое падение этого правительства" (1). [104-105]

Таким образом, упорное стремление Временного правительства продолжить войну до победного конца и игнорирование национальных устремлений угнетенных народов Российской империи, в том числе азербайджанцев, послужили главной причиной доброжелательного отношения "Мусавата" к факту свержения этого правительства, а вовсе не пробольшевистская позиция партии. Тем более, что "Мусават" отнюдь не торопился с признанием новой власти в Петрограде.

Поэтому трудно согласиться с мнением некоторых авторов, в частности, Т. Светоховского и Ф. Казымзаде, которые фактически объявляют позицию "Мусавата" в исследуемый нами период пробольшевистской. В данном случае ошибка этих известных историков, немало сделавших для объективного освещения проблем азербайджанской истории начала XX века, заключается в том, что они явно преувеличивают степень влияния первых документов большевистского правительства на деятельность мусаватистов в послеоктябрьский период. В первую очередь, речь идет об обнародованной 2 ноября 1917 г. "Декларации прав народов России", провозгласившей основные принципы национальной политики большевистской власти: "1) равенство и суверенность народов; 2) право народов России на свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства; 3) отмена всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений; 4) свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России" (2).

Как известно, вслед за этой декларацией 20 ноября 1917 г. Совет народных комиссаров РСФСР во главе с В. И. Лениным принял "Обращение к трудящимся мусульманам России и Востока", в котором, в частности, подчеркивалось: "Мусульмане России, Киргизии, тюрки и татары Закавказья, чеченцы и кавказские горцы - все те, чьи мечети были разрушены, чья вера и обычаи были растоптаны царями и угнетателями России - отныне ваши верования и обычаи, ваши национальные и культурные учреждения объявляются свободными и неприкосновенными. Устраивайте свою национальную жизнь свободно и беспрепятственно. Вы имеете право на это" (3).

Безусловно, мы далеки от мысли полного отрицания влияния этих декларативных заявлений большевистского правительства на отдельные тактические ходы "Мусавата" в бакинской политической жизни после октябрьского переворота 1917 г. Вместе с тем, по нашему мнению, не следует переоценивать их значение. [105-106] По крайней мере, однозначно можно утверждать, что не они сыграли определяющую роль в формировании и реализации стратегического курса партии "Мусават" в этот период.

В этой связи невозможно согласиться с утверждением Т. Светоховского о том, что "лидеры "Мусавата" приняли лозунг большевиков (о национальном самоопределении - А. Б.) за чистую монету и увидели в нем выход к решению вопроса национальной автономии" (4). Мягко говоря, не соответствует действительности и аналогичное высказывание Ф. Казымзаде (5). Наивно было бы думать, что лидеры "Мусавата" всерьез надеялись на реализацию большевистских обещаний в национальном вопросе. В подобном случае по ключевым вопросам текущего момента мусаватисты, по логике вещей, должны были поддержать большевиков. Но даже в главном вопросе политического момента - формировании новых властных структур в Баку, позиции этих двух партий не только не совпадали, но и кардинально расходились. "Мусават" выступал против концентрации "власти в руках лишь одной определенной

партии демократии", т. к., по мнению лидеров партии, "это могло всецело подвергнуть опасности саму революцию, в результате чего стало бы неминуемым усиление и торжество контрреволюции". Исходя из этих предпосылок, мусаватисты предлагали создание демократической власти в Баку на широкой коалиционной основе, с участием всех "представителей революционной демократии, без различия национальной и политической принадлежности, пропорционально реальной силе каждой партии" (6). Это было прямым вызовом политике большевиков в данном вопросе, направленной на обеспечение единоличного и безраздельного доминирования РСДРП (б) во всех, без исключения, властных структурах.

Между тем в Баку со всей остротой стал вопрос о власти. Успех октябрьского переворота в Петрограде еще не означал автоматического перехода власти на местах в руки большевиков. Ожесточенная борьба за власть, разгоревшаяся между большевиками и остальными политическими силами в масштабах всей страны, нередко приводила к полному хаосу и параличу всех властных структур на местах. Большевикам особенно трудно приходилось в национальных районах, где они не имели сколь-нибудь существенной поддержки со стороны местного населения. В этом отношении не составлял исключения и Азербайджан. [106-107]

Причины подобной непопулярности большевиков азербайджанского населения достаточно четко раскрыл Н. Нариманов. Анализируя события, приведшие к краху Бакинской коммуны летом 1918 года, он писал: "Наш уход из Закавказья не вызвал особенного сожаления среди местного населения. Ибо, не считаясь ни с его традициями, ни с его национально-историческими воззрениями, ни с социально-бытовым укладом, ни с духовными запросами его, ни с психологией, мы применяли к нему политику совершенно чуждого для него элемента" (7).

В силу этих причин социальная база большевиков в Азербайджане была весьма ограниченной, т. к. азербайджанцы, за исключением отдельных представителей интеллигенции примкнувших к большевикам, в подавляющем своем большинстве поддерживали национальные партии и организации.

Большевистские организации в Азербайджане, как и во всем Закавказье, были немногочисленными, имея наибольшее влияние среди русских и армян, которые составляли немалою часть рабочих в бакинском промышленном районе. Но главной опорой большевиков, несомненно, являлись радикально настроенные солдаты стремительно разлагающейся русской армии. Деморализованная армия представляла собой благодатную почву для большевистской агитации о необходимости дальнейшего "углубления" революции, без чего, по утверждению большевиков, народ не получил бы ни мира, ни земли, ни хлеба. Неудивительно, что на выборах в Бакинскую Городскую Думу, состоявшихся в конце октября 1917 г., большевистская партия получила около 90 процентов солдатских голосов. Для сравнения отметим, что на этих выборах за большевиков проголосовало лишь 15,4 процента гражданского населения города Баку (8). Правда впоследствии опора на деморализованную армию сыграла злую шутку с большевиками, став одной из существенных причин их политического поражения в Азербайджане.

Уже на следующий день после получения в городе первых известий о большевистском перевороте в Петрограде - 27 октября 1917 г. в Баку состоялось экстренное собрание Бакинского Совета с участием представителей различных политических партий, профсоюзов, воинских частей и Каспийской флотилии, обсудившее вопрос о власти в городе. Большевикам, эсерам и дашнакам, несмотря на активное противодействие большевиков, удалось добиться решения о создании Комитета общественной безопасности в качестве высшего государственного органа власти в Баку. [107-108]

В первом же своем воззвании Комитет общественной безопасности расценил большевистский переворот в Петрограде "преступным насилием над волею демократии и всей страны". Обвинив большевиков в "подталкивании истекающей кровью Родины в пропасть анархии и братоубийственной бойни", Комитет поставил себе целью "не допустить в Баку гражданской междуусобицы, грозящей утопить в братской крови завоеванные свободы". Комитет общественной безопасности призвал всех граждан города, общественные и государственные учреждения не подчиняться приказам и не повиноваться никому, кроме законно существующей революционной власти в лице данного органа (9).

Естественно, что большевики, не удовлетворенные подобным решением вопроса, потребовали передачи всей полноты власти в городе Бакинскому Совету. Следует подчеркнуть, что относительную малочисленность своих рядов большевики компенсировали чрезвычайной активностью и почти фанатичной преданностью своим идеалам. Именно благодаря этим качествам им удалось со второй попытки, 31 октября на конференции расширенного Бакинского Совета добиться своей цели. После того, как меньшевики, правые эсеры и дашнаки в знак протеста против повторного обсуждения вопроса о власти демонстративно покинули заседание, оставшаяся часть Совета, находившаяся теперь под контролем большевиков и левых эсеров, объявила себя высшей властью в городе. Были также переизбраны руководящие органы Совета, в которых ключевые посты, в том числе пост председателя Исполкома, заняли большевики.

После этого решения Бакинского Совета создалась ситуация, когда одновременно три организации претендовали на власть в Баку - возглавляемый меньшевиками, эсерами и дашнаками Комитет общественной безопасности, контролируемый большевиками Бакинский Совет и Городская Дума. В отличие от первых двух организаций, в Городской Думе ни одна из политических партий и блоков не имела решающего преимущества. Из избранных в конце октября 1917 г. 109-ти гласных Бакинской Городской Думы, 19-являлись представителями РСДРП (б), 14-"Мусавата" и выступавшего в коалиции с ним Совета мусульманских общественных организаций, 11-"Иттихада", 25-социалистического блока, куда входили эсеры, меньшевики, "Бунд" и армянская социал-демократическая организация, 17 - "Дашнакцутюн", 6 - кадетов, 5 - Союза служащих в государственных учреждениях. Остальные гласные были членами мелких [108-109] политических группировок. Председателем Городской Думы был избран Ф. Х. Хойский (10).

Очевидно, что влияние Городской Думы на массы, по сравнению с Комитетом общественной безопасности и Бакинским Советом, было менее значительным. Тем не менее, нахождение в его составе политических представителей имущих слоев населения, как в экономическом, так и в военно-политическом отношении все еще представлявших значительную силу в городе, делало в тот момент весьма проблематичным для большевиков ликвидацию Городской Думы. По всей вероятности, именно данное обстоятельство, наряду с нежеланием и неготовностью большевиков в условиях экономической разрухи и стремительно прогрессирующегося продовольственного кризиса в Баку взять всю ответственность на себя за управление сложным городским хозяйством, обусловило их более терпимое отношение к Городской Думе. По крайней мере в первые дни после октябрьского переворота они не решились ликвидировать Городскую Думу.

В то же время, большевики стремились ограничить компетенции Городской Думы вопросами городского самоуправления и не допустить распространения ее деятельности в политическую сферу. При этом они активно использовали факт существования Городской думы для обоснования необходимости роспуска Комитета общественной безопасности, который стал их главной мишенью в борьбе за власть в городе. Так, выступая на конференции расширенного Бакинского Совета С. Г. Шаумян утверждал, что именно "наличие демократической Городской Думы делает ненужным дальнейшую деятельность Комитета общественной безопасности" (11).

В этой сложной и во многом запутанной политической ситуации в Баку азербайджанские национальные организации, и в частности, "Мусават", стояли перед трудной дилеммой - какую из противоборствующих организаций поддержать - Комитет общественной безопасности или Бакинский Совет? Положение осложнялось тем обстоятельством, что ни одна из этих организаций не отличалась особым дружелюбием в отношении азербайджанских политических партий и их целей. Фактически лидерам "Мусавата" предстояло выбрать меньшее из двух зол. По существу, от правильного выбора в этом вопросе, в немалой степени, зависела дальнейшая судьба не только "Мусавата", но и национального движения, в целом. В сложившейся ситуации главная задача, стоящая перед руководством "Мусавата", как ведущей силы национального движения заключалась в том, [109-110] чтобы используя противоречия между меньшевиками, эсерами и дашнаками, с одной стороны и большевиками, с другой, избежать опасности борьбы сразу на двух фронтах, что имела бы губительные последствия для партии.

Лидеры "Мусавата" прекрасно понимали, что приход к власти меньшевиков и эсеров, проповедовавших идею "единой и неделимой России", не говоря уже о дашнаках, чья националистическая политика своим острием была направлена против азербайджанцев, создаст еще более невыносимые условия для освободительной борьбы азербайджанского народа и затруднит достижение основных целей национального движения. Ведь господствовавшие в Комитете общественной безопасности эти три партии, будучи в свое время руководящей силой Бакинского Совета, пытались даже лишить "Мусават" права участия на выборах в Совет, мотивируя это якобы буржуазным характером партии. По нашему мнению руководствуясь именно этими соображениями, партия "Мусават" заявила "о невозможности для себя участвовать в Комитете общественной безопасности", что и предопределило его судьбу (12).

Заручившись поддержкой "Мусавата", большевики 12 ноября 1917 г. на заседании Бакинского Совета добились принятия решения о роспуске Комитета общественной безопасности и последнему ничего не оставалось как подчиниться этому решению. Безусловно, лидеры "Мусавата" не питали особых иллюзий относительно истинных замыслов большевиков в национальном вопросе, которые по своей сути мало чем отличались от целей меньшевиков и эсеров. Однако, в отличие от последних, в этот период большевики, не укрепившие еще свою власть на местах, вынуждены были, жонглируя идеей национального самоопределения, заигрывать с азербайджанскими политическими силами, и в первую очередь с "Мусаватом". По всей видимости большевики учитывали и тот факт, что в условиях, когда подавляющее большинство Бакинского Совета составляли русские и армяне, откровенно

антимусаватская линия могла привести к еще более тесному сплочению азербайджанских народных масс вокруг этой партии. Все это "Мусавату" определенную возможность для маневра, неиспользование которой в тогдашних условиях могло привести к полной изоляции партии на политической арене, и в значительной степени, к подрыву ее позиций.

Таким образом, поддержка, оказанная мусаватистами большевикам в их соперничестве с Комитетом общественной [110-111] безопасности за власть в городе отнюдь не являлась свидетельством близости политических курсов двух партий, а была продиктована стремлением "Мусавата" получить временную передышку для укрепления своих позиций в Баку. Это подтверждают и слова М. Э. Расулзаде. Выступая на заседании Городской Думы он, в частности, заявил: "Партия "Мусават" относится осторожно к вопросу об организации власти и боится вызвать конфликт, который зажег бы весь Кавказ. Вот, ввиду опасности такого столкновения, она не возражает против власти Совета, тем более, что придет время, когда организованная сила безболезненно разрешит вопрос о власти" (13).

Еще более откровенно по этому поводу М. Э. Расулзаде высказался впоследствии. Выступая на одном из заседаний Закавказского Сейма он сказал: "Я должен сделать некоторые разъяснения по поводу того, что партия "Мусават" поддерживала большевиков в гор. Баку. В силу специфических, особых условий город Баку всегда, как пункт большого гарнизона, стоял за большевиков, или за большевистски настроенных лиц и наша партия принуждена была придерживаться этой политики, чтобы не подвергать Баку таким эксцессам, которые могли бы раздаться кровавым эхом во всем Закавказье. Исходя из такого тактического соображения, партия "Мусават", в то время когда большевики грозили своими солдатскими массами не только городу Баку, но всему Закавказью, и когда все партии, даже отъявленные противники большевиков, считали нужным придерживаться того или другого тактического курса, - партия "Мусават" принуждена была в этом отношении придерживаться известных тактических приемов" (14).

Мусаватисты осознавали, что политические методы в борьбе за реализацию провозглашенных национальных идеалов, при крайне враждебном к ним отношении всех без исключения российских партий, и в условиях до предела обостренных межнациональных отношений в регионе, могут оказаться недостаточными и тогда, на определенной стадии борьбы за национальное освобождение, их необходимо будет подкрепить соответствующей военной силой. В силу известных причин, именно военная сфера была ахиллесовой пятой Азербайджанского национального движения, в особенности, в Баку. Для наверстания отставания в этой сфере требовалось определенное время, которое и было получено в результате вышеупомянутого решения "Мусавата". [111-112]

Несомненно, временная передышка, полученная "Мусаватом", не могла быть длительной. Стратегические цели мусаватистов и большевиков слишком расходились, чтобы можно было говорить о более - менее серьезном и долгосрочном сотрудничестве между ними. В этом контексте вполне логично, что поддержка, оказанная "Мусаватом" большевикам в ликвидации Комитета общественной безопасности, явилась лишь одним из редких эпизодов в истории их взаимоотношений, в целом характеризующихся непримиримым соперничеством и крайней враждебностью.

Неслучайно, что начиная примерно с середины октября 1917 года отношения между мусаватистами и большевиками приобрели устойчивую тенденцию к ухудшению. 18 ноября 1917 года, т. е. всего через шесть дней после бурных аплодисментов в адрес "Мусавата" на заседании Бакинского Совета, большевики аннулировали результаты октябрьских выборов в Бакинский Совет. Это был акт, направленный непосредственно против "Мусавата", т. к. на этих выборах мусаватисты одержали убедительную победу.

Диаметрально противоположными оказались позиции этих партий и в вопросе присоединения промыслов к городу. Так, большевики выступали за присоединение промыслов к городу, мотивируя это их органической связью. В действительности же их позиция была продиктована стремлением решить одновременно две задачи - усилить свое влияние в Баку за счет создания "единого революционного центра в составе города и промыслов" и изолировать азербайджанские села Апшерона от города.

Учитывая эти обстоятельства азербайджанская фракция в Бакинской Городской Думе выступила против присоединения промыслов к городу. Исходя из интересов азербайджанских сел, разбросанных вокруг промыслов и нуждающихся в их культурно-бытовом влиянии и экономических связях, азербайджанская фракция потребовала организации единых для промыслов и сел уездных земств.

При обсуждении данного вопроса в Городской Думе А. М. Топчибашев предупредил большевиков, что "мусульмане не согласятся на присоединение к городу ни одного аршина земли и обладают достаточными силами, чтобы не допустить этого". Однако, с помощью голосов меньшевиков, эсеров и дашнаков большевикам удалось добиться удовлетворительного для себя решения Городской Думы. За присоединение промыслов к городу было подано 44 голоса (большевики, меньшевики, эсеры и [112-113] дашнаки), против - 24 (азербайджанская фракция) и воздержалось - 13 (фракция "Единство" и

кадеты). В знак протеста после голосования азербайджанская фракция демонстративно покинула заседание, заявив, что "мусульмане никаких присоединений не признают и признавать не будут" (15).

Существенное значение для характеристики взаимоотношений "Мусавата" с большевиками в исследуемый нами период имеет тот факт, что при решении вопроса о власти в закавказском масштабе "Мусават" поддержал не большевиков, а те политические силы, которые отказались признать новую большевистскую власть в Петрограде и предложили до окончательного выяснения ситуации в центре сформировать автономное правительство для управления Закавказьем. С целью обсуждения данного вопроса 11 ноября 1917 года в Тифлисе состоялось совещание представителей всех политических партий, национальных и общественных организаций края. На нем участвовали и представители партии "Мусават". Подавляющее большинство участников совещания, в том числе мусаватисты, проголосовали за принятие резолюции о создании независимой от большевистского правительства в Петрограде краевой исполнительной структуры.

В резолюции, в частности, отмечалось: "В виду отсутствия центральной общегосударственной власти и все нарастающей анархии в стране, могущей распространиться и на Кавказ, а также в виду целого ряда неотложных общественных, экономических и финансовых вопросов, от решения которых зависят ближайшие судьбы нашего края, совещание постановляет впредь до созыва Учредительного собрания передать управление краем органу власти, составленному из представителей всех революционно-демократических, общественных и политических организаций Закавказья" (16).

Против этого решения выступили лишь большевики, заявившие, что единственной властью на Кавказе "может и должна быть власть Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, неразрывно связанная с Петроградской советской властью" (17). Впрочем, для осуществления этой идеи у закавказских большевиков не было ни необходимых сил, ни средств. Поэтому выступление большевистского представителя на совещании оказалось лишь очередной констатацией их позиции в вопросе о власти.

Практической реализацией решения тифлисского совещания политических партий и организаций стало создание 15 [113-114] ноября 1917 года Закавказского комиссариата, куда вошли политические представители трех основных национальностей края, а также правые эсеры. Закавказский комиссариат, который возглавил Е. П. Гегечкори (он же являлся комиссаром иностранных дел), должен был заменить ОЗАКОМ в качестве краевой исполнительной власти. Двое других грузинских представителей - А. И. Чхенкели и Ш. В. Алексеев - Месхиев отвечали, соответственно, за комиссариаты внутренних дел и юстиции.

В состав Закавказского комиссариата входили трое армян: меньшевик Г. Тер-Газарян (продовольствие), а также дашнаки А. И. Оганджян (социальное обеспечение) и Х. Карчикиан (финансы). Члены партии правых эсеров - Д. Д. Донской и А. В. Неручаев руководили, соответственно, комиссариатами военно-морских дел и государственных имуществ.

В состав Закавказского правительства вошли четыре представителя Азербайджана. Член партии "Мусават" Х. Хасмамедов стал комиссаром государственного контроля. Трое других азербайджанских представителей - Ф. Х. Хойский (народное образование), М. Ю. Джафаров (торговля и промышленность) и Х. Мелик-Асланов (транспорт) не имели определенной партийной принадлежности, но поддерживали тесные связи с "Мусаватом".

Несмотря на то, что Закавказский комиссариат был объявлен временным органом власти до созыва Учредительного собрания, большевики встретили его создание в штыки. Кавказский краевой комитет РСДРП (б) в своем воззвании назвал этот орган "авантюристической властью кавказских самозванцев" (18), расценил его создание началом фактического отделения края от России. Симптоматично, что особенно бешенную ярость большевиков вызвал факт вхождения в состав Закавказского комиссариата видных лидеров Азербайджанского национального движения, т. к. это было равносильно признанию их законными представителями азербайджанского народа. Рупор бакинских большевиков, газета "Бакинский рабочий", в великодержавной манере объявил "величайшим преступлением оборонческих партий – эсеро-меньшевиков, предоставление ими в руки мусульманских погромщиков (т. е. азербайджанских национальных сил - А. Б.) такого оружия, как власть, и прикрытие их шовинистической природы флагом революционной демократии" (19). Газета назвала "Мусават" не иначе, как "партией людоедов и человеконенавистников" (20). [114-115]

Эти слова газеты были, несомненно, признаком истерии большевиков по поводу своего политического бессилия перед "Мусаватом". Вместе с тем они в достаточно наглядной форме отражали степень глубины неприязни и ненависти большевиков к ведущей силе Азербайджанского национального движения, каковой являлась партия "Мусават".

Как большевики, так и мусаватисты прекрасно понимали неизбежность столкновения и тщательно готовились к нему, стремясь получить более выгодную исходную позицию перед решающей схваткой. Причем главной ареной политического противоборства большевиков с "Мусаватом" должен

был стать Баку, т. к. именно этот город являлся не только центром Азербайджанского национального движения, но и основной базой большевизма в Закавказье. Это и предопределило особенно ожесточенную борьбу между этими двумя антагонистическими политическими силами в Баку.

Большевикам, несмотря на все их старания, не удалось стать полновластными хозяйками города. Попытки руководимого ими Бакинского Совета распространить свое влияние на различные отрасли управления городом, как правило, не давали желаемого результата. Характеризуя тогдашнюю обстановку в Баку, А. И. Микоян впоследствии писал: "Непрочное большинство в Бакинском Совете, наличие в его среде националистических партий, как "Дашнакцутюн" и "Мусават", и ряд других причин не дали возможности сделать Бакинский Совет настоящим и безраздельным хозяином Баку. Хотя власть была в руках Бакинского Совета, однако меньшевики и правые эсеры имели такую же, как и раньше, возможность борьбы и агитации против нас. С другой стороны, националистические партии "Дашнакцутюн" и "Мусават", имея неограниченную свободу в своих действиях, собирали, вооружали и организовывали свои силы... Наличие всех этих контрреволюционных сил, группировавшихся по разным направлениям, чрезвычайно осложняло положение Баку, не давая упрочиться Бакинскому Совету" (21).

В сложившейся обстановке большевики во главе с С. Г. Шаумяном, в первую очередь, пытались укрепить свои позиции внутри Бакинского Совета. С этой целью они выдвинули лозунг немедленных новых выборов в Бакинский Совет, полагая, что после октябрьского переворота им удастся получить большинство мест. На основе кардинально измененной избирательной системы, призванной обеспечить убедительную победу большевиков, в середине декабря 1917 года были проведены новые выборы в Бакинский Совет. В отличие от предыдущих, которые являясь всеобщими, равными, тайными и прямыми, в основном, отвечали демократическим принципам, новые [115-116] выборы в Бакинский Совет проводились по сложной многоступенчатой системе. Каждые 300 рабочих делегировали в Совет трех своих представителей. Из них двое оставались в районном Совете, а один, получивший наибольшее количество голосов, входил в состав городского Совета. Причем, выборы депутатов производились открытым голосованием на рабочих собраниях.

Подобная сложная процедура преследовала цель отстранить значительную часть рабочих - азербайджанцев от участия в выборах, что автоматически вело к ослаблению позиции "Мусавата". М. Э. Расулзаде достаточно четко раскрыл механизм осуществления этой задачи со стороны большевиков: "Выборы предназначались с заводов, так называемые выборы с мест. Известно, что мусульманская масса, мусульманские рабочие, в большинстве случаев - вахтенные рабочие, которые работают на вахтах, среди них мало мастеровых. А при таком способе выборов теряли, главным образом, мусульмане. Кроме того, здесь имеется такая техническая особенность, устраивают собрание на заводе, приходит краснобай оратор, начинает говорить на непонятном русском языке. Собрание длится 2 часа, а рабочего, который не понимает языка, никакими силами не удержишь до конца собрания, до выборов. Таким образом, устраивается особенная обструкция, вследствие этой обструкции остаются там заинтересованные рабочие, заинтересованные партийные люди, которые хорошо понимают язык и принимают участие в прениях. В результате, избранными оказываются левые эсеры и большевики".

Вдобавок ко всему этому, все социалистические партии и профсоюзы получали право дополнительно делегировать своих представителей в состав Совета, из расчета: имеющие от 300 до 1000 членов - одного, более 1000 членов - одного на каждую тысячу (23). Поскольку "Мусават" не причислялся к социалистическим партиям, то он заранее был поставлен в неравное положение. Авторы новой избирательной системы сделали все возможное, чтобы помешать повторной победе "Мусавата".

В результате выборов, проведенных по такой недемократичной, и главное, явно дискриминационной для "Мусавата" процедуре, партии все же удалось получить 21 место в новом составе Бакинского Совета. Остальные места распределились следующим образом: большевики получили - 51, дашнаки - 41, левые [116-117] игры - 38, правые эсеры - 28 и меньшевики - 11 мест (24). Но несмотря на относительный успех, большевикам и на этот раз не удалось добиться полного контроля над Бакинским Советом, Большевикская тактика "мирного и безболезненного перехода власти в руки Советов" в условиях Баку себя не оправдала.

Чтобы как-то компенсировать недостаток своей власти в городе, большевики пошли на беспрецедентный с точки зрения демократических норм шаг. 12 декабря 1917 года на экстренном заседании Исполкома Бакинского Совета был образован Военно-революционный комитет, наделенный "самыми широкими полномочиями для восстановления революционной дисциплины и порядка" (25). Власть Военно-революционного комитета распространялась на бакинский гарнизон и на город в целом. Его приказы имели обязательный характер. Военно-революционный комитет из своего состава образовывал военно-революционный суд.

Создание в Баку подобного органа, фактически с чрезвычайными полномочиями, означало, что большевики, видя неэффективность демократических методов в борьбе за власть, взяли курс на постепенное установление в городе диктаторского режима. Неудивительно, что все, без исключения, политические силы в Баку встретили создание Военно-революционного комитета с резким осуждением, усмотрев в нем акт насильственного захвата власти. При обсуждении этого вопроса в Городской Думе большевики оказались в полной изоляции. За резолюцию большевиков, объявлявшей "единственной властью в городе Совет рабочих и солдатских депутатов", проголосовали лишь одиннадцать членов их собственной фракции, а против - вся остальная Дума. Наибольшую же поддержку в Городской Думе (за - 47, против - 24) получило предложение партии "Мусават" о создании в городе коалиционной власти на равноправной основе с участием Городской Думы, Бакинского Совета, крестьянского союза, национальных советов и демократических партий" (26).

Выступая 31 декабря 1917 года на заседании новоизбранного Бакинского Совета лидер "Мусавата" М. Э. Расулзаде заявил: "Партия "Мусават" не против передачи власти Советам, но ввиду того, что Бакинский Совет выбран не на демократических началах, и в нем не представлено крестьянство, "Мусават" отказывается передать власть данному Совету и не войдет в Исполнительный комитет" (27). Правда, после совещания фракции, мусаватисты все же согласились участвовать в работе [117-118] Исполкома Бакинского Совета и двое членов партии вошли в его состав.

М. Э. Расулзаде так аргументировал этот шаг: "Несмотря на то, что мусульманские рабочие и партия "Мусават" протестовали против недемократического способа выборов в Совет, к их протесту никакие другие партии не присоединились. Партия "Мусават" и мусульманские рабочие остались одни, но не желая создавать конфликта с рабочими других национальностей, хотя и протестуя, мы все таки сочли нужным войти в Совет и поддержать идею Совета рабочих и солдатских депутатов, вовсе не сочувствуя идее большевиков, и не поддерживая большевиков" (28).

Этот шаг представителей "Мусавата" можно также объяснить их желанием отложить генеральное сражение с большевиками на более удобное время. Тем менее по вопросу центральной власти партия "Мусават" осталась на своих прежних позициях не признавая Совет народных комиссаров РСФСР, она выступала за передачу власти Всероссийскому Учредительному собранию (29).

К этому времени партия "Мусават" уже развернула интенсивную деятельность по практической реализации своей основной программной цели - идеи территориальной автономии Азербайджана. Конференция мусульманских национальных комитетов Закавказья (9-12 ноября 1917 года, Баку), проходившая под руководством "Мусавата", обсудив вопрос внутреннего устройства Азербайджана и проблему определения формы политического бытия нации, постановила "в срочном порядке созвать национальное Учредительное собрание закавказских тюрок и объединенных горцев Кавказа для осуществления провозглашенного Временным правительством права на самоопределение наций" (30). На конференции было подчеркнuto, что "характер момента требует от руководителей судеб нации решительности и определенности, а также умения объединить все живые силы нации в общей упорной работе и создать новую автономную единицу в Российской федерации"(31). Решения конференции подтвердили, что мусаватисты полны решимости добиться национального освобождения азербайджанского народа.

При этом, учитывая сложность ситуации и негативное отношение российских партий к идее автономии Азербайджана, лидеры национального движения особое внимание уделяли созданию боеспособных вооруженных отрядов. В положительном решении данного вопроса значительную роль сыграли решения [118-119] I Кавказского мусульманского военного съезда, состоявшегося 5 ноября 1917 года в Гяндже. Съезд подверг острой критике высшие органы государственной власти России за дискриминационную политику в отношении к азербайджанцам в военной сфере. Даже Я. Раггаузер, которого трудно обвинить в симпатиях к национальному движению азербайджанцев, вынужден был признать, что "в этой критике было немало весьма справедливого, потому что, когда формировались национальные воинские части разных национальностей, Временное правительство отказывало в этом же азербайджанцам, выражая им недоверие" (32). Съезд наметил комплекс мер для ускорения создания азербайджанских воинских частей.

Претворение в жизнь намеченных мусульманским военным съездом мер осложнилось наличием ряда объективных факторов, в частности, нехваткой офицерских кадров и отсутствием военных навыков у азербайджанского населения, на которое, как известно, в царской России не распространялась воинская повинность. С другой стороны, дискриминационная политика в отношении азербайджанцев в военной сфере продолжалась и после прихода к власти большевиков, что, в значительной степени, препятствовала процессу создания национальных воинских частей у азербайджанцев.

Еще в начале октября 1917 г., т. е. до захвата власти большевиками в Петрограде, Бакинский комитет РСДРП (б) настоятельно рекомендовал "Гуммету" "вести энергичную борьбу против организации особой мусульманской дружины" (33). И это происходило в тот момент, когда большевики

предпочитали не замечать усиленное вооружение армян. Вместо этого, они крайне ревностно относились к любым попыткам азербайджанцев создать военные отряды для защиты мирного азербайджанского населения от многочисленных эксцессов, характерных для того периода.

Дальнейшее развитие событий доказало оправданность усилий азербайджанских лидеров по формированию национальных воинских частей. В различных кризисных ситуациях, как правило, именно азербайджанское население из-за своей незащищенности страдало больше всех, часто оказываясь без вины виноватым. Например, в середине декабря 1917 г. именно азербайджанское население совершенно безосновательно оказалось в положении главного виновника продовольственного кризиса в Баку и вооруженные отряды антиазербайджанских сил начали массовую конфискацию продовольствия из азербайджанских домов, заодно [119-120] занимаясь насилием и грабежом их домашнего имущества. Хотя истинной причиной трудностей с продовольствием в городе явилось прекращение подвоза зерна с Северного Кавказа в связи с антибольшевистским мятежем в Дагестане.

В знак протеста азербайджанцы 13 декабря 1917 г. провели многолюдный митинг в здании "Исмаилие", потребовав от Национального Комитета принятия мер по охране порядка в городе, для прекращения грабежей, насилий и самовольных обысков в азербайджанских квартирах. Попытки П. А. Джапаридзе успокоить массу успеха не имели. По предложению М. Э. Расулзаде на митинге была принята следующая резолюция: "Не допускать самочинных обысков и отобрания оружия, в азербайджанских кварталах поставить милиционеров - азербайджанцев, поручить Национальному Комитету выбрать комиссию из пяти человек, которая, в контакте с Военно-революционным комитетом, примет необходимые меры для проведения в жизнь принятых постановлений" (34). В тот же день состоялось экстренное заседание Национального Комитета, избравшего для выполнения выставленных требований комиссию в составе А. М. Топчибашева, М. Э. Расулзаде, Б. Ашурбекова, И. Гейдарова и М. Г. Гаджинского.

После контактов членов этой комиссии с Исполкомом Бакинского Совета, Военно-революционный комитет вынужден был осудить эти противоправные действия в отношении азербайджанского населения города, обещав, что "будет беспощадно бороться с грабежами и насилиями над мирными гражданами, беспорядками, эксцессами и провокационными действиями" (35). Однако, лидеры Азербайджанского национального движения понимали, что не большевистскими обещаниями, а наличием у азербайджанцев хорошо организованной силы можно предотвратить повторения подобных инцидентов в будущем.

В этом отношении упомянутые события вновь продемонстрировали необходимость создания в кратчайшие сроки национальных воинских частей, способных не только бороться за национальные идеалы, но и защитить мирное азербайджанское население от любых противоправных посягательств враждебных сил. Тем более, что агрессивность большевистской политики в отношении азербайджанских национальных сил возрастала на глазах. Они все более открыто давали понять, что не собираются выполнять свои обещания в национальном вопросе и не допустят автономии Азербайджана во главе с национальными силами. Наоборот, по мере укрепления своих позиций в центре большевики [120-121] начали зажимать тиски централизованной власти на местах.

Проявлением этой политики стало решение Совета Народных Комиссаров РСФСР от 16 декабря 1917 года о назначении С. Г. Шаумяна чрезвычайным комиссаром Кавказа. На посту председателя Исполкома Бакинского Совета его заменил П. А. Джапаридзе.

Вслед за этим, 12 (25) января 1918 года на III Всероссийском съезде Советов была принята "Декларация нрав грудящегося и эксплуатируемого народа", которая, постами и все национальные правительства, возникшие на колониальных окраинах бывшей Российской империи, на одну доску с монархистами и мировой буржуазией, объявляла их незаконными. Это было равносильно объявлению войны всем национальным движениям страны и свидетельствовало о приближении развязки конфликта между большевиками и азербайджанскими национальными силами во главе с "Мусаватом".

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Бакинский рабочий*, 1917, № 82
2. *Декреты Советской власти*, т. 1. М., 1957. с. - 40.
3. *Там же*, с. 114.
4. *Swietochowski T. Rus Azerbaycani 1905-1920. Ankara, 1988, с. 137.*
5. *Kazemzadeh F. The struggle for Transcaucasia (1917-1920). N. - Y., p. 67.*
6. *Бакинский рабочий*, 1917, № 82.
7. *Нариманов Н. Избранные произведения*, т. II. Баку. 1989, т. 2, с. 185.
8. *Беленький С. и Манвелов А. Революции 1917 года в Азербайджане (хроника событий). Баку, 1927. с. 181.*
9. *Там же*, с. 194.

10. Там же, с. 181.
11. Известия Бакинского Совета, 1917, 14 ноября.
12. Бакинский рабочий, 1917, № 82.
13. Ратгаузер Я. Революция и гражданская война в Баку. Баку, 1927, с. 123.
14. "Закавказский Сейм". Стенографический отчет. Сессия первая. Заседание девятнадцатое. Тифлис, 20 марта 1918 г., с. 36. [121-122]
15. Беленький С. и Мателов А. Указ, раб., с. 210.
16. Там же, с. 201.
17. Знамя труда, 1917, № 43.
18. Бакинский рабочий, 1917, 30 ноября.
19. Бакинский рабочий, 1917, 28 ноября.
20. Там же.
21. Из прошлого. Баку, 1923, с. 32.
22. "Закавказский Сейм". Стенографический отчет. 20 марта 1918 г., с. 37.
23. Известия Бакинского Совета, 1917, № 205.
24. Бакинский рабочий, 1918, № 2.
25. Известия Бакинского Совета, 1917, 14 декабря.
26. Каспий, 1917, № 276.
27. Ратгаузер Я. Указ, раб., с. 107.
28. "Закавказский Сейм". Стенографический отчет. 20 марта 1918 г., с. 37.
29. Бакинский рабочий, 1917, № 2.
30. Известия мусульманского комитета, 1917. № 260.
31. Каспий, 1917, 28 ноября.
32. Ратгаузер Я. Указ, раб., с. 90.
33. Бакинский рабочий, 1917, № 64.
34. Каспий, 1917, № 273.
35. Известия Бакинского Совета, 1917, 15 декабря. [122-123]

Г Л А В А Ш

НА ЭТАПЕ БОРЬБЫ ЗА ВОССТАНОВЛЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО СУВЕРЕНИТЕТА

Национальные партии в ходе выборов во Всероссийское Учредительное Собрание и в Закавказском Сейме

Сформированное в ходе февральской революции Временное правительство отложило решение основных проблем, стоящих перед страной, до созыва Всероссийского Учредительного собрания. Именно Учредительному собранию, по утверждению Временного правительства, принадлежала исключительная прерогатива определения формы государственного устройства России и законодательного решения важнейших политических, экономических и национальных проблем. Между тем, правительство отнюдь не торопилось с созывом Учредительного собрания. Только под давлением общественности и народных масс, связывавших с Учредительным собранием большие надежды, Временное правительство после долгих проволочек вынуждено было 9 августа 1917 г. определить точную дату выборов в Учредительное собрание. Они были назначены на 12 (25) ноября 1917 года.

После свержения Временного правительства большевики, по всей вероятности, учитывая чрезвычайную популярность идеи Учредительного собрания среди широких народных масс и политических кругов, не пошли на отмену этих выборов и Совет народных комиссаров России подтвердил прежнюю дату их проведения. При этом большевики рассчитывали, что первые декреты Советской власти, и в частности, декреты о мире и земле, будут содействовать привлечению голосов избирателей в их сторону и успеху РСДРП (б) на выборах в Учредительное собрание.

Азербайджанские национальные силы придавали большое значение выборам во Всероссийское Учредительное собрание, поскольку связывали с ним определенные надежды на решение национального вопроса в стране. Однако значение выборов для национальных сил не ограничивалось только этим обстоятельством. [123-124] Интерес к ним был обусловлен и тем, что это были первые после свержения царизма выборы, проводимые в общегосударственном масштабе, которые позволяли выявить как

степень поддержки азербайджанским населением целей и задач освободительной борьбы, так и раскрыть реальное соотношение сил между различными политическими группировками внутри Азербайджанского национального движения.

Будучи последовательными поборниками идеи национального единства в освободительной борьбе и пытаясь предотвратить потерю и распыление голосов избирателей - азербайджанцев, руководители "Мусавата" предложили всем азербайджанским политическим партиям и организациям выступить единым списком на предстоящих выборах в Учредительное собрание. Именно в ходе предвыборной кампании в Учредительное собрание окончательно оформился блок "Мусавата" с "независимой демократической группой" во главе с видными деятелями национального движения А. М. Топчибашевым и Ф. Х. Хойским, много сделавшими для защиты гражданских, политических и национальных прав азербайджанцев. Этот союз способствовал еще большему укреплению лидирующего положения "Мусавата" в национальном движении.

Из других азербайджанских партий на предложение "Мусавата" о создании единого предвыборного блока национальных сил откликнулся лишь "Мусульманский социалистический блок". С целью выработки общей политической платформы представители "Мусавата" и "Мусульманского социалистического блока" в начале октября 1917 г. собрались на совещание в Гяндже. К сожалению, итоги совещания оказались неутешительными для сторонников совместных действий азербайджанских партий на выборах в Учредительное собрание.

Главным камнем преткновения на пути создания коалиции между "Мусаватом" и "Мусульманским социалистическим блоком" стал аграрный вопрос. Представители "Мусавата" предложили включить в текст предвыборной программы положение о передаче крестьянам на бесплатное пользование казенных, церковных и частновладельческих земель. При этом, по мнению мусаватистов, форму передачи земель должен был определить Учредительное собрание. Представители "Мусульманского социалистического блока" в принципе соглашаясь с этим положением, в то же время настаивали, чтобы решение этого вопроса не было увязано с созывом Учредительного собрания. Совещание отклонило это требование, а также ряд других предложений [124-125] "Мусульманского социалистического блока", после чего его представители покинули зал заседаний.

Оставшаяся часть участников совещания - представители "Мусавата", утвердили список кандидатов от партии во Всероссийское Учредительное собрание и приняли предвыборную платформу партии. По своим основным параметрам предвыборная платформа полностью совпадала с программными принципами партии. Мусаватская платформа, в частности, содержала следующие положения: превращение России в федеративно-демократическую республику и предоставление Азербайджану национально-территориальной автономии в ее составе, обеспечение основных демократических свобод, передача удельных, казенных, церковных и прочих земель в бесплатное пользование трудящихся, объявление восьмичасового рабочего дня, свобода стачек и профессиональных союзов и т. п. (1).

Примечательно, что несмотря на неудачу усилий "Мусавата", направленных на создание единого блока национальных сил, партия осталась верна этой идее. Подтверждением тому явилось включение в текст предвыборной платформы партии тезиса о необходимости образования в созываемом Учредительном собрании единой азербайджанской фракции, в которой объединились бы представители всех азербайджанских партий, избранных в него. Сохранение "Мусаватом" приверженности идее совместных действий национальных сил требовало в тот момент от руководства партии политической дальновидности и умения ставить национальные интересы выше узкопартийных, хотя ход предвыборной кампании не располагал к особому оптимизму относительно создания коалиции азербайджанских политических сил.

На выборах во Всероссийское Учредительное собрание в качестве самостоятельной политической силы принимали участие, в основном, четыре азербайджанских партии - "Мусават", "Мусульманский социалистический блок", меньшевистский "Гуммет" и "Иттихад". Все они были едины в критике колониального прошлого, в неприятии национального гнета и неравноправия, но относительно путей дальнейшего развития и перспектив национального движения их позиции резко расходились. Если "Мусават" твердо выступал за создание азербайджанской государственности в форме национально-территориальной автономии в составе федеративной России, то остальные три партии предлагали ограничиться национально-культурной автономией. На этой почве "Мусават" подвергался жесткой критике как со [125-126] стороны партий социалистического направления, так и со стороны исламистов.

Азербайджанские социалисты считали, что только в союзе с "новой" Россией азербайджанский народ сумеет осуществить свои национальные чаяния. Они обвиняли мусаватистов в том, что выступая за национально-территориальную автономию Азербайджана, они якобы защищают интересы не

народных масс, а буржуазных и ханско-бекских кругов, стремящихся разрушить "единое всероссийское революционное движение".

С точки зрения же исламистов, "Мусават" придерживался слишком просоциалистической ориентации. Особенно ожесточенным нападкам исламистов подвергалась позиция мусаватистов в женском вопросе. Требование "Мусавата" о предоставлении женщинам равных с мужчинами прав, исламисты квалифицировали как "распутство и вероотступничество". В тогдашних условиях сохранения в общественном сознании сильных религиозных предрассудков это было довольно серьезное обвинение.

Однако ход выборов во Всероссийское Учредительное собрание показал, что выдвижение "Мусаватом" на передний план женского вопроса, уже давно ожидавшего своего разрешения, полностью себя оправдало. Активное участие женщин в выборах, вопреки усиленной контрпропаганды исламистов, стало одним из решающих факторов в успехе "Мусавата".

Еще более непримиримую позицию в отношении "Мусавата" в ходе предвыборной кампании занимали российские партии. Большевики, меньшевики, эсеры и кадеты перед угрозой усиления азербайджанских национальных сил, отбросив в сторону все свои межпартийные распри и разногласия, выступили единым фронтом против "Мусавата", являвшегося становой хребтом национального движения. В результате, именно "Мусават" стал главной мишенью как азербайджанских, так и российских партий. Тем и была ценна внушительная победа, одержанная "Мусаватом" в этих выборах.

В Закавказье выборы во Всероссийское Учредительное собрание были проведены 26 - 28 ноября 1917 г. В них приняло участие 2 455 274 избирателя. По итогам выборов грузинские меньшевики получили – 661 934 голоса (26,9% от общего числа избирателей), мусаватисты – 615 816 (25,1%), дашнаки – 558 400 (22,7%), "Мусульманский социалистический блок" - 159 770 (6,5%), эсеры – 117 522 (4,8 %), большевики – 95 581 (3,9%), [126-127] меньшевистский "Гуммет" – 84 748 (3,5 %) и "Иттихад" – 66 504 (2,7%) (2).

Результаты выборов отражали реальное соотношение политических сил в Закавказье, в том числе в Азербайджане. Они продемонстрировали явное превосходство "Мусавата" над его главным соперником - большевиками. По количеству набранных голосов выйдя на общее второе место в Закавказье, мусаватисты почти в 6,5 раза опередили большевиков. Лишь в Баку, за счет 7,7 тыс. голосов солдат, временно расквартированных в городе, большевики сумели получить незначительное преимущество в 450 голосов по отношению к "Мусавату" (большевики собрали – 22 201, мусаватисты – 21 756 голосов). Что же касается непосредственно жителей Баку и промыслов, то они однозначно отдали предпочтение "Мусавату", который получил – 21 735 голосов, против – 14 502 у большевиков (3).

Выборы во Всероссийское Учредительное собрание лишний раз показали неспособность большевиков в демократической борьбе одолеть "Мусават". Чтобы воспрепятствовать победному восхождению мусаватистов к политическому Олимпу у большевиков оставался единственный выход - прибегнуть к силовым методам, что и было сделано впоследствии в ходе мартовских событий 1918 года.

Выборы позволили определить степень влияния и авторитета среди населения различных азербайджанских партий, которые в общей сложности получили - 926 838 голосов, что составляло 37,7% от их общей численности. Выборы показали, что партия "Мусават" обладает наибольшим рейтингом среди народных масс. Безусловно, "Мусавату" не удалось добиться такого монопольного положения среди азербайджанцев, как это сделали дашнаки среди армян и грузинские меньшевики среди грузин. Тем не менее, 66,5% голосов, поданных за азербайджанские национальные партии приходилось на долю "Мусавата", что свидетельствовало о лидирующем положении партии в Азербайджанском национальном движении. Поддержка, оказанная "Мусавату" народом во время этих выборов, означала, что подавляющее большинство азербайджанского общества выступало за предоставление национально-территориальной автономии Азербайджану.

На второе место среди азербайджанских партий довольно неожиданно вышел "Мусульманский социалистический блок", получивший 17,2% голосов, отданных за азербайджанские национальные организации. В успехе "социалистического блока" [127-128] немалую роль, видимо, сыграла радикальная позиция партии в аграрном вопросе, выступавшей за немедленную передачу казенных и частновладельческих земель крестьянам. Неслучайно, что значительную часть голосов "социалистический блок" набрал в сельских районах запада Азербайджана.

На последующих местах оказались меньшевистский "Гуммет" и "Иттихад", получившие соответственно - 9,1% и 7,2% голосов, отданных за азербайджанские партии.

Анализ результатов выборов выявил еще одну немаловажную тенденцию. Выяснилось, что "Мусават" стал единственной азербайджанской партией, добившейся относительно равных результатов повсеместно во всех регионах Азербайджана. Это было показателем общенационального характера партии. Между тем, остальные азербайджанские партии имели твердую опору лишь в отдельных регионах страны. Так, "Мусульманский социалистический блок" и меньшевистский "Гуммет" доминировали в западных районах Азербайджана. А "Иттихад" 2 / 3 голосов в ходе выборов во

Всероссийское Учредительное собрание получил в трех уездах - Бакинском, Ленкоранском и Геокчайском. Причем, лишь в Бакинском уезде победа иттихадистов была абсолютной. В Ленкоранском и Геокчайском уездах "Мусават" по количеству набранных голосов опередил "Иттихад" соответственно - в 7 и 2 раза (4).

В выборах во Всероссийское Учредительное собрание Закавказье составлял единый избирательный округ, где количество голосов, необходимых для избрания одного депутата равнялось – 62 044. По этой системе грузинские меньшевики получили 11 мест, "Мусават" - 10, дашнаки - 9, "Мусульманский социалистический блок" - 2, меньшевистский "Гуммет", большевики, эсеры и "Иттихад" - по одному. Азербайджанские партии были представлены в Учредительном собрании 14 депутатами. Всего же из Закавказья в Учредительное собрание было избрано 35 депутатов.

Следует отметить, что итоги выборов в Учредительное собрание в общероссийском масштабе оказались весьма удручающими для большевиков. Они выявили новую расстановку политических сил, отнюдь не способствующей укреплению власти большевиков в стране. По их результатам, в целом по России большевики собрали лишь 23,9% голосов, а большинство в Учредительном собрании досталось блоку эсеров и меньшевиков, которые в общей сложности, получили более 62% голосов. [128-129]

Впрочем, большевики уже заранее предупредили, что "поддержать Учредительное собрание только в том случае, если оно с первых же дней начнет проводить в жизнь социальную программу Советов, а не борьбу за власть" (5). Иными словами, большевики хотели превратить Учредительное собрание в послушный придаток Советской власти. Они прямо заявили, что в случае расхождения Учредительного собрания "с волей трудового народа" обойдутся без него, и свою программу реализуют "через боевые революционные органы Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов" (6).

Первое же заседание Учредительного собрания, открывшееся 5 января 1918 г. в Таврическом дворце в Петрограде, продемонстрировало нежелание этого органа следовать большевистским пожеланиям. Эсеро-меньшевистское большинство Учредительного собрания отказалось даже обсуждать предложенную Я. М. Свердловым от имени ВЦИК России проект "Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа" и не признало декреты Советской власти, принятые II Всероссийским съездом Советов.

В ответ большевики вновь продемонстрировали свою неготовность к цивилизованным формам политической борьбы, прибегнув к своему излюбленному "революционному" методу. Сначала под смехотворным предлогом усталости караула заседание Учредительного собрания временно было прервано. А затем, по предложению В. И. Ленина, в ночь с 6 на 7 ноября 1918 г. Всероссийский ЦИК принял декрет о роспуске Учредительного собрания. По утверждению большевистского вождя, "жизнь и революция отвели Учредительное собрание на задний план" (7).

Грузинский меньшевик Н. С. Чхеидзе характеризуя ситуацию, сложившуюся в России после разгона Учредительного собрания, отмечал: "... кто вчера заикнулся бы, кроме сторонников царизма, против Учредительного собрания? А сегодня Учредительное собрание отброшено в сторону как старый хлам, а защитников его причисляют к лику реакционеров. Еще вчера только опричники могли сказать что-нибудь против демократической республики, а ныне борцов за демократическую республику зачисляют в опричники. Еще вчера же мы гордились завоеванием гражданских свобод, а сегодня эти свободы квалифицируются как выдумка буржуазных клик и их прихвостней, и против всех завоеваний революции ведется такая борьба, методам которой смело могли позавидовать Аракчеевы всех времен" (8). [129-130]

12 января 1918 г. Закавказский комиссариат обсудив на своем заседании вопрос о политическом положении в Закавказье после разгона Учредительного собрания, принял решение о созыве Закавказского Сейма, который выполнял бы функции законодательного органа - парламента края. Сейм должен был сконструирован из депутатов, избранных от Закавказья в Учредительное собрание.

22-23 января 1918 г. в Тифлисе состоялось собрание членов Учредительного собрания от Закавказья, обсудившее вопрос о созыве Сейма. Участники собрания, оценив политическую обстановку в центре России как анархию и реакцию, обосновали созыв Сейма необходимостью "'организоваться на местах во всех окраинах и путем союза организованных окраин оказать давление на центр и создать государственную власть"(9). Было сформировано Временное бюро по созыву Закавказского Сейма, которое возглавил Н. С. Чхеидзе.

С целью увеличения количества членов Закавказского Сейма было решено снизить "избирательный метр" для одного депутата с 62 044 до 20 681 голосов. Это позволило путем кооптации увеличить численный состав Сейма в три раза. В соответствии с полученными голосами в выборах во Всероссийское Учредительное собрание, места в Сейме между различными политическими партиями распределились следующим образом: грузинские меньшевики получили - 32, кадеты - 1, эсеры - 5, дашнаки - 27, большевики - 4, грузинские федералисты - 1, грузинские национал-демократы - 1, мусаватисты - 30, "Гуммет"(меньшевики) - 4, "Мусульманский социалистический блок" - 7, "Иттихад" -

3 места (10). Таким образом, азербайджанские политические партии получили, в общей сложности, 44 места в Закавказском Сейме.

Из всех приглашенных партий только большевики отказались участвовать в деятельности Сейма. В ответ на соответствующее предложение Закавказского комиссариата от 16 января 1918 г. большевики, в частности, заявили следующее: "Принимая во внимание, что созываемый ныне Закавказский Сейм не имеет решительно никаких полномочий от закавказских народов, и ...его созыв при создавшемся в России положении означает фактического отделения Закавказья от России и образование здесь самостоятельного государства помимо воли и желания народов, Кавказский краевой комитет РСДРП (б) отказывается от всякого участия в Закавказском Сейме" (11). [130-131]

Большевики развернули бурную пропагандистскую кампанию против созыва Закавказского Сейма, забыв при этом, что еще три месяца назад они сами требовали создания подобной органа. Так, в резолюции "По национальному вопросу" краевого съезда кавказских организаций РСДРП (б), принятой 7 октября 1917 г., подчеркивалось:

"Кавказу должна быть предоставлена автономия с одновременным созданием регионального Сейма, избираемого всем населением края без различия пола, религии и национальности путем прямого, равного, тайного и пропорционального голосования"

Характерно, что особым рвением в "разоблачении антинародной сущности" Закавказского Сейма отличался Н. Нариманов. Обвиняя грузинских социалистов "в сговоре с мусульманскими ханами и беками", он в свойственной большевикам категоричной форме утверждал, что "сидящие в Сейме мусульмане не есть представители мусульманской демократии, в том смысле, в каком понимаем мы и должны понимать вы, если вы социалисты" (13).

Наряду с пропагандистской работой против Сейма, большевики начали активную деятельность по созданию параллельных структур власти. Новоявленный большевистский наместник Кавказа С. Г. Шаумян открыто призвал все государственные и частные учреждения края впредь в своей деятельности подчиняться только его указаниям и распоряжениям. Это вынудило Закавказский комиссариат принять ответные меры с целью пресечения подобной деятельности большевиков. С. Г. Шаумяну и его секретарю было предложено в течение 24 часов покинуть пределы Закавказья. Однако С. Г. Шаумян отказался подчиниться этому требованию и продолжал свою подрывную деятельность, направленную на насильственное свержение Закавказского комиссариата. Подобная авантюристическая политика, и конечном итоге, привела к кровопролитию в Александровском саду в Тифлисе в день открытия Закавказского Сейма, когда между участниками митинга, организованного большевиками, и силами правопорядка, верными закавказским властям, произошло вооруженное столкновение.

Первое заседание Закавказского Сейма открылось 10 (23) февраля 1918 г. в Тифлисе. Оно оказалось весьма непродолжительным, т. к. из-за временного прекращения железнодорожного сообщения между Баку и Гянджой азербайджанские депутаты, за исключением Х. Султанова, не смогли своевременно прибыть в Тифлис к открытию Закавказского Сейма. Поэтому, по [131-132] предложению Х. Султанова, поддержанного остальными депутатами, заседание Сейма было отложено.

Сейм возобновил свою деятельность 26 февраля 1918 г., обсудив в первую очередь организационные вопросы. Один из лидеров грузинских меньшевиков, Н. С. Чхеидзе был избран председателем Закавказского Сейма. Его кандидатуру поддержали практически все сеймовые фракции, включая представителей азербайджанских политических партий. Это был одним из редких моментов единодушия в короткой истории Сейма.

Несмотря на все старания представителей трех основных секторов Сейма - грузинского, армянского и азербайджанского, обойти острые углы, имеющиеся во взаимоотношениях между этими народами, и продемонстрировать свою солидарность в отношении главных проблем (заключение мирного соглашения с Турцией, национальный и аграрный вопросы и т. д.), стоящих перед Сеймом, им это не всегда удавалось. Именно несовпадение коренных интересов трех закавказских народов, в конце концов, привело к краху Сейма.

Безусловно, было бы грубым упрощением ситуации утверждать, что первопричиной всех разногласий в Сейме являлась исключительно национальная принадлежность его членов. Наряду с противоречиями между тремя национальными секторами Сейма, в подходах к отдельным проблемам внутри каждого из них имелись серьезные расхождения, обусловленные различной политической ориентацией депутатов. В этом отношении особенно выделялся азербайджанский сектор Сейма, поскольку в отличие от грузинского и армянского, он был достаточно пестрым по своему политическому составу.

Декларации, которые были оглашены представителями партийных фракций на заседании Сейма 28 февраля, со всей наглядностью продемонстрировали значительные расхождения в позициях

азербайджанских партий относительно основных проблем текущего политического момента, и в частности, в определении путей дальнейшего развития национального движения в Азербайджане.

С декларацией партии "Мусават" и беспартийной демократической группы выступил Г. Агаев, впоследствии избранный первым заместителем председателя Сейма. Излагая позицию мусаватистов в национальном вопросе, он заявил: "В отношении национальных проблем мы будем добиваться осуществления своих национальных чаяний, не останавливаясь ни перед чем, не посягая ни на чьи права и в полном содружестве и сожительстве [132-133] со своими вековыми соседями. Признавая принцип обеспечения прав меньшинства и уважения прав других, мы будем самым решительным образом требовать такого же отношения к себе, Для практического осуществления этого Сейм должен заняться выработкой конституции отдельных народностей, гарантирующих отдельным народам национально-территориальную автономию с обеспечением прав меньшинства. Не надо медлить с децентрализацией власти, не надо смущаться национализации отдельных сфер государственной жизни, ибо для воссоздания "России свободных народов" нет пути кроме федерации. Таким образом, ближайшей своей задачей мы ставим практическое осуществление национально-территориальной автономии в Азербайджане" (14).

"Мусульманский социалистический блок", имеющий вторую по численности среди азербайджанских партий фракцию в Сейме, в национальном вопросе придерживался принципа национально-культурной автономии. Как заявил представитель этой партии И. Гейдаров, "в национальном вопросе есть два момента: "момент чисто национально-политический, по которому каждая историческая нация стремится к полному обособлению вплоть до образования самостоятельной государственной единицы, и момент чисто экономический, в силу которого каждая нация стремится так тесно связать свою жизнь с соседними национальностями, чтобы не существовало никаких пограничных препон для успешного развития экономической мощи" (15).

Принимая во внимание два этих основных момента в национальном вопросе, партия "Мусульманский социалистический блок" считала "необходимым образование общего Закавказского Сейма, а если возможно и единого Кавказского Сейма с общим правительством и культурно-национальной автономией для каждой нации, с широким местным самоуправлением. Только такое разрешение национального вопроса, - по мнению представителей партии, - могла создать благоприятную почву для тесной солидарной жизни народов на Кавказе и их культурному, экономическому развитию" (16).

Примерно идентичную позицию в национальном вопросе занимала и партия "Иттихад", которая признавала "Россию за демократическое союзное государство национальностей с самой широкой национальной автономией на основе персонального принципа" (17). [133-134]

"Отдельным нациям, - говорилось в декларации "Иттихада", предоставляется право конструировать Национальный Совет задача которого заботиться об удовлетворении культурных потребностей нации (строить для нее школы, театры, музеи, народные университеты)" (18).

В декларации "Иттихада", зачитанной М. Мехтиевым, обращает на себе внимание почти большевистская оценка национальной борьбы. Так, в ней подчеркивалось, что "имущие классы, пользуясь национальной борьбой, чтобы свою классовую борьбу и экономическую конкуренцию вести под покровом этой борьбы, этим затушевывают классовые противоречия и пользуются широкими массами эксплуатируемых и поработанных народов в целях своего господства и своей эксплуатации"(19).

Из азербайджанских партий, представленных в Сейме, лишь меньшевистский "Гуммет" не выступил с отдельной декларацией, т. к. депутаты от этой организации входили в состав фракции грузинских меньшевиков. Декларацию объединенной фракции грузинских меньшевиков и азербайджанской социал-демократической организации меньшевиков "Гуммет" огласил Н. Рамишвили. Они считали, что для разрешения "сложного и запутанного" национального вопроса в Закавказье необходимо "незамедлительное проведение в жизнь территориального разграничения национальностей, с образованием национально-территориальных кантонов с полным внутренним самоуправлением и обеспечением прав национальных меньшинств"(20).

На первый взгляд позиции "Мусавата" и азербайджанских меньшевиков в национальном вопросе почти совпадали. Однако в позиции последних был один существенный нюанс. Дело в том, что грузинские и азербайджанские меньшевики, используя в качестве аргумента факт дисперсного расселения закавказских народов утверждали, что "в Закавказье ни одна нация не может получить такой сплошной территории, чтобы в пределах этой территории не было огромного количества другой нации" (21). Поэтому они предлагали "из закавказской территории выкраивать национально-территориальные единицы в ограниченных масштабах, т. е. чтобы каждая нация, например, армянская, грузинская или азербайджанская была разбита на несколько самоуправляющихся единиц, и чтобы эта нация жила во многих своих национальных кантонах" (22). Самое тревожное заключалось в том, что этот принцип

подлежал применению, прежде всего, в отношении Восточного Закавказья, т. е. на территории Азербайджана, поскольку, по словам Н. Жордания, "здесь никаким [134-135] образом нельзя было выкроить такую сплошную территориальную национальную единицу, которая обнимала бы только азербайджанцев, не охватывая огромного количества представителей других наций" (23).

Не трудно догадаться, что под благими намерениями защиты нрав национальных меньшинств скрывалось стремление авторов этой идеи расчлнить азербайджанские земли. Реализация этой затем, и значительной мере, облегчила бы задачу тех грузинских и армянских кругов, которые давно уже вынашивали планы присвоения отдельных азербайджанских областей, считая их своими историческими землями.

Перечисленные факты свидетельствуют, что среди азербайджанских политических партий в Сейме только мусаватисты являлись последовательными сторонниками создания на азербайджанских землях государственного образования в форме национально-территориальной автономии. "Мусульманский социалистический блок" и "Иттихад" выступали за сохранение централизованного государства в России с предоставлением национально-культурной автономии азербайджанцам. Что же касается меньшевистского "Гуммета", то несмотря на декларируемые этой организацией совместно с грузинскими меньшевиками лозунги о необходимости территориального размежевания закавказских народностей и образования национальных кантонов с полным внутренним самоуправлением, предлагаемый ими метод их осуществления фактически означал потерю целостности и единства этнической территории азербайджанцев - первейшего условия создания не только национально-территориальной автономии, но и формирования сколь-нибудь жизнеспособного государственного организма на азербайджанских землях во-обще.

Таким образом, уже первые дебаты в Закавказском Сейме выявили наличие серьезных расхождений стратегического характера между азербайджанскими партиями даже в таком судьбоносном вопросе, как национальный. Иногда накал борьбы между различными азербайджанскими фракциями достигал такой степени, что сиюминутные конъюнктурные соображения узкопартийного характера полностью превалировали над национальными интересами. В пылу междоусобной борьбы представители некоторых азербайджанских фракций, в частности "Иттихада", не брезговали даже обратиться за поддержкой к дашнакам.

Например, в таком важнейшем вопросе, как определение полномочий, целей и задач Сейма, "Иттихад" выступал с единых [135-136] позиций с "Дашнакцутюном" против позиции мусаватистов. Мусаватисты считали, что "Закавказский Сейм является Учредительным собранием, и как Учредительное собрание должен заниматься выработкой конституции Закавказья и определением функций отдельных территориальных единиц" (24). По словам М. Э. Расулзаде, только признание Сейма Учредительным собранием способно "привести народы Закавказья к дружеской федеративной солидарной жизни" (25). Принятие этих предложений значительно ускорило бы процесс децентрализации, ослабив, тем самым, узы, связывающие Закавказье с Россией, в чем не были заинтересованы как иттихадисты, так и дашнаки.

Неудивительно, что фракции "Иттихада" и "Дашнакцутюна" в категоричной форме выступили против данного предложения "Мусавата". По единодушному мнению обеих фракций, "Закавказский Сейм являлся временным органом - для ликвидации некоторых спешных вопросов" (26). При этом они предлагали отложить созыв Учредительного собрания и выработку конституции Закавказья на неопределенное время. Такая позиция иттихадистов была продиктована, прежде всего, их желанием сохранить в России централизованное государство, чему противоречило предложение "Мусавата".

Однако, следует отметить, что по мере углубления противоречий между тремя основными национальными секторами Сейма, разногласия в стане азербайджанских партий постепенно нивелировались, отойдя на задний план. Инстинкт самосохранения в условиях все более обостряющихся межнациональных отношений, грозящих самому физическому существованию азербайджанского народа, объективно способствовал усилению центростремительных сил внутри азербайджанского сектора Сейма.

Уже первые заседания Сейма были омрачены армяно-азербайджанскими столкновениями в Эриванской губернии и в самом городе Эривани, в результате которых пострадало, в основном, практически беззащитное азербайджанское население. Причем в отличие от аналогичных событий 1906 г., когда неорганизованные азербайджанские и армянские массы набрасывались друг на друга, ситуация теперь была несколько иной. Тем же неорганизованным азербайджанским массам противостояли регулярные армянские воинские части, по распоряжению командующего правительственными войсками в Эриванской губернии полковника Пирумова и комиссара Дро брошенные против мирных азербайджанских сел. Только в период с 17 по [136-137] 21 февраля 1918 г. армянские части, используя артиллерию, стерли с лица земли в Эриванской губернии 21 азербайджанских сел (27).

Обсуждение эриванских событий в Сейме обнажило всю глубину подозрительности и недоверия между фузинским и армянским секторами, с одной стороны, и азербайджанскими депутатами, с другой. Как показал ход прений в Сейме, мнение фузинских и армянских представителей относительно причин и зачинщиков разыгравшейся трагедии кардинально расходилось с позицией подавляющего большинства азербайджанских депутатов. Считая азербайджанцев главными виновниками эриванских событий, грузинские меньшевики и дашнаки пытались оправдывать совершенные бесчинства в отношении азербайджанского населения необходимостью защиты железных дорог и других коммуникаций, якобы подвергающихся нападению со стороны вооруженных азербайджанцев, дабы воспрепятствовать передвижению войск и снабжению фронта. При этом они утверждали, что азербайджанцы действуют по указке Турции, заинтересованной в создании обстановки анархии и безвластия в крае. Лидер фракции "Дашнакцутюн" М. Арутюнян прямо обвинил азербайджанцев в "измене не только демократическому делу, но и вообще родине" (28).

Отвергая эти голословные обвинения, Н. Усуббеков заявил: "Меня не удивляет председатель партии "Дашнакцутюн". Я понимаю, сейчас необходимо прикрыть те преступления, которые совершаются в Эриванской губернии. Сейчас необходимо найти оправдание тем безобразиям, которые там творились: вырезались целые деревни, выгонялись жители и искусственно создавалась территория, но меня удивляет выступление здесь представителя меньшевиков. Я думал, что сейчас встанет кто-нибудь и скажет, что это самочинное выступление, что они совершенно иначе думают, но, к сожалению, я этого голоса не слышал. Граждане, давно нас обвиняют. Прежде чем резали, нас обвиняли, к этому мы привыкли. Я боюсь, что опять хотят нас резать" (29).

Признавая отдельные факты нападения на железные дороги и не отрицая необходимости пресечения подобных противозаконных действий, азербайджанские депутаты, вместе с тем, справедливо указывали, что это вовсе не оправдывает убийства невинных детей, женщин и стариков. С другой стороны, как резонно заметил Ф. Кочарли, "допустим, что те деревни, которые расположены по линии железных дорог, действительно, [137-138] препятствовали эшелонам, но в чем же вина тех деревень, которые находились на расстоянии 20-40 верст от железной дороги, которые вели мирную жизнь. В чем вина города Эривани, который совершенно не причастен к этим событиям" (30).

Даже Н. Жордания, в целом разделявший позицию своей фракции в отношении эриванских событий, вынужден был признать, что "регулярные части сворачивают с дороги, заходят в деревни, истребляют жителей и даже поджигают дома. Когда это делают регулярные части, т. е. войска правительства, войска, одетые и обутые за счет государства, то поступая так, они прямо изменяют тому правительству, которое эти регулярные части посылает" (31). Н. Жордания назвал недопустимым, когда "одна регулярная часть принимает сторону одной нации и в результате этого - обстрел артиллерией, разгром целого селения. Такие случаи, - добавил он, - бывают у банд, но не у регулярных частей" (32).

Азербайджанские фракции Сейма, за исключением гумметистов, рассматривали эриванские события логичным итогом пренебрежительного отношения закавказских властей к защите жизни и имущества азербайджанского населения края. Одной из основных причин этой трагедии стало то обстоятельство, что в Эриванской губернии власть была сосредоточена в руках исключительно одной нации армян, а азербайджанцы были практически полностью отстранены от участия в управлении губернией, хотя составляли значительную часть ее населения.

Недоверие закавказских властей, в частности, проявлялось в создании всевозможных препятствий на пути формирования азербайджанских воинских частей. Затрагивая эту тему в Сейме, представитель "Мусульманского социалистического блока" А. Кантамиров сказал. - "После ухода русской армии, когда начался дележ всего наследия этой армии, наименее причастным к этому дележу оказалось азербайджанское крестьянство. Все нашли, что азербайджанскому крестьянству совершенно это оружие не нужно. Я не знаю, сознательно или несознательно, но, во всяком случае, азербайджанское крестьянство было изолировано в этом важном вопросе и, если хотите, эта изолированность создала известное недоверчивое отношение вообще ко всему тому, что делается здесь, в демократических организациях и руководящих кругах" (33).

Азербайджанцам отказали в выдаче 500 винтовок даже для правительственной милиции Бакинской губернии, в то время, [138-139] как грузины и армяне имели возможность получить оружие но максимуму своих требований.

Не было случайностью, что азербайджанские села именно Эриванского уезда подверглись нападению армянских частей. Это было обусловлено важным стратегическим значением Эриванского уезда, занимавшим промежуточное положение между азербайджанскими и армянскими районами губернии. К северу от него начиналась армянская часть Эриванской губернии, к западу был расположен Эчмиадзинский, а к востоку – Ново-Баязетский уезды, в которых армяне также составляли громадное большинство населения. К югу же от Эриванского уезда находились Сурмалинский, Шаруро-Даралагезский и Нахчыванский уезды, населенные азербайджанцами.

Несомненно, истинная цель организаторов карательной акции в этом ключевом уезде Эриванской губернии накануне национально-территориального размежевания закавказских народов заключалась в выживании азербайджанцев с их исконных земель, с последующей их колонизацией армянами. В этом отношении примечательно, что даже после прекращения столкновений азербайджанцам не разрешали возвращаться в свои родные очаги. На соответствующую просьбу азербайджанцев Дро категорично ответил: "Нет, этого быть не может, сюда могут переселяться только армяне" (34).

В ходе прений по эриванским событиям в Сейме выявились факты тесной связи и координации действий между членами дашнакской партии и С. Г. Шаумяном в борьбе против азербайджанских национальных сил. Как известно, в начале 1918 г. в Гянджинской губернии имели место крестьянские волнения, в ходе которых усадьбы многих помещиков подверглись отравлению и разгрому. Уничтожались и сжигались не только все жилые и нежилые постройки, но и фруктовые сады, виноградники, леса, сельскохозяйственные орудия, винодельческие машины и пр. Чтобы избавиться от претендентов и наследников расхищенных богатств, а также очевидцев этих гнусных злодеяний поголовно истреблялись все лица, принадлежащие к фамилии помещиков. При этом не были пощажены ни 75-летние старики, ни женщины, ни грудные младенцы. Так, чтобы уничтожить следы преступлений, почти все трупы убитых Зюльгадаровых были преданы огню, причем жена Гамид бека Зюльгадарова и пять его дочерей были заживо сожжены в усадьбе. Только в ночь с 5 на 6 января 1918 г. крестьянами были убиты 20 человек из семьи Зюльгадаровых и 21 чел. из фамилии Карабековых (35). [139-140]

Не вдаваясь в подробности этих событий, отметим лишь тот факт, что в советской историографии, это погромное движение, отличающееся своей невиданной жестокостью и бесчеловечностью, объявлялось вершиной "революционной борьбы трудящихся крестьян, воодушевленных победой Октябрьской социалистической революции" (36).

В разжигании этих кровавых событий, не имеющих ничего общего с борьбой крестьян за землю, наряду с большевиками активное участие принимали и дашнаки. Об этом свидетельствует, в частности, письмо члена дашнакской фракции Сейма М. Арзуманова от 9 января 1918 г., адресованное С. Г. Шаумяну. Это письмо, обнародованное Г. Агаевым на заседании Сейма, начиналось словами - "Дорогой Степан". Автор письма, имея в виду события в Гянджинской губернии, выражал убежденность в том, что С. Г. Шаумян "будет содействовать развитию этого движения" и советовал ему с этой целью связаться с неким Гайком Мелконянцем, членом Сейма, уроженцем Гянджи. Письмо заканчивалось словами - "Твой Миша Арзуманов" (37).

Напомним, что в это время фактическая власть в Гянджинской губернии находилась в руках "Мусавата" и других национальных сил. По этой причине в дестабилизации ситуации в этой губернии были одинаково заинтересованы как большевики, так и дашнаки. Именно этими соображениями были продиктованы их совместные подстрекательские действия в Гянджинской губернии, по сути, направленные против "Мусавата".

Учитывая позицию грузинских меньшевиков и дашнаков в отношении эриванских событий, вряд ли можно было ожидать от Сейма принятия действенных мер против истинных виновников этой трагедии. Не спасло положение и напоминание Ш. Рустамбекова о том, что вопрос армяно-азербайджанских столкновений "очень важен и серьезен для всего Закавказья и может явиться могилой для всей закавказской демократии" (38).

В конечном итоге, после долгих обсуждений Сейм, по предложению председателя комиссии по рассмотрению событий в Эриванской губернии Г. Георгадзе, принял следующее решение:

- 1) Принять меры к беспрепятственному проходу эшелонов с целью охраны границ.
- 2) Послать в Эривань смешанный эскадрон из сформированных частей (сводный отряд), т. к. на одни армянские эскадроны положиться нельзя.
- 3) Оказать помощь беженцам и водворить их в свои деревни, для чего отпустить для оказания помощи [140-141] беженцам аванс в размере одного миллиона рублей.
- 4) Принять меры к защите границ.
- 5) Воспретить посылку карательных отрядов без разрешения Закавказского правительства.
- 6) Сосредоточить распоряжение национальными войсками у общекраевой власти, с устранением от этой функции национальных советов.
- 7) Чрезвычайной следственной комиссии приступить к следствию по поводу эриванских событий" (39).

Не увенчалась успехом попытка мусаватской фракции внести в решение Сейма поправку следующего содержания:

- 1) Расформировать полки, состоящие из турецких армянских беженцев, и вообще, вывести из Эриванской губернии войска, участвовавшие в погромах азербайджанских деревень.

2) Устранить военного комиссара Дро и именуемого себя главнокомандующим войсками Эриванской губернии полковника Пирумова от занимаемой должности до выяснения результатов работ следственной комиссии" (40).

Используя свое численное большинство, грузинским и армянским депутатам удалось заблокировать принятие этих поправок. Но даже принятые решения не были реализованы и остались на бумаге.

Половинчатое постановление Сейма по эриванским событиям отнюдь не способствовало укреплению доверия между азербайджанскими депутатами и остальной частью Сейма. Оно лишь еще больше усилило подозрительность и недоверие между ними. Тем не менее, несмотря на то, что азербайджанским фракциям не удалось добиться желательного результата, обсуждения по этому вопросу в Сейме имели и позитивные последствия. Пожалуй, впервые азербайджанские сеймовые фракции, за исключением меньшевистского "Гуммета", выступили единым фронтом, защищая национальные интересы азербайджанцев.

Ситуация межнациональной напряженности, складывающаяся в Закавказье, сама заставляла даже самых непримиримых противников среди азербайджанских политиков искать пути компромиссов и точек соприкосновений в своих позициях. Именно поиски в данном направлении привели к созданию "объединенных заседаний азербайджанских фракций Сейма", своеобразного координирующего центра этих фракций. По общему соглашению всех партий, президиум фракции "Мусават" и демократической группы беспартийных в составе - М. Э. Расулзаде (председатель), М. Ю. Джафарова и Н. Усуббекова [141-142] (заместители), М. Махмудова и Р. Векилова (секретари), одновременно стал выполнять функции президиума объединенных азербайджанских фракций, что стало еще одним подтверждением ведущей роли "Мусавата" в национальном движении (41).

Создание подобной структуры не означало устранения в одночасье всех существующих разногласий между азербайджанскими фракциями, но с ее возникновением азербайджанские депутаты различной политической ориентации получили возможность оперативного и конструктивного обсуждения спорных вопросов и принятия согласованных решений.

20 марта 1918 г. Сейм при единодушной поддержке всех фракций принял "Закон об определении нормы земли, оставляемой владельцам, и о мерах к осуществлению земельной реформы". Новый закон конкретизировал и дополнял положения декрета о земельной реформе Закавказского комиссариата от 16 декабря 1917 г., который, в немалой степени, носил декларативный характер, т. к. в нем не были определены условия отчуждения и передачи земли крестьянам.

Принятый Сеймом закон предусматривал безвозмездную передачу земли крестьянам. В формируемый с этой целью земельный фонд переходили все церковные, монастырские и удельные земли. Частновладельческие земли, за исключением определенной нормы, также передавались в этот фонд. В преимущественно скотоводческих хозяйствах эта норма составляла - 40 десятин, в районах зернового хозяйства - 15 десятин, а в регионах выращивания ценных культур - 7 десятин, включая садовые и приусадебные земли владельцев (42).

Право распоряжения земельным фондом находилось в ведении губернских (областных и окружных), уездных и участковых (районных) земельных комитетов. Причем к участию в земельных комитетах не допускались лица, владения которых подлежали конфискации.

Азербайджанские фракции поддержали закон о земельной реформе. Представитель мусаватской фракции Ш. Рустамбеков, несмотря на критику отдельных недостатков закона, в частности, указав на необходимость конкретизации его отдельных положений в соответствии с особенностями регионов, вместе с тем, заявил, что партия "Мусават" будет "голосовать за этот закон и в жизни будет способствовать ему, и все средства, все свои усилия будет напрягать для того, чтобы успешно и в срочном порядке осуществить этот первый политический акт Закавказского Сейма" (43). [142-143]

С началом деятельности Сейма сложил свои полномочия Закавказский комиссариат и формирование нового правительства вновь было поручено Е. П. Гегечкори. 26 марта 1918 г. он представил персональный состав и программу нового правительства на рассмотрение Сейма. Министерские портфели в нем были распределены следующим образом: Председатель правительства и военный министр - Е. П. Гегечкори, министры: внутренних дел - Н. В. Рамишвили, иностранных дел - А. И. Чхенкели, земледелия - Н. Г. Хомерики, финансов - Х. И. Карчикиан, народного просвещения - Н. Усуббеков, путей сообщения - Х. Мелик - Асланов, юстиции - Ф. Х. Хойский, продовольствия - А. И. Хатисов, торговли и промышленности - М. Г. Гаджинский, морской - П. Гобечия, труда - Г. Г. Тер-Газарян, почт и телеграфа - Л. Бейбутов, государственного контроля - И. Гейдаров и министр без портфеля - Р. И. Качазнуни (44).

Таким образом, в состав нового Закавказского правительства вошли 4 представителя фракции "Мусавата" и группы беспартийных, и 1 представитель (И. Гейдаров) "Мусульманского социалистического блока". Хотя министерские портфели были распределены примерно по равну между

тремя основными национальными секторами Сейма, но не трудно было заметить, что ключевые посты в новом кабинете принадлежали грузинским меньшевикам, азербайджанцы же были оттеснены на вторые позиции.

Выступая с программой нового правительства в Сейме, Е. П. Гегечкори указал на ряд неотложных задач, стоящих перед ним - ускоренная реализация в жизнь аграрной реформы, улучшение положения пролетариата, удешевление и упрощение государственного аппарата управления, создание единой боеспособной армии взамен национальных воинских частей, территориальное разграничение национальностей и образование национально-территориальных кантонов с полным внутренним самоуправлением и т. д. При этом Е. П. Гегечкори подчеркнул, что "в числе этих задач на первом месте правительство ставит заключение прочного мира и восстановление добрососедских отношений с Турцией" (45). Последующие события показали, что Е. П. Гегечкори не ошибся.

Вопрос установления мира с Турцией сыграл решающую роль в дальнейшей судьбе как Сейма, так и, в целом, закавказских народов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Известия мусульманского комитета. 1917, № 232. [143-144]*
2. "Закавказский Сейм". *Стенографический отчет. Сессия первая. Тифлис, 19 февраля 1918 г., (Даты в сборнике указаны по старому стилю) с. 5.*
3. *Беленький С. и Машелов А. Революция 1917 года в Азербайджане (хроника событий). Баку, 1927, с. 214.*
4. *Там же, с. 237.*
5. *Известия Бакинского Совета, 1918, 3 января.*
6. *Там же.*
7. *Ленин В. И. ПСС, т. 31, с. 110.*
8. "Закавказский Сейм". *Стенографический отчет. Сессия первая, 10 февраля 1918 г., с. 1.*
9. *Ментешашвили А. М. Октябрьская революция и национально - освободительное движение в Грузии. 1917-1921. Тбилиси, 1987, с. 72.*
10. "Закавказский Сейм". *Стенографический отчет. Сессия первая, 19 февраля 1918 г., с. 6.*
11. *ГАППОД Азерб. Респ., ф. 276, оп. 3, ed. хр. 67, л. 1.*
12. *Беленький С. и Манвелов А. Указ. раб., с. 160.*
13. *Известия Бакинского Совета, 1918, 19 марта.*
14. "Закавказский Сейм". *Стенографический отчет. Сессия первая 15 февраля 1918 г., с. 12.*
15. *Там же, с. 24.*
16. *Там же.*
17. *Там же.*
18. *Там же, с. 25.*
19. *Там же, с. 27.*
20. *Там же, с. 49.*
21. *Там же, с. 6.*
22. *Там же, сс. 6-7.*
23. *Там же, с. 7.*
24. "Закавказский Сейм". *Стенографический отчет. Сессия первая. 20 февраля 1918 г., сс. 27-28.*
25. *Там же, с. 29.*
26. *Там же.*
27. "Закавказский Сейм". *Стенографический отчет. Сессия первая. 7 марта 1918 г., с. 5.*
28. "Закавказский Сейм ". *Стенографический отчет. Сессия первая. 5 марта 1918 г., с. 14.*
29. "Закавказский Сейм ". *Стенографический отчет. Сессия первая. 5 марта 1918 г., с. 28.*
30. "Закавказский Сейм". *Стенографический отчет. Сессия первая. 7 марта 1918 г., с. 27. [144-145]*
31. *Там же, с. 24.*
32. *Там же, с. 25.*
33. "Закавказский сейм ". *Стенографический отчет. Сессия первая. 17 марта 1918 г., с. 35.*
34. "Закавказский Сейм". *Стенографический отчет. Сессия первая. 7 марта 1918 г., с. 12.*
35. *Большевики в борьбе за победу социалистической революции. Документы и материалы. 1917 - 1918 гг. Баку, 1957, с. 245.*
36. *Искендеров М. С. Из истории борьбы Коммунистической партии Азербайджана за победу Советской власти. Баку, 1958, с. 185.*
37. "Закавказский Сейм". *Стенографический отчет. Сессия первая. 7 марта 1918 г., с. 14.*

38. Там же, с. 31.
39. Там же, сс. 37 - 41.
40. Там же, с. 41.
41. История возникновения Азербайджанской Республики // Хазар, 1990, № 2, с. 111.
42. "Закавказский Сейм". Стенографический отчет. Сессия первая. 7 марта 1918 г., с. 51.
43. Там же, с. 32.
44. "Закавказский Сейм". Стенографический отчет. Сессия первая. 13 февраля 1918 г., с. 29.
45. Там же, с. 29.

Азербайджанские партии в ходе трапезундских мирных переговоров

При всей серьезности и важности стоящих перед Закавказским Сеймом проблем - национальной, аграрной, рабочей и т. д., ключом их разрешения, несомненно, являлось водворение мира и порядка в регионе, что, в свою очередь, напрямую зависело от успеха усилий, направленных на ликвидацию состояния войны с Турцией и достижения мирного соглашения с этой страной.

К сожалению, именно этот вопрос стал камнем преткновения на пути создания прочного государственного союза закавказских народов. Ход мирных переговоров с Турцией раскрыл всю глубину противоречий между закавказскими народами и [145-146] несовпадение их национальных интересов. "Коренные расхождения по вопросу о войне и мире между закавказскими народами" не только помешали урегулированию проблем с Турцией, но, в конечном счете, привели к роспуску Закавказского Сейма (1).

5 декабря 1917 г., по предложению турецкой стороны, в Эрзинджане было заключено соглашение о перемирии на Кавказском фронте. Соглашение считалось действительным до подписания окончательного мирного договора. Было также оговорено, что в случае достижения всеобъемлющего мирного соглашения между Россией и центральными державами, все его пункты будут иметь обязательный характер и для Кавказского фронта. Впрочем судьба предоставила закавказским властям несколько прекрасных возможностей, чтобы избежать подобного нежелательного исхода событий и не позволить центральному российскому правительству решать вопросы, касающиеся Закавказья, за спиной политических представителей народов региона и без учета их мнения. Однако из-за нерешительных действий грузинских и армянских лидеров, занимавших главенствующее положение в закавказской администрации, эти возможности не были использованы.

Так, закавказские власти никак не отреагировали на предложение командующего турецкими войсками на Кавказском фронте Вехиб-паши, который в радиотелеграмме от 3 января 1918 г. проинформировал, что представители центральных держав, "собравшиеся в Брест-Литовске, готовы приложить все свои старания к признанию независимости Закавказского правительства, которое, в уверенности на полнейший успех, может отправить своих уполномоченных делегатов в Брест-Литовск" (2).

Впоследствии данное предложение турецкой стороны советской историографией рассматривалось как проявление стремления Турции отделить Закавказье от России с целью облегчения реализации своих экспансионистских планов в регионе (3). Подобной позиции придерживаются и некоторые западные исследователи, в частности, Т. Светоховский (4). При этом умалчивается тот факт, что в то время аналогичные цели в отношении Закавказья преследовали и союзные державы. Так, еще 28 ноября 1917 г. государственный секретарь США Р. Лансинг запрашивал находившегося в Париже полковника Хауза мнение Англии и Франции "относительно признания де-факто правительства в Закавказье". Хауз ответил, что главами правительств Англии, [146-147] Франции и Италии уже решено всемерно поддерживать "движение" в Закавказье (5).

Безусловно, поддерживая идею независимости Закавказья, Турция, как и союзные державы, руководствовалась отнюдь не филантропическими соображениями, и тем более, не желанием помочь закавказским народам в их естественном стремлении к национальной свободе. Каждая из этих сторон добивалась контроля над регионом, имеющим важное стратегическое значение и огромные природные ресурсы.

Тем не менее мотивировки идентичных позиций Турции и союзных держав относительно независимости Закавказья были различны. Какими бы тяжелейшими не были мирные условия, выдвигаемые Турцией, она подталкивала Закавказье к независимости, объективно способствуя установлению мира в регионе. Союзники же, наоборот, понимая, что после прихода к власти большевиков в Петрограде выход России из первой мировой войны является лишь делом времени,

пытались продолжить войну с Турцией руками закавказских народов, для чего им необходимо было и отделение Закавказья от России. Учитывая большую популярность идей оборончества среди грузин и армян, следует признать, что эти расчеты союзников имели под собой определенную почву и в немалой степени способствовали затягиванию процесса установления мира в регионе.

Еще 1 января 1918 г. Вехиб-паша обратился к закавказским властям с письмом, в котором от имени главнокомандующего турецкими войсками Энвер-паши просил уведомить, "каким путем будет возможно восстановление отношений с независимым Кавказским правительством, в целях восстановления мирных отношений между обеими сторонами" (6).

Краевой Центр Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, куда было передано это предложение турецкой стороны, постановил: "Мы, являясь составной частью Российской республики, можем приступить к переговорам о мире лишь по получении соответствующего полномочия от только что собранного Учредительного собрания" (7).

Даже после разгона Всероссийского Учредительного собрания Закавказский комиссариат остался верен своей выжидательной позиции, обещав турецкой стороне дать ответ в трех недельный срок. Закавказские руководители мотивировали это "необходимостью согласовать свои выступления, направленные к ликвидации войны, с мнениями и взглядами других автономных правительств территориальных единиц Российской республики, [147-148] одинаково с Закавказским правительством заинтересованных в заключении мира" (8).

Однако запланированная с этой целью на 1 (4) февраля 1918 г. в Тифлисе конференция с участием представителей Центральной Рады Украины и правительства Юго-Восточного Союза (своеобразная федерация Донского, Кубанского, Терско-Дагестанского, Астраханского, Уральского и Оренбургского правительств, стоящих на антибольшевистских позициях) не состоялась. Украина предпочла направить свою делегацию в Брест-Литовск, а правительство Юго-Восточного Союза, хотя сочувственно отнеслось к идее проведения подобной конференции, но своих представителей в Тифлис не прислало, сославшись на "железнодорожные неурядицы" (9).

В этой ситуации Закавказскому комиссариату ничего не оставалось, как согласиться на мирные переговоры с турецким правительством. В специальном послании, отправленном 16 февраля 1918 г. на имя Вехиб-паши, закавказские власти просили турецкую сторону уведомить их о месте и времени встречи мирных делегаций двух сторон. Вместе с тем в послании подчеркивалось, что прерогатива выработки "основных директив и условий мира принадлежит Закавказскому Сейму" (10). Таким образом, Закавказский комиссариат, продемонстрировав свою полную беспомощность в деле ликвидации состояния войны с Турцией, переложил эту задачу на плечи Закавказского Сейма.

Причину нерешительности политических руководителей Закавказья, приведшую к затягиванию начала мирных переговоров с Турцией, и, в конечном итоге, к весьма трагическим последствиям для народов региона, следует искать прежде всего в их пророссийской ориентации. Подавляющее большинство грузинских и армянских лидеров, а также определенная часть азербайджанских политических сил в лице меньшевистского "Гуммета", опасаясь посягательств со стороны Турции, не осмеливались порвать все нити, связывающие Закавказье с Россией. Неслучайно, азербайджанский меньшевик А. Шейхулисламов, выражая общее мнение закавказских политических группировок российской ориентации, заявлял, что "мы не отделяемся от России, а отделяемся от России большевиков, отделяемся от России монархической" (11).

Такая позиция, полностью игнорирующая создавшиеся политические реалии, не выдерживала никакой критики. Ведь в тот момент демократической России как государственно-политической реальности не существовало, что, по резонному [148-149] замечанию грузинского национал-демократа Г. Гвазавы делало "необходимым проведение юридической линии и отделение Закавказья от той России, которая существовала в лице Ленина и его товарищей" (12). Именно грузинские национал-демократы, представленные в Сейме единственным депутатом, вместе с фракцией "Мусавата" последовательно выступали за политическую независимость Закавказья, но на начальной стадии деятельности Сейма они были явно в меньшинстве.

Другим важным фактором, объясняющим выжидательную позицию закавказских руководителей в отношении мирных переговоров с Турцией, являлась подстрекательская деятельность официальных кругов Англии и Франции, кровно заинтересованных в продолжении состояния войны между Закавказьем и Турцией, поскольку достижение окончательного мира на Кавказском фронте позволило бы Турции перебросить значительную часть своих освободившихся вооруженных сил на Месопотамский и Сирийско - Палестинский фронты, что серьезно ухудшило бы положение союзников на этих фронтах. Поэтому правительства Англии и Франции периодически направляли своих эмиссаров в регион, пытаясь с их помощью убедить закавказских руководителей в необходимости продолжения войны с Турцией.

В частности, 24 января и 12 февраля 1918 г. в Тифлисе находились английские представители, которые, по словам мусаватиста Г. Агаева, "открыто предлагали громадные денежные средства отдельным лицам и национальным организациям для формирования новых войсковых частей и усиления существующих, ставя при этом главным условием своей материальной поддержки продолжение войны с Турцией и оккупацию турецких областей" (13).

Активизация английских и французских эмиссаров в Закавказье вынудила фракцию "Мусавата" в Сейме обратиться в Закавказский комиссариат с официальным запросом следующего содержания:

"1) Известно ли Закавказскому правительству и комиссару по иностранным делам, что английские и французские военные штабы в лице своих агентов всячески препятствуют делу заключения мира с Турцией, открыто ведя в Тифлисе агитацию за продолжение войны.

2) Если известно, какие принимаются меры к пресечению вмешательства иностранных держав во внутренние дела Закавказского правительства" (14). [149-150]

Председатель Закавказского комиссариата Е. П. Гегечкори в своем ответе на этот запрос, не отрицая факт приезда английской миссии в Тифлис, вместе с тем, утверждал, что "никакого вмешательства во внутренние дела правительством до сего момента не допускалось" (15).

Как бы то ни было, после достижения взаимного согласия между Турцией и Закавказским комиссариатом о дате и месте проведения мирных переговоров, которые должны были начаться в середине марта в Трапезунде, Сейм приступил к формированию состава мирной делегации и определению ее полномочий. По согласованию всех фракций Сейм утвердил персональный состав мирной делегации в количестве 11 членов. В нее вошли по два представителя от партий - "Мусават" (М. Г. Гаджинский, Х. Хасмамедов), "Дашнакцутюн" (О. И. Качазнуни, А. Хатисов), грузинских меньшевиков (Г. Абашидзе, А. И. Чхенкели) и по одному представителю от "Иттихада" (М. Мехтиев), "Мусульманского социалистического блока" (И. Гейдаров), меньшевистского "Гуммета" (А. Шейхульсламов), грузинских социал-федералистов (Г. М. Ласхишвили) и национал-демократов (Г. Гвазава). Председателем мирной делегации был избран А. И. Чхенкели (16).

В мирной делегации были представлены все фракции Сейма, за исключением эсеров. Последние настаивали на включении в состав закавказской делегации представителей союзников и заключения с Турцией не постоянного, а прелиминарного мирного соглашения. Поскольку Сейм отклонил эти требования, эсеры отказались войти в состав мирной делегации.

Следует отметить, что с момента создания мирная делегация оказалась в двойственном положении, что отнюдь не способствовало ее успешной работе. Так, Сейм считал себя правомочным "заключить окончательный мир с Турцией" (17), что было равносильно признанию себя правомочным органом независимого государства. Однако фактически он таковым не являлся, т. к. не была официально провозглашена независимость Закавказья.

Обмен посланиями между закавказскими и турецкими представителями происходил на фоне стремительно прогрессирующего развала русской армии на Кавказском фронте. Стихийный отход деморализованных русских солдат с фронта принял такие масштабы, что, по признанию генерала Лебединского, к 23 февралю российских войск на фронте уже не было. Генерал докладывал членам Закавказского правительства и Сейма о том, что противопоставить туркам какие-либо воинские силы в случае возобновления военных действий, нет никакой возможности. По [150-151] словам генерала, нельзя было "надеяться на скорое формирование национальных частей", поскольку последние формировались чрезвычайно медленно (18). Обо всем этом хорошо была осведомлена турецкая сторона.

Положение Закавказского правительства еще более усугубилось после подписания 3 марта 1918 г. Брест - Литовского мирного договора между Россией и центральными державами (Германией, Австро - Венгрией, Болгарией и Турцией), согласно которому округа Ардаган, Каре и Батум передавались Турции. Но даже в этой критической ситуации Закавказский комиссариат и Сейм, находящиеся под контролем грузинских меньшевиков и дашнаков, не отказались от своей двусмысленной политики.

С одной стороны, закавказские власти выразили протест в связи с подписанием Брест - Литовского договора, заявив, что "всякий договор, касающийся Закавказья и его границ, заключенный без ведома и одобрения самостоятельного Закавказского правительства, почитается лишенным международного значения и обязательной силы, так как Закавказье никогда не признавало большевистской власти и Совета Народных Комиссаров" (19). С другой же стороны, закавказские лидеры не торопились с юридическим оформлением независимости Закавказья, активно противодействуя усилиям мусаватистов в этом направлении.

На состоявшемся 7 марта 1918 г., в день отъезда мирной делегации в Трапезунд, заседании Сейма, обосновывая необходимость провозглашения независимости Закавказья, Ф. Х. Хойский от имени фракции "Мусавата" и группы беспартийных демократов заявил: "Когда центральная власть в России была захвачена той политической группой, которая на своем знамени оповещала о самых идеальных формах общественно-политической жизни, которая сулила народам широкую свободу, а в основу своей

политической деятельности поставила нарушение и попрание самых элементарных свобод и прав личности и народов, - тогда перед всеми народами, населявшими Российское государство, возникла альтернатива - или склонить головы перед новым самодержавием, или выйти на путь самостоятельной деятельности, который должен привести к независимости и суверенитету" (20).

Далее Ф. Х. Хойский предупредил, что "теперь настал тот момент, когда все народы Закавказья должны сказать определенно, чего они держатся, заключая мир, и в качестве кого они приступают к переговорам о мире, считают ли они себя неразрывной частью России или нет? Если этот вопрос не будет [151-152] выяснен, то сама посылка мирной делегации в Турцию и подписание великого акта о мире мне представляется едва ли возможным. Сегодня, - отметил он, - выезжает в Трапезунд наша мирная делегация и я уверен, что перед нашими делегатами станет этот вопрос с такой же категоричностью, с какой он стал перед нами. И вот, когда мы вплотную подошли к разрешению этого огромной важности вопроса, то нам представляется, что для нас нет двух путей, нет двух решений. Объявление независимости и самостоятельности Закавказья есть единственный выход из создавшегося положения, единственное правильное разрешение вопроса" (21).

Однако большинство депутатов Сейма под различными оговорками стремились уйти от принятия конкретного решения по данному вопросу. В итоге, после продолжительных дебатов, по предложению грузинских меньшевиков было принято решение следующего содержания: "Обсудив вопрос об объявлении Закавказья независимой демократической республикой, Сейм признавая при известных условиях принципиально допустимым решение в положительном смысле, поручает специальной комиссии всестороннюю его разработку в кратчайший срок" (22).

Подобное решение означало, что Закавказье по - прежнему де-юре остается частью России, и, следовательно, закавказские власти обязаны выполнить условия Брест-Литовского договора. Поэтому требование турецкой стороны об эвакуации областей Батума, Карса и Ардагана, с которым 23 марта 1918 г. Вехиб-паша обратился к главнокомандующему русскими армиями на Кавказском фронте генералу Лебединскому, вполне соответствовал принципам международного права.

Для обсуждения этого требования 24 марта 1918 г. было созвано экстренное заседание Сейма. В ответ на воинственные выступления грузинского меньшевика Н. Жордания и дашнака А. Шахатуни, обвинявших во всех смертных грехах турков, Ф. Х. Хойский напомнил своим коллегам по Сейму, что "турецкое правительство неоднократно рассматривало нас, как самостоятельную единицу и оно настойчиво нам навязывало, если так выразиться эту идею. Турецкое правительство, - отметил он, - предлагало Закавказскому правительству послать своих делегатов на мирную конференцию в Брест-Литовск для ведения самостоятельных переговоров. Закавказское правительство этого не сочло возможным тогда сделать по разным соображениям. Турецкое правительство неоднократно обращалось к Закавказскому правительству подчеркивая его независимость. На это мы определенного [152-153] ответа не давали. Мы также не дали ясного ответа и в предыдущем заседании Сейма, когда этот вопрос категорически был поставлен перед нами. Поэтому, когда сейчас турецкое правительство, рассматривая нас, как часть Российской республики, предлагает нам выполнить те условия мира, которые заключены Российской республикой, то в этом нельзя не усмотреть известной логической последовательности" (23).

В заключении своего выступления Ф. Х. Хойский заявил о "целесообразности в ближайшем же заседании Сейма еще раз поставить вопрос независимости Закавказья на обсуждение" (24). Но и на этот раз призыв Ф. Х. Хойского остался гласом вопиющего в пустыне.

Между тем на первом же заседании Трапезундской мирной конференции, состоявшейся 14 марта 1918 г., турецкие представители потребовали от закавказской делегации "точную декларацию относительно сущности, формы, политической и административной организации республики", находящейся в процессе образования в Закавказье и конкретного ответа на вопрос - выполнило ли Закавказское правительство условия, которые требуются международным правом для образования независимого государства? (25)

Закавказская делегация в своем ответном заявлении утверждала, что Закавказье уже de facto представляет из себя независимое государство," хотя оно еще не декларировало и не сделало нотификации державам о своей независимости". Свою позицию закавказские представители обосновывали тем, что "с момента большевистского переворота на территории Закавказья прекратилось действие центральной российской власти, и возникло новое самостоятельное правительство, ныне ответственное перед Сеймом" (26).

Уже после первых заседаний Трапезундской конференции стало очевидным, что турки исходным пунктом переговоров считают Брест-Литовский договор. Даже вопрос признания независимости Закавказья они обусловили с безоговорочным признанием этого договора со стороны закавказской делегации. По мнению турецкой стороны, "окончательное и официальное признание Кавказской Республики могло состояться лишь при помощи особого положения в договоре, который

будет заключен, и переговоры по поводу последнего могут быть начаты лишь после отказа от каких-бы то ни было претензий на Батумский, Ардаганский и Карсский санджаки" (27). [153-154]

Закавказская делегация ссылаясь на то, что турецкое командование само не раз в своих сношениях называло Закавказское правительство независимым, и что Трапезундская конференция уже является доказательством игнорирования обеими сторонами Брест-Литовского договора, отвергла выдвинутые турками условия.

Закавказские представители, руководствуясь "Основными положениями" по вопросу о мире, утвержденными Сеймом 1 марта 1918 г., считали, что "в основание заключаемого мирного договора должно лечь восстановление государственных границ России с Турцией, существовавших к моменту объявления войны 1914 г." (28). Более того, они пытались добиться от турков согласия на предоставление автономии Турецкой Армении.

Вполне естественно, что подобные условия были абсолютно неприемлемы для турков, считавших себя победителями и прекрасно осведомленных об отсутствии у Закавказского правительства сколь-нибудь значительной вооруженной силы, на которую можно было опереться в случае провала мирных переговоров. Подтверждением этому явилось успешное продвижение турецких войск в Ардаганском и Карском направлениях во время трапезундских переговоров. Но наиболее возмутительным для турков оказалось последнее требование закавказской делегации относительно автономии Турецкой Армении, которое они расценили грубым вмешательством во внутренние дела Турции.

С этого момента переговоры в Трапезунде окончательно зашли в тупик. При этом произошел раскол в закавказской делегации. Безусловно, из самых благих намерений закавказская мирная делегация была сформирована на многопартийной основе. Но как показала уже начальная стадия Трапезундской конференции, именно многопартийный состав делегации стал ее наиболее уязвимым местом. Хотя принципы, на основе которых можно было бы заключить мир с Турцией были приняты Сеймом при единодушной поддержке всех партийных фракций, но первые же трудности на переговорном процессе выявили наличие серьезных расхождений в подходах различных партий в этом вопросе. В результате, принятый Сеймом регламент мирной декларации, гласивший, что "делегация выступает как единое целое", так и остался на бумаге (29).

Чтобы вывести переговоры с мертвой точки, азербайджанские члены закавказской делегации от партий "Мусават", "Иттихад" и "Мусульманский социалистический блок" стали настаивать на признании условий Брест-Литовского договора, [154-155] касающихся Закавказья. Правда, при этом исходя из интересов азербайджанской экономики, и в частности, бакинской нефтяной промышленности они выступали против уступки туркам Батума, т. к. потеря этого портового города, являющегося морскими воротами Закавказья на внешний мир, поставила бы азербайджанскую промышленность в затруднительное положение.

Азербайджанские представители на мирных переговорах в Трапезунде справедливо полагали, что невыполнение требований турецкой стороны сделает войну неизбежной, выстоять в которой по известным причинам Закавказское правительство не в состоянии. Поэтому 1 апреля 1918 г. на заседании членов закавказской делегации Х. Хасмамедов открыто предупредил, что "если армянский и грузинский народы чувствуют за собою силу и возможность, то пусть начинают войну на свой риск и ответственность, азербайджанцы в этой войне участвовать не будут" (30).

Среди азербайджанских членов закавказской делегации лишь гумметист А. Шейхульсламов придерживался иной точки зрения, поддерживая официальную позицию делегации о непризнании Брест-Литовского договора. Но и он вынужден был признать, что "в случае войны с Турцией, физически азербайджанцы, действительно, будут нейтральны" (31).

Грузинские и армянские члены делегации постепенно стали осознавать бесперспективность своей позиции. Даже дашнаки начали склоняться к мысли о необходимости принятия Брест-Литовского договора, считая его наименьшим злом в сложившейся ситуации.

Но тут закавказскую делегацию поджидал весьма неожиданный сюрприз. 6 апреля 1918 г. турецкая сторона, недовольная отсутствием прогресса на переговорах из-за негибкой позиции закавказских представителей, предъявила им ультиматум. В нем, настаивая на обязательности Брест-Литовского договора для Закавказья, турки требовали "дать окончательный ответ по этому поводу в течение 48 часов" (32). Ультиматум был подкреплён новым наступлением турецких войск в направлении Батума.

Встревоженный А. И. Чхенкели радиотелеграммой немедленно сообщил об ультиматуме турок в Тифлис. В ней, выражая общее мнение членов закавказской делегации, А. И. Чхенкели предупреждал Закавказское правительство, что дальнейшее "отрицательное отношение к Брестскому договору невозможно и бесполезно" (33). [155-156]

Именно в этот момент, когда судьба Батума была уже предрешена и турки захватили фактически всю территорию, согласно Брест-Литовскому договору подлежащей передаче им, и Закавказском Сейме началось непонятное бряцание оружием. Это было тем более странно, что руководители Закавказского правительства и Сейма ранее неоднократно признавали отсутствию у них необходимой вооруженной силы для ведения войны с Турцией. Видимо, определенную роль в этом сыграла телеграмма Центрального Комитета Черноморского флота, в которой отмечалось, что "Закавказскому правительству будет послана морская боевая сила для защиты Батума от турок" (34). Решительному настрою Сейма также способствовал протест большевистского правительства против продвижения турок вглубь территории Закавказья.

Окрыленные этими заявлениями грузинские и армянские депутаты на заседании Сейма, собравшимся вечером 13 апреля 1918 г. для обсуждения хода мирных переговоров с Турцией, вновь во весь голос заговорили о российской ориентации, как о единственной возможности осуществления всех надежд закавказских народов. И. Церетели, забыв о своих недавних враждебных выпадах против большевиков, даже предложил обратиться за помощью к России (35).

Еще утром того же дня на совместном заседании президиума Закавказского Сейма, Закавказского правительства и представителей фракций Сейма, грузинские и армянские лидеры, считая признание Брест-Литовского договора "предательством интересов закавказских народов", единодушно высказались за необходимость вооруженной борьбы с Турцией и приняли решение об отзыве мирной делегации из Трапезунда. Сейму оставалось лишь утвердить данное решение.

К чести азербайджанских депутатов, в условиях всемерного нагнетания антитурецкой истерии в Сейме, они не поддались на эмоциональные и воинственные призывы своих грузинских и армянских коллег, игнорирующие реалии обстановки, и сумели сохранить взвешенную позицию в отношении мирных переговоров с Турцией.

В своем выступлении в Сейме представитель "Мусавата" Ш. Рустамбеков особо подчеркнул исключительное положение в вопросе войны с Турцией азербайджанской демократии, обусловленной, по его мнению, "во-первых, в виду неотбытия ею до сих пор воинской повинности и, во-вторых, вследствие той [156-157] религиозной связи ее с Турцией, которая не позволяет ей принять активное участие в боевых действиях против Турции" (36).

Пытаясь как-то остудить воинственный порыв грузинских и армянских депутатов, Ш. Рустамбеков напомнил им слова И. Церетели о том, что "в этой войне мы можем победить только при полном единстве и солидарности" и выразил свое сомнение в возможности достижения такого единства в случае начала военных действий против Турции. По словам Ш. Рустамбекова, это ставило под вопрос их благоприятный исход для Закавказья.

Учитывая все эти обстоятельства, Ш. Рустамбеков огласил следующее заявление: "Не беря на себя ответственности за продолжение войны с Турцией и считая ее чреватой тяжкими последствиями для всей закавказской демократии, при создавшихся условиях внутренней жизни края, фракция "Мусават", группа беспартийных и партия "Иттихад", имея в виду, что вопрос о продолжении войны разрешен руководящими партиями в положительном смысле, заявляют, что, со своей стороны, всеми доступными средствами окажут возможное содействие другим народам Закавказья в этой тяжелой задаче и примут все меры к благоприятной ликвидации войны" (37).

Поддержка, оказанная партии "Мусават" "Иттихадом" в этом вопросе, была для последнего вынужденным шагом, продиктованным политической конъюнктурой, а вовсе не проявлением улучшения взаимоотношений этих двух партий. Ведь альтернативный путь - поддержка войны с мусульманской Турцией грозил для этой партии, сделавшей идею исламской солидарности и единения краеугольным камнем своей политической доктрины, потерей всякого авторитета среди населения.

Представители "Мусульманского социалистического блока" на состоявшемся накануне совместном собрании азербайджанских сеймовых фракций, где обсуждался вопрос о линии поведения азербайджанских партий в связи с решением грузинских и армянских руководителей Закавказского правительства и Сейма объявить войну Турции, отказались поддержать упомянутое заявление "Мусавата" и "Иттихада", решив выступить самостоятельно. Тем не менее позиция, занятая фракцией "Мусульманского социалистического блока" на заседании Сейма, в значительной степени перекликалась с этим заявлением.

Выступивший от имени "Мусульманского социалистического блока" М. Магеррамов отметил, что "отсутствие тесной органической спайки между азербайджанской демократией и демократиями остальных закавказских народностей", а также [157-158] "полное экономическое истощение, усугубляемое анархией, грозящей превратиться в межнациональную войну в восточной части Закавказья, препятствуют к тому, чтобы незначительная, в смысле организованности, азербайджанская демократия могла активно участвовать в этой войне, в том смысле, как это могут сделать демократии других народностей" (38).

По сути, партия "Мусульманский социалистический блок", как и "Мусават" с "Иттихадом", не желая быть втянутыми в войну с Турцией, ограничилась лишь декларативной поддержкой Закавказского правительства.

Только меньшевистский "Гуммет", оставаясь верным своей традиционной линии поведения в Сейме, поддержал грузинских меньшевиков, обещав всемерное содействие Закавказскому правительству в войне с Турцией. А депутат Сейма от этой партии С. Агамалов выразил уверенность в том, что азербайджанский народ в своей массе "пойдет с оружием в руках против турок, как это сделали и делают армяне" (39).

Совместное заявление "Мусавата" и "Иттихада" стало причиной ожесточенных нападок со стороны грузинских и армянских депутатов, обвинивших их в предательстве интересов закавказских народов и в поощрении экспансионистской политики турецких правящих кругов, стремящихся якобы с помощью этих азербайджанских партий "осуществить свою давнишнюю программу - программу объединения Стамбула с Баку" (40).

Примечательно, что эти обвинения дашнаков и грузинских меньшевиков в адрес "Мусавата", впоследствии почти слово в слово были заимствованы советскими историками. Не одно поколение советских историков - от С. Т. Аркомеда до основателя целой школы фальсификаторов новейшей азербайджанской истории Е. А. Токаржевского - объявляли "Мусават" "бекской партией", якобы желавшей "отдать Кавказ на съедение помещиц, феодальной Турции" (41).

С. Т. Аркомед в своей работе "Материалы по истории отпадения Закавказья от России", в частности, пишет: "...мусаватисты вроде Расулзаде являлись агентами феодальной, деспотической Турции, все их усилия в Трапезунде, а потом в Батуме, были направлены к содействию турецкой завоевательной политике" (42).

Подобные измышления полностью противоречат реальным историческим фактам, которые свидетельствуют о том, что именно "Мусават" являлся наиболее последовательным поборником идеи независимости Закавказья, видя в ней наиболее [158-159] приемлемую форму равноправного и свободного сосуществования закавказских народов. По мнению руководителей "Мусавата", реализация этой идеи, кроме всего прочего, могла обезопасить Закавказье от любых иностранных посягательств, откуда бы они не исходили. К сожалению, из-за страха грузинских и армянских лидеров перед Турцией, парализовавшего их политическую волю, своевременно не удалось осуществить эту идею.

Несомненно, глупо бы было отрицать особую симпатию лидеров "Мусавата", да и всего азербайджанского народа к Турции. Но турецкая ориентация "Мусавата" была продиктована отнюдь не стремлением руководителей этой партии присоединить Азербайджан и Закавказье к Турции, а тем обстоятельством, что в тех условиях именно эта страна являлась единственным гарантом сохранения физической существования азербайджанской нации и ее моральной опорой в борьбе за национальное освобождение.

Кстати, абсурдность этих обвинений в свое время признавали и лидеры "Дашнакцутюна". Так, представитель этой партии А. Хатисов, выступая 1 марта 1918 г. на заседании Сейма говорил: "Здесь есть некоторые, которые утверждают, что кавказские мусульмане хотят присоединиться к Турции, Кто же им мешал. Никто не может помешать. Веры в России нет, она ослабла. Но они (азербайджанцы - А. Б.) этого не делают, потому что они чувствуют себя самостоятельными кавказскими гражданами и членами Закавказской республики" (43).

Свидетельством искренней приверженности "Мусавата" идее независимости Закавказья является тот факт, что даже после достижения независимости Азербайджана, идея создания Закавказской конфедерации составляла одну из главных целей внешнеполитической доктрины страны и нашла свое отражение в решениях II съезда "Мусавата", проведенного в декабре 1919 г. В резолюции съезда по данному вопросу подчеркивалось, что партия "признает целесообразным принцип объединения кавказских республик в свободный союз кавказской конфедерации и призывает всю кавказскую демократию, а также правительства соседних республик способствовать осуществлению этой идеи" (44).

Следует также учесть, что в то время лозунг "илхага" - аннексии Азербайджана к Турции - имел определенную популярность как среди азербайджанского населения, так и в турецких политических кругах. Как отмечает Р. Векилов в своей статье "История [159-160] возникновения Азербайджанской Республики", "с первых же дней открытия мирных переговоров с Турцией, сепаратные делегации от азербайджанского населения наводнили сперва Трапезунд, потом Батум и Стамбул, выставляя свой пресловутый лозунг "илхаг" (45).

В этих условиях от руководства "Мусавата" требовалась немалая настойчивость, чтобы противостоять этому напору, оставаясь верным принципу самоопределения азербайджанского народа. Выражая политическое кредо партии, М. Э. Расулзаде отмечал, что "мы требуем, чтобы мы, как народ, были представлены самим себе" (46). Эти слова являлись лейтмотивом деятельности "Мусавата" в исследуемый нами период.

Отвергая в ходе заседания Сейма необоснованные упреки и обвинения в адрес "Мусавата", Ш. Рустамбеков подчеркнул, что "азербайджанская демократия по религиозным соображениям не может дать вооруженной, живой, активной силы против Турции, это понятно, но она будет поддерживать Закавказское правительство, его финансовые расходы и проч." (47).

Ш. Рустамбеков подтвердив известную позицию "Мусавата" о необходимости сохранения Закавказского правительства и закавказской государственности, одновременно вновь выразил свое сомнение в том, что Турция является врагом независимости закавказских народов и стремится ее разрушить.

Однако все доводы азербайджанских депутатов о негативных последствиях для закавказского единства возобновления военных действий против Турции были проигнорированы грузино - армянским большинством Сейма. По их инициативе Сейм принял решение, в котором отмечалось: "В виду того, что мирное соглашение о границах Закавказья между Турцией и Закавказьем не достигнуто, закавказской делегации предлагается немедленно выехать обратно в Тифлис" (48).

Поскольку подобное решение означало объявление войны и на всей территории Закавказья было введено военное положение. Сейм также сформировал специальную коллегия для руководства военными действиями, облеченную чрезвычайными полномочиями в составе председателя Закавказского правительства (он же военный министр) Е. П. Гегечкори, министра внутренних дел Н. В. Рамишвили и министра финансов Х. О. Карчикиана. Одновременно, в работе Сейма объявлялся двухнедельный перерыв в связи с тем, что "у членов Сейма было много работы на местах" (49). Азербайджанские представители в Сейме однозначно расценили эти действия грузинских и армянских депутатов попыткой [160-161] совершенно изолировать азербайджанцев и устранить их от принятия важнейших решений общегосударственного значения.

Эти события на фоне беспомощности Сейма покончить с продолжающимися межнациональными столкновениями в различных частях Закавказья, и, в особенности, равнодушного отношения грузинских и армянских сеймовых фракций к трагическим мартовским событиям в Баку окончательно подорвали доверие азербайджанских лидеров к этому органу.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии. Тифлис, 1919, с. 330.*
2. *Там же, с. 52.*
3. *См. например: Аркомед С. Т. Материалы по истории отпадения Закавказья от России. Тифлис, 1923, с. 5.*
4. *Świetochowski T. Rus Azerbaycani. 1905-1920., с. 163.*
5. *Ментешашвили А. М. Победа советской власти в Грузии и ее освещение в немарксистской историографии // Революция и народы России, полемика с западными историками. М., 1989, с. 150.*
6. *Там же, с. 24.*
7. *Там же, с. 25.*
8. *Там же, с. 36.*
9. *Там же, с. 40.*
10. *"Закавказский Сейм". Стенографический отчет. Сессия первая. 13 февраля 1918 г., с. 4.*
11. *"Закавказский Сейм". Стенографический отчет. Сессия первая. 16 февраля 1918 г., с. 28.*
12. *"Закавказский Сейм". Стенографический отчет. 13 февраля 1918 г., с. 11.*
13. *"Закавказский Сейм". Стенографический отчет. 16 февраля 1918 г., с. 39.*
14. *Там же, с. 40.*
15. *Там же, с. 41.*
16. *"Закавказский Сейм". Стенографический отчет. 17 февраля 1918 г., с. 2.*
17. *"Закавказский Сейм". Стенографический отчет. 16 февраля 1918 г., с. 35.*
18. *Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии, с. 63.*
19. *Там же, сс. 87-88. [161-162]*
20. *"Закавказский Сейм". Стенографический отчет. 22 февраля 1918 г., с. 23.*
21. *Там же, с. 25.*
22. *Там же, с. 56.*
23. *"Закавказский Сейм". Стенографический отчет. 26 февраля 1918 г., с. 14.*
24. *Там же.*
25. *Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии, с. 116.*
26. *Там же, с. 117.*
27. *Там же, с. 139.*
28. *Там же, с. 83.*

29. "Закавказский Сейм". Стенографический отчет. 17 февраля 1918 г., с. 2.
30. Аркомед С. Т. Материалы по истории отпадения Закавказья от России. Тифлис, 1923, с. 42.
31. Там же, с. 42.
32. Там же, сс. 155-156.
33. Там же, с. 157.
34. Ставропольский А. Закавказье после Октября. М. - Л., 1925, с. 30.
35. "Закавказский Сейм". Стенографический отчет. 31 марта 1918 г., с. 10.
36. Там же, с. 19.
37. Там же, с. 20.
38. Там же, сс. 31-32.
39. Там же, с. 27.
40. Там же, с. 12.
41. Токаржевский Е. А. Из истории иностранной интервенции и гражданской войны в Азербайджане. Баку, 1957, с. 54.
42. Аркомед С. Т. Указ. раб., с. 63.
43. "Закавказский Сейм". Стенографический отчет. 16 февраля 1918 г., с. 26.
44. Азербайджан, 1919, 14 декабря.
45. Азербайджан, 1919, 28 мая.
46. "Закавказский Сейм". Стенографический отчет. 16 февраля 1918 г., с. 31.
47. "Закавказский Сейм". Стенографический отчет. 31 марта 1918 г., с. 29.
48. Там же, с. 33.
49. Там же, с. 36. [162-163]

Мартовские события 1918 года – переломный момент в борьбе за национальную независимость

К началу 1918 г, партия "Мусават" заметно укрепила свои позиции в качестве ведущей политической силы азербайджанского общества. Власть не только в Гянджинской, но и в значительной части Бакинской губернии фактически находилась в руках "Мусавата". Успехи "Мусавата" вынуждены были признать даже самые непримиримые его противники - большевики. Так, С. Г. Шаумян в этот период отмечал: "С самого начала самая слабая политическая партия в Закавказье - "Мусават", которая организовалась во время этой революции, которая не имела никаких организаций, никаких партийных традиций, никакой власти, которая не играла никакой роли в начале революции, к началу второго года оказалась самой сильной политической партией в Закавказье" (1).

Большевики особенно тревожил тот факт что процесс формирования азербайджанских национальных воинских формирований под руководством "Мусавата", хотя с трудом, но все же продвигался вперед. Они понимали, что политический авторитет "Мусавата", подкрепленный реальной военной поддержкой в лице национальных частей, делает его практически неуязвимым. В этом контексте вполне закономерно, что по мере укрепления позиций "Мусавата", отношения между ним и Бакинским Советом все более ухудшались. Большевики, возглавлявшие Бакинский Совет, искали лишь повода для нанесения упреждающего удара по "Мусавату", чтобы приостановить процесс дальнейшего укрепления этой партии как в политическом, так и в военном отношении. И такой повод им представился в марте 1918 г. в Баку.

Мартовские события 1918 г., приведшие только в Баку к гибели более 10 тысяч ни в чем не повинных людей, в подавляющем своем большинстве азербайджанцев, являются одной из самых страшных и трагических страниц новейшей азербайджанской истории. На протяжении десятилетий эти события в советской историографии преподносились как спровоцированная якобы мусаватистами гражданская война, победа в которой еще больше укрепила Советскую власть в Баку. В одной из таких работ, изданной накануне распада СССР мы читаем: "...события марта 1918 г. в Баку были проявлением гражданской войны. В [163-164] них вооруженные силы Бакинского Совета в лице частей Красной Армии и отрядов Красной гвардии противостояли мусаватистам поднявшим контрреволюционный мятеж. В результате трехдневных боев мятежники были разгромлены и изгнаны из Баку. В ходе этих боев попытки дашнаков и мусаватистов превратить их в межнациональные столкновения не имели успеха. Бои носили характер классовой борьбы между пролетариатом и буржуазией" (2).

При этом советскими исследователями совершенно замалчивался тот факт, что именно мартовские события, углубив пропасть между Бакинским Советом и азербайджанскими массами, стали

началом конца большевистской власти в Баку. Даже такая одиозная фигура, как А. И. Микоян, выступая в 1923 г. на V съезде АКП (б) вынужден был констатировать тот факт, что "мартовские события имели другим своим последствием еще большее отчуждение мусульманских трудовых масс от Советской власти" (3).

Попытаемся проанализировать основные причины, характер и последствия мартовских событий 1918 г. Как было уже отмечено, в этот период партия "Мусават", пользующаяся поддержкой подавляющего большинства азербайджанских масс, выступала за предоставление национально-территориальной автономии Азербайджану. Создание азербайджанской автономии, к тому же под руководством "Мусавата", было абсолютно неприемлемым для большевистского руководства, т. к. оно означало передачу власти "Мусавату". Неслучайно, что С. Г. Шаумян это вполне естественное требование "Мусавата" интерпретировал как "мечту азербайджанских националистов" сделать Баку "столицей Азербайджанского ханства" (4). Таким образом, священное для каждого народа стремление к национальному освобождению лидер кавказских большевиков считал проявлением национализма, и такая позиция не могла не привести к трагедии.

Большевики, проповедующие идеи классовой борьбы, рассматривали национальные идеи как фактор, дезорганизующий и дезориентирующий трудовые массы в этой борьбе. В силу этого они не могли смириться с присутствием, и, тем более, доминированием на политической арене Азербайджана партии "Мусават", чьим политическим кредом являлась борьба за национальное освобождение азербайджанцев. К тому же, "Мусават" являлся главным препятствием на пути распространения большевистской власти по всему Азербайджану. Следовательно, [164-165] по логике большевистских лидеров, партию "Мусават" необходимо было убрать с пути, чтобы обезопасить свою власть в Азербайджане. Это стремление большевиков и привело к мартовской трагедии в Баку. Последней каплей переполнившей чашу терпения большевиков в отношении "Мусавата", по видимому, стало последовательное отстаивание мусаватистами в Сейме идеи независимости Закавказья и его отделения от России.

Несомненно, в столь масштабном характере мартовской трагедии наряду с упомянутыми объективными факторами немаловажную роль сыграли и некоторые моменты субъективного плана, в частности, факт нахождения во главе Бакинского Совета такой фигуры, как С. Г. Шаумян. Ведь среди большевистских лидеров он выделялся своим крайне враждебным отношением к праву народов на самоопределение, выступая даже против простого декларирования этого принципа. Именно это обстоятельство вынудило В. И. Ленина еще в 1914 году написать С. Г. Шаумяну: "Не стыдно ли российскому марксисту стоять на точке зрения армянского курятника? ...из "армянской" слепоты Вы становитесь подручным Пуришкевичей и их национализма" (5).

Впрочем это не помещало В. И. Ленину в декабре 1917 г. поручить задачу реализации плана создания армянской автономии на временно оккупированной русскими войсками турецкой территории С. Г. Шаумяну. В подписанном В. И. Лениным и И. В. Сталиным "Декрете о Турецкой Армении" от 29 декабря 1917 г., в частности, говорилось: "Совет Народных Комиссаров (СНК) объявляет армянскому народу, что Рабочее и Крестьянское правительство России поддерживает право армян оккупированной Россией "Турецкой Армении" на свободное самоопределение". С целью проведения "свободного референдума армянского народа" по этому вопросу, в декрете были предусмотрены следующие мероприятия:

"1) Вывод войск из пределов "Турецкой Армении" и немедленное образование армянской народной милиции в целях обеспечения личной и имущественной безопасности жителей "Турецкой Армении".

2) Беспрепятственное возвращение беженцев-армян, а также эмигрантов-армян, рассеянных в различных странах, в пределы "Турецкой Армении".

3) Беспрепятственное возвращение в пределы "Турецкой Армении" насильственно выселенных во время войны турецкими властями в глубь Турции армян, на чем СНК будет настаивать при мирных переговорах с турецкими властями. [165-166]

4) Образование Временного народного правления "Турецкой Армении" в виде Совета депутатов армянского народа, избранного на демократических началах".

Согласно декрету, границы "Турецкой Армении" должны были определяться "демократически избранными представителями армянского народа по соглашению с демократически избранными представителями смежных спорных (мусульманских и иных) округов, совместно с чрезвычайным временным комиссаром по делам Кавказа С. Г. Шаумяном" (6).

Декрет обязывал С. Г. Шаумяна оказывать всяческое содействие армянским организациям "для проведения в жизнь национальной идеи, которую ждал в течение веков угнетенный армянский народ" (7).

Вполне закономерно, что развязка конфликта между большевиками и "Мусаватом" произошла в Баку. Это было связано с целым рядом факторов, обуславливающих значимость города для противоборствующих сторон. Во-первых, как подчеркивал М. Э. Расулзаде, "Баку был центром тюркского национального движения и большевики хотели уничтожить этот центр" (8). Во-вторых, бакинская нефть являлась "главным нервом всей российской фабрично-заводской промышленности и транспорта" (9). И наконец, в третьих, большевики рассматривали Баку в качестве "опорного пункта" для распространения своей власти по всему Закавказью и потерю которого они никак не могли допустить. По большому счету именно в Баку решался вопрос жизни и смерти большевистской власти в Закавказье. Поэтому, отнюдь неслучайно, что большевики решили вступить в решающий бой с "Мусаватом" именно в Баку.

Исторические факты убедительно доказывают всю несостоятельность обвинений в адрес "Мусавата" о том, что он якобы спровоцировал мартовские события 1918 г. в Баку.

Впоследствии лидер партии "Мусават" М. Э. Расулзаде по этому поводу говорил: "В мартовских событиях обвиняли "Мусават". Это было совершенно безосновательно, т. к. для объявления войны нужно было располагать хоть какой-нибудь физической силой, которой у "Мусавата" не было. Другие обвиняют "Мусават" в том, что он вызвал мартовские события путем защиты идеи автономии Азербайджана. Это, может быть, похоже отчасти на правду. Если бы мы покорно гнули головы перед врагами нашей свободы, не было бы, может быть, этих событий. Но мы этого сделать не могли. Мы открыто в то время требовали автономии для Азербайджана. Этим мы увеличивали [166-167] число наших врагов. Наши враги говорили, что автономии Азербайджана желают некоторые лица для своих личных интересов и, что это не является желанием всего азербайджанского народа. Но они отлично знали, что народ идет за "Мусаватом". Ведя с нами борьбу, они вели борьбу с азербайджанским народом. Все так называемые левые партии направляли свои удары на "Мусават". Наша партия всячески старалась избежать этих событий. Она через газету "Ачыг сез" обратилась к населению с призывом не поддаваться эмоциям, но тем не менее, война была начата. Известие о мартовских событиях достигло членов ЦК (партии "Мусават" - А. Б.) в Гяндже и Тифлисе" (10).

Действительно, у азербайджанцев, в том числе у партии "Мусават", накануне мартовских событий в Баку и его окрестностях не было сколь-нибудь крупных воинских формирований. Этот факт подтверждает и Я. Раггаузер, который в своей работе "Революция и гражданская война в Баку" пишет: "Регулярных воинских частей у партии "Мусават" к началу событий в городе не было. Мусаватские силы, находившиеся в районах, не были своевременно подтянуты к городу. Мы предполагаем, что руководящее ядро партии "Мусават" не ожидало начала боя в день 30 марта" (11).

К тому же, вследствие двухмесячного закрытия железнодорожного движения между Баку и Тифлисом, в Баку скопилось несколько тысяч антиазербайджански настроенных вооруженных армянских солдат, возвращающихся с персидского и западного фронтов домой или направляющихся на Кавказский фронт. Если добавить сюда и несколько тысяч хорошо вооруженных боевиков партии "Дашнакцутюн", то станет ясным, что в этот момент соотношение вооруженных сил в Баку было явно не в пользу "Мусавата". Обыкновенный здравый смысл подсказывает, что в подобных условиях "Мусават" не мог быть инициатором вооруженной схватки с большевиками.

С другой стороны, следует учесть и тот факт, что за пять дней до начала мартовской трагедии, Армянский Национальный Совет ходатайствовал об отводе части армянских вооруженных сил из Баку на фронт и с этой целью обратился ко всем партиям и организациям, и в первую очередь, к "Мусавату", контролирующему значительную часть железнодорожного пути в Гянджинской губернии, с просьбой "принять самые решительные меры, какие необходимы для устранения препятствий, мешающих скорейшему открытию безопасного сообщения Баку-Тифлис" (12). [167-168]

Простая логика подсказывает, что "Мусавату", прежде чем оршли ювать вооруженное выступление в Баку, гораздо выгоднее было выждать ухода из города хотя бы части армянских формирований.

В отличие от "Мусавата", для большевиков мартовские события не оказались неожиданностью, поскольку именно они являлись их инициаторами и организаторами. Так, выступая 26 марта 1918 г. Джапаридзе подчеркивал, что "вся наша прежняя политика сводилась к тому, чтобы выиграть время. Мы знали, что нам придется вступить в схватку с контрреволюционными силами и готовились к ней" (13).

Приверженность большевиков к вооруженному свержению власти "националистических феодально-буржуазных верхов" никогда не скрывалось даже в советской историографии. Как отмечал С. Г. Шаумян, "наша политика - гражданская война, и кто против этой политики, те слуги наших врагов" (14). С этой целью они стремились превратить Баку в стартовую площадку для начала гражданской войны, призванной утвердить большевистскую власть на всей территории Закавказья. В резолюции Бакинского Совета, предложенной большевиками, в частности, отмечалось: "Бакинский Совет считает своим революционным долгом прийти на помощь братскому рабочему классу и крестьянству всего

Закавказья и вместе с ним свергнуть эту контрреволюционную и преступную власть Сейма" (15). Мартовская трагедия стала закономерным итогом подобной политики большевистской партии.

Накануне мартовских событий большевики в Баку предпринимали энергичные шаги по формированию частей Красной Армии и по привлечению в свою сторону Каспийской военной флотилии. В письме И. В. Сталину от 16 марта 1918 г. С. Г. Шаумян просил Совнарком РСФСР ассигновать 10 млн. руб. на нужды Военно-революционного комитета Кавказской Армии. При активной поддержке центра большевикам удалось довести к середине марта 1918 г. численность своих вооруженных частей в Баку до 6 тыс. чел.

По замыслу большевистских вождей первым аккордом гражданской войны в Закавказье должно было стать уничтожение мусаватских сил в Баку. Им необходим был лишь удобный случай для развязывания вооруженной борьбы, который вскоре и представился. Им стал инцидент с пароходом "Эвелина", на котором в Баку прибыли офицеры и солдаты мусульманской дивизии во главе с ген. Тальшинским для участия на похоронах своего [168-169] сослуживца, сына Г. З. Тагиева. Большевики, предпочитавшие не замечать присутствия в городе многотысячных армянских частей, 29 марта на пароходе "Эвелина" обезоружили несколько десятков офицеров и солдат мусульманской дивизии, собиравшихся отплыть в Ленкорань.

Возникает вопрос: если руководители Бакинского Совета действительно не хотели вооруженного столкновения и кровопролития в городе, как это они уверяли, то почему воспрепятствовали мирному уходу из города единственной вооруженной группы азербайджанцев?

Это был хорошо спланированный шаг с целью провоцирования азербайджанцев на ответные действия, чтобы получить повод для развязывания настоящей войны против них. К сожалению, большевики в своих расчетах не ошиблись. Разоружение немногочисленной азербайджанской части вызвало справедливое возмущение фактически безоружного и беззащитного перед хорошо вооруженными армянскими формированиями азербайджанского населения Баку и его окрестностей.

30 марта с утра в различных районах города начались стихийные митинги азербайджанцев, требовавших возвращения отнятого оружия. Для предотвращения дальнейшей эскалации напряженности в городе в 14 часов на квартире Н. Нариманова состоялись переговоры между М. Э. Расулзаде и С. Г. Шаумяном, в результате которых было достигнуто согласие вернуть отобранное оружие мусульманской дивизии через большевистскую организацию "Гуммет". Однако дальнейшие события показали, что это было лишь отвлекающим маневром С. Г. Шаумяна и он вовсе не собирался выполнить свое обещание. Тем временем ситуация в городе с каждой минутой накалялась, положение не спасли даже призывы "мусавата" к населению проявить сдержанность.

В этой ситуации, воспользовавшись провокационным обстрелом конного отряда Красной Армии, исполнители которого так и остались неизвестными, большевики начали крупномасштабную военную операцию против мирного азербайджанского населения Баку. Собственные слова С. Г. Шаумяна свидетельствуют о том, что большевикам нужен был лишь повод: "Мы воспользовались поводом, первой попыткой вооруженного нападения на наш конный отряд, и открыли наступление по всему фронту... у нас были уже вооруженные силы около 6 тысяч человек. У "Дашнакцутюн" имелось также около 3-4 тысяч национальных частей, которые были в нашем распоряжении. Участие последних придало отчасти гражданской войне характер [169-170] национальной резни, но избежать этого не было возможности. Мы шли сознательно на это. Если б они взяли верх в Баку, город был бы объявлен столицей Азербайджана" (16).

Один из лидеров партии "Дашнакцугюн" - О. Качазнуни, впоследствии, объясняя причины активного участия армянских формирований в мартовских событиях писал: "Большевики тогда внушительной силы не представляли, их успех основывался главным образом на том взаимном недоверии, которое господствовало в противоположном лагере. Большевикам могли противопоставить реальную силу лишь две партии - "Мусават" и "Дашнакцутюн". Но для того, чтоб иметь успех в своей борьбе с большевизмом, этим партиям необходимо было объединиться, а это было невысказано, потому что не было взаимной веры и доверия. "Дашнакцутюн" понимал, что "Мусавату" его дружба нужна постольку, поскольку существует большевистская угроза и опасность. Нейтрализовав большевиков, "Мусават" во вторую очередь должен был удалить с политической арены и "Дашнакцутюн". Вне всякого сомнения, что так сделали бы и большевики после того, как при содействии вооруженных дашнакских отрядов уничтожат "Мусават". С точки зрения безопасности армянского населения Баку, диктатура большевиков была значительно приемлемее, чем диктатура "Мусавата". Этим лишь объясняется, что наши в Баку все больше и больше предавались большевистскому движению и служили как бы опорой для него... нас к этому принуждала турко-татарская опасность" (17).

Стратеги "Дашнакцутюна" предполагали, что "укрепившись в Баку и привлекая к Баку турко-татарские силы, тем самым спасут остальную часть Армении от турецкого нашествия" (18).

Под предлогом борьбы с мусаватистами большевистско-дашнакские отряды фактически вели целенаправленное уничтожение мирного азербайджанского населения. Упорные бои шли в самом центре города, и в частности, в районе Ичеришехер. Наступлением большевистских сил на эту историческую часть города командовал лично А. И. Микоян. Аэропланы подвергали бомбардировке азербайджанские кварталы, а выдвинутые к берегу корабли Каспийской флотилии вели по ним прицельный огонь из своих орудий. С. М. Эфендиев отмечал, что "дашнаки уничтожали не только мусаватистов, но всех мусульман вообще... Ход событий создал такое положение, при котором товарищи, стоявшие во главе Совета – Шаумян, Джапаридзе и другие сами стали узниками дашнаков" (19). [170-171]

В насилиях над мирными азербайджанцами активное участие принимали не только армянские формирования, но и части Красной Армии. При этом немаловажное значение имел тот факт что части Красной Армии Бакинского Совета "состояли почти исключительно из совершенно небоеспособных армян - фронтовиков, руководимых дашнакскими офицерами" (20). Достаточно отметить, что в это время начальником штаба Красной Армии в Баку являлся полковник бывшей царской армии, член партии "Дашнакцутюн" - З. Аветисян. Другой представитель дашнакской партии, печально знаменитый своими зверствами над азербайджанским населением Амазасп командовал 3-й бригадой Красной Армии.

В ночь с 30 на 31 марта 1918 г. был образован т. н. "Комитет революционной обороны", объявленный "высшим военно-политическим органом в г. Баку и его районах" (21). В состав этого комитета, руководившего истреблением мирных азербайджанцев, вошли: С. Г. Шаумян, Г. Корганов, П. Джапаридзе и И. Сухарцев. Кроме того, в его состав были приглашены лидер правых эсеров С. Саакян, руководитель бакинской организации партии "Дашнакцутюн" С. Мелик-Еолчян (22).

Несмотря на то, что представительство в данном комитете национальных организаций в принципе было отвергнуто большевистскими лидерами Бакинского Совета, это вовсе не помещало включению в его состав руководителя бакинских дашнаков. Данный факт свидетельствует о том, что большевики, объявившие в этот момент смертный бой "мусульманским националистам из "Мусавата", не рассматривали дашнакскую партию национальной организацией. Единственным представителем азербайджанцев в этом пресловутом комитете являлся Н. Нариманов. Правда, некоторые исследователи отрицают факт его участия на заседаниях комитета. Не споря с авторами подобных мнений, все же необходимо отметить, что Н. Нариманов никогда в публичной форме не отказывался от участия в его деятельности. Да и сам факт приглашения именно Н. Нариманова в состав комитета в качестве единственного представителя азербайджанцев говорить о весьма доверительном отношении к нему со стороны руководителей Бакинского Совета. В этом отношении Н. Нариманов отвечал им, по крайней мере в ходе мартовских событий, взаимностью. Не следует также забывать, что Н. Нариманов был единственным представителем от азербайджанцев в первоначальном составе бакинского СНК, сформированным в [171-172] конце апреля 1918 г. Это является подтверждением поддержки политики Бакинского Совета со стороны Н. Нариманова.

Впрочем, ради справедливости следует отметить, что ужасающие размеры зверств в отношении азербайджанцев в первый момент привели Н. Нариманова и возглавляемую им большевистскую организацию "Гуммет" в полную растерянность. Так, сразу после событий газета "Гуммет" писала: "Мы себя не обманывали и не обманываем. Мы отлично знаем, что борьба, носившая вначале политический характер, приняла в конце национальную окраску. Не только знаем, но даже имеем в руках факты и в надлежащее время с этими доказательствами (фактами) в руках мы скажем Советской власти наше слово. Потому пусть мусульмане не думают, что мы себя обманываем. Нет. Мы, оставаясь большевиками, не позволим в то же время, чтобы напрасно пролитая кровь мусульманской бедноты осталась без последствий. Всеми своими силами мы будем стараться выяснить все те подлости, которые были совершены по отношению к мусульманам" (23).

Сам Н. Нариманов в письме С. Г. Шаумяну и Джапаридзе, опубликованным в том же номере газеты "Гуммет", подчеркивая, что "эти события запятнали и очернили Советскую власть", отмечал: "Если вы в ближайшее время не разорвете эту черную завесу и не снимете это пятно, большевистская мысль и Советская власть здесь удержаться не сумеют. Вам известно, что завоеванная с помощью оружия власть, не обретя поддержки в народе, не проживет" (24). К сожалению, это оказалось мимолетным и импульсивным проявлением политической принципиальности и осознанием своего национального долга со стороны Н. Нариманова, вскоре подавленным "партийной дисциплиной" и "классовым сознанием". В целом, в оценке мартовских событий Н. Нариманов и большевистский "Гуммет" полностью придерживались позиции руководителей Бакинского Совета, рассматривая главным виновником случившегося кровопролития "интриганов, жаждущих крови нации из контрреволюционной партии "Мусават" (25).

Правда, в гибели ни в чем не повинных мирных людей Н. Нариманов обвинял и дашнакскую партию. При этом Н. Нариманов, видимо, запомнил, что привлечение дашнакских формирований к участию в мартовских событиях было прямым следствием политики большевистской партии, позиции которой он с таким рвением и упорством защищал. В ходе мартовских событий большевики цинично использовали национальную рознь [172-173] между азербайджанцами и армянами для укрепления своей власти в Баку. Таким образом, большевистский "Гуммет" фактически поддержал применение силы против собственного народа. Для сравнения отметим, что грузинские большевики в аналогичной ситуации заняли прямо противоположную позицию. В ноябре 1917 г. потерпев неудачу при захвате власти мирным путем в Тифлисе, руководители грузинских большевиков - Ф. Махарадзе, Б. Мдивани, О. Торшелидзе и др., проигнорировав настоятельные требования В. И. Ленина и И. В. Сталина, в категорической форме отказались от подготовки вооруженного восстания. Грузинские большевики заявили: "Ни одного выстрела! Ни одна пуля не должна пронзить грудь рабочего, грудь солдата! Мы всегда были убеждены в том, что вопрос, который вызвал конфликт, может быть разрешен мирным путем" (26).

Следует признать, что даже при более жесткой позиции большевистский "Гуммет", учитывая его организационную слабость и низкий авторитет, вряд ли был в состоянии предотвратить мартовскую трагедию. Однако это вовсе не оправдывает его, по существу, беспринципное отношение к мартовским событиям и стремление руководителей этой организации выглядеть "больше католиками, чем сам папа".

Резня азербайджанцев в Баку продолжалась три дня, в течение которых в городе творились невиданные ужасы. Сам С. Г. Шаумян вынужден был признать, что "в результате гражданской войны пострадала масса бедных и бездомных мусульман, т. к. нам пришлось прибегнуть к помощи армянского полка и мы не могли допустить себе роскошь отказаться от их услуг". Хотя тут же подчеркивал, что "...победа настолько велика, что это мало омрачает действительность" (27).

Даже меньшевистская газета "Наш голос", не питающаяся никаких симпатий к азербайджанцам и "Мусавату", квалифицировала мартовские события как национальную резню и тут же была закрыта постановлением т. н. "Комитета революционной обороны" "ввиду появившихся в ней не отвечающих действительной оценке событий и явно тенденциозных статей" (28).

Убийства и грабежи мирных азербайджанцев в городе со стороны большевистско-дашнакских частей не прекращались даже после принятия ультиматума, предъявленного большевистскими лидерами партии "Мусават" и другим азербайджанским национальным организациям. В ультиматуме от последних требовалось "открытого и безоговорочного признания власти Бакинского Совета, выведение за пределы Баку и его районов [173-174] азербайджанских воинских частей, и в первую очередь "дикой дивизии", а также принятия срочных мер для открытия железнодорожного пути от Баку до Тифлиса и от Баку до Петровска" (29).

Характерно, что добиваясь ухода из города немногочисленных и неорганизованных азербайджанских вооруженных групп, большевики в отношении армянских формирований придерживались совсем иной линии, пытались их интегрировать в Красную Армию. Так, в предписании т. н. "Комитета революционной обороны" от 20 апреля 1918 г., кстати, подписанным и Н. Наримановым, Армянскому Национальному Совету предлагалось лишь "расформировать особые армянские национальные воинские части и слить их с существующими и вновь формируемыми интернациональными советскими войсками" (30). В конечном итоге, "Комитет революционной обороны" 26 апреля 1918 г. принял следующее постановление:

"1) 2-й Армянский Запасный Пехотный Полк расформируется. Часть его входит в состав батальона Амазаспа, другая часть вливается в формируемые красные советские батальоны.

2) Батальоны Амазаспа реорганизируются, всецело подчиняются Советской власти и входят в Красную Армию под названием 16 и 17 батальонов Красной Армии" (31).

Практически речь шла о сохранении под ширмой советских войск армянских формирований, которые впоследствии активно использовались руководителями Бакинского Совета для утверждения своей власти в регионах Азербайджана. Так, большой отряд, отправленный в Губу под командованием вышеупомянутого дашнакца Амазаспа "для установления Советской власти", состоял исключительно из армян, принадлежавших к партии "Дашнакцутюн". Отряд был сформирован под личным контролем председателя Военно-революционного комитета Кавказской армии Г. Коргановым.

В результате карательной акции, проведенной отрядом Амазаспа в Губе было убито около 2 тыс. мирных азербайджанцев. В одном из своих выступлений перед жителями Губы Амазасп заявил: "Я Герой армянского народа и защитник его интересов. Я прислан сюда с карательным отрядом, чтобы отомстить вам за смерть тех армян, которые были убиты здесь две недели назад. Я прислан не для водворения порядка и установления Советской власти, а для отомщения вам за убитых армян, мне приказано было уничтожить всех мусульман от [174-175] берегов Каспийского моря до Шахдага, и жилища ваши сравнять с землей" (32).

Карательный отряд Амазаспа кроме убийств, занимался еще мародерством и грабежей имущества азербайджанского населения. По подсчетам общественных деятелей, отрядом Амазаспа в Губе было "похищено четыре миллиона рублей наличными деньгами, золото, золотых изделий и драгоценных камней на четыре с половиной миллиона, разного товара и съестных припасов на двадцать пять миллионов рублей" (33).

Еще до событий в Губе вооруженными силами Бакинского Совета под командованием Амазаспа и Аветисова был предан огню и полностью сожжен, вплоть до исторической Джума - мечети, город Шамахи. Такая же трагическая участь постигла другие города Азербайджана - Ленкорань, Сальян, Кюрдамир. Все эти факты в советской историографии характеризовались "установлением с помощью бакинского пролетариата Советской власти в уездах Азербайджана" (34).

Вышеизложенные факты свидетельствуют о том, что по своей сути мартовские события 1918 г. не соответствовали даже ленинской трактовке гражданской войны, которая, по мнению большевистского вождя, являлась "естественным, при известных обстоятельствах неизбежным продолжением, развитием и обострением классовой борьбы" (35).

Непредвзятый и объективный анализ со всей наглядностью показывает, что эти события были проявлением не классовой, а национальной борьбы. Ведь руководство Бакинского Совета вело борьбу не по классовому, а по национальному признаку, направляя свой главный удар не против классовых врагов большевиков, а против мирного азербайджанского населения и представляющих его интересы политических сил, и в первую очередь, против партии "Мусават". При этом С. Г. Шаумян и его единомышленники шли на откровенно беспринципный союз с армянскими националистическими группировками во главе с их авангардом - партией "Дашнакцутюн", а также с политическими организациями, стоявшими на позициях великодержавного шовинизма. "Ачыг сез" в те дни отмечала, что "те самые большевики, которые с меньшевиками в течение года душили друг друга, сегодня сдаются кадетам, дашнакам и прочим, капитулируют перед ними... Такое сотрудничество, - продолжала газета, - возможно только на почве национальной борьбы; и что политика натравливания одной нации на другую является трагической капитуляцией демократии" (36). Впрочем, в этот период [175-176] большевистских лидеров, стремящихся любыми средствами укрепить свою власть, меньше всего волновала судьба демократии.

Неслучайно, С. Г. Шаумян цинично заявлял: "...мы не придаем большого значения тому, какая программа у партии "Мусават". Программа для нас важна постольку, поскольку она отражает социально-политические стремления представляемого партией класса. Но партийная теория не всегда соответствует практике" (37). Ярчайшим примером такого несоответствия стала деятельность большевиков в дни мартовских событий 1918 г.

После этих событий Бакинский Совет распустил городскую Думу, возглавляемую Ф. Х. Хойским, ликвидировав тем самым последний оппозиционный Совету орган в Баку. Как видим, январский 1918 года акт небезызвестного матроса Ан. Железнякова с благославенных берегов Балтики положил начало традиции, дошедшей в скором времени до не менее благословенных берегов Каспия.

2 апреля 1918 г. Закавказский Сейм был информирован о бакинских событиях. Для ознакомления с ситуацией на месте Сейм решил направить в Баку делегацию в составе - И. Гейдарова, О. Тиграняна, Д. Ониашвили, М. Махмудова и Д. Мелик-Еганова. По существу, этим и ограничилась реакция Сейма на события в Баку. Отвечая на соответствующий запрос азербайджанских депутатов об этих событиях, министр внутренних дел Закавказского правительства Н. В. Рамишвили довольствовался только тем, что заявил: "Мы не будем сообщать всего того, что нам по этому поводу известно. Все это нами будет сообщено в свое время и подробно Закавказскому Сейму" (38).

Подобное отношение грузино-армянского большинства Сейма вызвало возмущение азербайджанских депутатов. Довольно жестким было выступление лидера "Мусульманского социалистического блока" А. Сафикюрдского, который, в частности, сказал: "Большевики не являются интернационалистами; многими партиями высказывается мысль, что это исключительно великорусская партия, которая под видом большевизма хочет объединить вокруг себя всю России и водворить то самодержавие, которое мы недавно свергли". Указав на то, что "на большевиков не действуют слова", он далее заявил: "От имени "Мусульманского социалистического блока", который боролся и будет бороться с большевизмом, предупреждаем и просим правительство, что если оно не примет решительных мер, мы сами разгромим их, пусть это слышат их представители, если они здесь находятся" (39). [176-177]

А. Сафикюрдского поддержал М. Э. Расулзаде. В своей речи он отметил, что "если Закавказское правительство, Закавказский Сейм не считаясь с этим моментом не примет решительных шагов, которые требовал здесь представитель партии "Мусульманского социалистического блока", то имейте в виду, что нам невозможно будет сидеть здесь и самостоятельно вести солидарную работу. Надо всеми мерами выступить против большевиков, против натиска с севера, который способен прервать нашу

самостоятельную, нашу солидарную жизнь. Если мы не возьмемся солидарно за это дело, то невозможна никакая солидарная работа и никакое счастье для Закавказья" (40).

Другой представитель "Мусавата" в Сейме М. Махмудов прямо обвинил закавказские власти в попустительстве большевикам. Он сказал: "Когда мы говорили, что наши части не вооружены и хотели получать оружие, то вы усматривали в этом охоту на винтовки. Это не была охота на винтовки, это был крик больной души. Мы предвидели, что будет такая катастрофа, и для предотвращения этого события, нам необходимы были винтовки. Бакинские события, это результат вашего недоверчивого отношения, недоверчивого отношения правящих сфер к организуемым азербайджанским частям" (41). Касаясь решения Сейма о посылке делегации в Баку, М. Махмудов заметил, что "теперь необходимо послать в Баку не делегацию, а силу" (42).

Но грузино-армянское большинство Сейма вовсе не собиралось предпринимать какие-либо силовые методы воздействия на Бакинский Совет. Данное большинство больше всего волновала турецкая опасность, нежели угроза со стороны большевиков и проблемы, связанные с бакинскими событиями. Пытаясь как-то успокоить азербайджанских депутатов, Н. В. Рамишвили ограничился лишь заверением о том, что правительство принимает все меры для восстановления порядка, о которых он, якобы по многим причинам "в настоящее время лишен возможности дать более подробные сведения" (43).

Однако переписка между находящимся в Баку членом фракции грузинских меньшевиков Сейма Г. Тер-Газаряном и Н. Жордания свидетельствует об обратном. Так, Г. Тер-Газарян сообщал из Баку в Тифлис: "Со 2 апреля в Баку спокойно. Имеются сведения о движении на Баку воинских частей из Тифлиса и вооруженных мусульман из Гянджи... Все, без исключения, социалистические, демократические, революционные партии соединились с Бакинским Советом для обороны бакинского [177-178] района против наступающих на юрод воинских сил. Никакое выступление сеймовских сил против Баку недопустимо" (44).

В ответ на это сообщение, 5 апреля 1918 г. Н. Жордания успокаивая Г. Тер-Газаряна, писал: "Ни революционные организации, ни правительство, в движении на Баку участия не принимают... движение мусульман, как сообщают, носит массовый характер и остановить его трудно. Мусульманский корпус хочет придать походу организованный характер; необходимо, чтобы бакинцы приняли все меры к мирной ликвидации конфликта. Мы все заняты войной с Турцией, той, которая уже началась" (45).

Перечисленные факты опровергают домыслы нескольких поколений советских историков, утверждавших об отправке закавказскими властями после мартовских событий в Баку карательной экспедиции. Один из таких авторов, Е. А. Токаржевский по этому поводу пишет: "Закавказский Сейм немедленно откликнулся на призыв мусаватистов и вынес постановление об отправке войск для наступления на Баку. С этой целью Сеймом было отпущено 500 тыс. руб., выделены пехотные и кавалерийские части, 2 аэроплана, бронепоезд, большое количество оружия и снаряжения" (46).

Единственному бронепоезду, отправленному закавказским правительством в направлении Баку, в сущности была поставлена задача не вооруженного противодействия большевикам, а помощь азербайджанским беженцам. Неслучайно, М. Махмудов выражая на Сейме свое недовольство в связи с этим фактом, сказал: "В устах правительства мы слышали, что правительство послало бронированный поезд на помощь беженцам, как будто цель правительства оказать помощь беженцам, а не пресечь то зло, которое имело место в Баку" (47).

Между тем представители сеймовой фракции партии "Дашнакцутюн" предложили устранить последствия бакинских событий. Суть их предложений сводилась к тому, чтобы будущая власть в Баку была бы не чисто азербайджанской, а интернациональной и армянским формированиям было разрешено оставаться в городе. Азербайджанские фракции, обсудив данное предложение "Дашнакцутюна", решили:

"Вся власть в Баку и Восточном Закавказье должна принадлежать азербайджанцам, если мы потеряли эту власть временно, то лишь потому, чтобы вернуть ее целиком и окончательно" (48). [178-179]

Хотя в результате мартовских событий Бакинский Совет стал полновластным хозяином в городе, но победа, одержанная большевиками в конечном итоге оказалась пирровой. Большевикам так и не удалось достичь своей стратегической цели обезглавить и разгромить Азербайджанское национальное движение, поскольку основные силы национального движения, находящиеся в регионах Азербайджана, не пострадали. Лидеры "Мусавата", фактически осуществлявшие руководство национальным движением, также остались невредимыми.

Впоследствии большевики сетовали, что "недостаточно энергично преследовали виновников мартовского выступления, руководителей партии "Мусават" (49). Это дало возможность азербайджанским лидерам, перегруппировав национальные силы, вскоре организовать контратаку на

большевистские позиции. Тем более, что обстоятельства складывавшиеся в Азербайджане после мартовских событий благоприятствовали национальной борьбе.

Как уже выше было отмечено, мартовские события окончательно подорвав и без того низкий авторитет большевиков среди азербайджанского населения, одновременно, значительно укрепили социальную базу национальных сил во главе с "Мусаватом". Другим их благоприятным последствием для азербайджанских сил стало усиление консолидационных процессов в Азербайджанском национальном движении. Оказавшись перед лицом общей угрозы национальному существованию, азербайджанские депутаты Сейма из различных партийных фракций выступили единым фронтом в оценке сущности и последствий мартовских событий.

На этой почве произошло и сближение позиций основных азербайджанских политических партий относительно перспектив и целей развития национального движения. После мартовских событий "Мусават" взял курс на полную государственную самостоятельность Азербайджана, т. к. эти события со всей наглядностью продемонстрировали невозможность преобразования России под руководством большевиков в цивилизованное демократическое государство равноправных народов. В сложившейся ситуации и другие азербайджанские партии вынуждены были поддержать эту линию "Мусавата".

Мартовские события привели к качественным изменениям не только в целях, но и в формах и средствах борьбы национального движения. Они показали, что относительно мирный период развития национального движения закончился и в [179-180] дальнейшем для достижения своих целей политические средства необходимо будет сочетать с вооруженными методами борьбы.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Шаумян С. Г. *Избранные произведения. т. II, М., 1978, с. 291.*
2. Токаржевский Е. А., Исаев З. М. *Критика советологических концепций истории социалистической революции в Азербайджане // Революция и народы России, полемика с западными историками. М., 1989, с. 165.*
3. *Бакинский рабочий, 1923, 15 марта.*
4. Шаумян С. Г. *Избранные произведения, т. II, с. 257.*
5. Ленин В. И. *ПСС, т. 48, с. 302.*
6. *Декреты Советской власти. М., 1957, т. 1, сс. 289-299.*
7. Шаумян С. Г. *Избранные произведения. М., 1978, т. II, с. 257.*
8. Расулзаде М. Э. *Азербайджанская республика. Баку, 1990, с. 33 (на азерб. яз.).*
9. *Известия Бакинского Совета, 1918, 21 мая.*
10. *Азербайджан, 1919, 6 декабря.*
11. Ратгаузер Я. *Революция и гражданская война в Баку. Баку, 1927, с. 145.*
12. *Там же, с. 142.*
13. Ратгаузер Я. *Указ. раб., с. 141-142.*
14. Шаумян С. Г. *Избранные произведения, т. II, с. 265.*
15. *Большевики в борьбе за победу социалистической революции в Азербайджане. Документы и материалы 1917-1918 гг. Баку, 1957, с. 317.*
16. Шаумян С. Г. *Избранные произведения, т. II, с. 246.*
17. Качазнуни О. В. *Дашнакцутюн больше нечего делать! - Баку, 1990, с. 21.*
18. *Там же, с. 22.*
19. *Жизнь национальностей, 1919, 6 июля.*
20. Ратгаузер Я. *Указ. раб., с. 194.*
21. *Известия Бакинского Совета, 1918, 11 апреля.*
22. *Там же.*
23. *Гуммет, 1918, 3 апреля.*
24. Нариманов Н. *Избранные произведения, т. II, с. 123.*
25. *Гуммет, 1918, 3 апреля.*
26. *Кавказский рабочий, 1917, 1 декабря.*
27. Шаумян С. Г. *Избранные произведения, от. II, сс. 249-250. [180-181]*
28. *Известия Бакинского Совета, 1918, 9 апреля.*
29. *Большевики в борьбе за победу социалистической революции в Азербайджане. Документы и материалы 1917 - 1918 гг., с. 333.*

30. *Бакинский рабочий*, 1918, 20 апреля.
31. Ратгаузер Я. Указ. раб., с. 163.
32. ЦГАНИ Азерб. Респ., ф. 1061, оп. 1, ед. хр. 95, лл. 5 - 8.
33. Там же.
34. См. например: *Очерки истории Коммунистической партии Азербайджана*. Баку, 1985, с. 349.
35. Ленин В. И. ПСС, т. 30, с. 133.
36. *Ачыг сез*, 1918, - 627.
37. Шаумян С. Г. *Избранные произведения*, т. II, с. 213.
38. *Закавказский Сейм. Стенографический отчет. 20 марта 1918 г.*, с. 34.
39. Там же, с. 35.
40. Там же, с. 39.
41. Там же, с. 40.
42. Там же.
43. Там же, с. 34.
44. Ратгаузер Я. Указ. раб., с. 159.
45. Там же, с. 160.
46. Токаржевский Е. А. *Из истории иностранной интервенции и гражданской войны в Азербайджане*. Баку, 1957, с. 55.
47. *Закавказский Сейм. Стенографический отчет. 20 марта 1918 г.*, с. 40.
48. ЦГАНИ Азерб. Респ., ф. 970, оп. 1, ед. хр. 1, лл. 26 - 27.
49. Ратгаузер Я. Указ. раб., с. 192.

Распад Закавказской Федерации

Игнорирование мнения азербайджанских представителей при обсуждении вопроса об объявлении войны Турции, а также индифферентное отношение грузинской и армянской фракций к трагическим мартовским событиям в Баку и других регионах Азербайджана, усилили до предела атмосферу подозрительности и недоверия между основными национальными секторами Сейма. [181-182]

Вечером 13 апреля 1918 г., т. е. сразу же после объявления Сеймом войны Турции, азербайджанские фракции, недовольные этими действиями грузинских и армянских депутатов, собрались на совместное заседание. Представитель "Иттихада" Э. Мамедбеков выступая на нем заявил, что после случившегося совместная работа в Сейме с грузинами и армянами немыслима и бесполезна. Исходя из этих соображений, он предложил азербайджанским депутатам выйти из состава Сейма, а затем, пригласив представителей Дагестана, Чечни и Ингушетии, подумать о дальнейшей судьбе этих народов (1).

Однако подавляющее большинство азербайджанских депутатов не поддержало предложение Э. Мамедбекова. Они, резко критикуя действия армяно-грузинского большинства в Сейме, вместе с тем справедливо полагали, что уход азербайджанских представителей из Сейма мог лишь осложнить перспективы национально-освободительной борьбы азербайджанского народа, еще больше затруднив достижение ее целей. В сложившейся ситуации подобный шаг означал добровольную самоизоляцию азербайджанских политических сил и значительное ограничение их возможностей оказать влияние на происходящие процессы.

В результате, после долгих прений было принято решение, осуждающее приостановление Деятельности Сейма и требующее в случае роспуска Сейма передачу всех его функций правительству. В решении также подчеркивалась необходимость четкого определения полномочий военной коллегии и ее подчинения правительству. В случае предоставления военной коллегии чрезвычайных полномочий министрам от азербайджанских политических партий предлагалось подать в отставку (2).

Следует отметить, что острые политические разногласия относительно путей разрешения конфликта с Турцией имелись не только между азербайджанскими представителями и армяно-грузинским большинством Сейма, но и между самими армянами и грузинами. Так, грузины были заинтересованы прежде всего в сохранении Батума и Аджарии. Для достижения этой цели они готовы были уступить туркам Каре и Ардаган. В свою очередь, армянам нужен был Карс и чтобы спасти этот город они были готовы сделать большие уступки туркам в Аджарии. Турки великолепно были

осведомлены об этих внутренних разногласиях в Сейме, и к тому же имея явное военное превосходство, твердо стояли на своих прежних требованиях.

"Махание картонным мечом" и воинственные выступления грузинских и армянских депутатов в Сейме в адрес Турции не [182-183] были в состоянии скрыть военное бессилие закавказских властей. Неудивительно, что война с Турцией для закавказских властей оказалась недолгой и продлилась всего 8 дней. За это время турки успели еще дальше продвинуться в глубь территории Закавказья. 15 апреля 1918 г. турки заняли Батум и продолжили наступление на север в направлении Поти. 18 апреля пал Каракесе, 19 апреля был захвачен Зекарский перевал, важный оборонительный рубеж на пути к Тифлису. Одновременно турецкие войска окружили Каре.

Между тем азербайджанские фракции на своем совместном заседании 19 апреля фактически в ультимативной форме потребовали объявления независимости Закавказья. При этом они довели до сведения лидеров основных фракций Сейма, что в случае игнорирования данной их позиции они вынуждены будут начать обсуждение возможности провозглашения независимости Азербайджана (3).

На фоне сокрушительных военных поражений наиболее здравомыслящие круги в грузинской и армянской политической элите, все больше осознавая бесперспективность силовых методов, также начали склоняться за мирное решение спорных проблем с Турцией. Памятуя о том, что "худой мир лучше доброй ссоры", эти круги все решительнее и открыто выступали за скорейшее заключение мирного соглашения с Турцией.

Даже лидеры "Дашнакцутюн" О. Качазнуни и А. Хатисов накануне объявления Сеймом войны Турции, 12 апреля 1918 г. сообщали из Трапезунда представителям своей партии, что "они считают необходимым обратить самое серьезное внимание на то, что при создавшихся условиях признание Брест-Литовского договора является наименьшим злом" (4).

В этот период среди грузинских меньшевиков существовала два течения в отношении выбора линии поведения с Турцией. Представители первого течения, возглавляемого Н. Жордания, не желая окончательного отделения от России, но, имея с чем, считая Брест-Литовский договор совершенно неприемлемым, полагали, что война с Турцией представляет меньшее зло, чем мирное соглашение, заключенное на подобных условиях. Сторонники же второго течения во главе с А. Чхенкели, понимая всю губительность для Грузии войны с Турцией, выступали за скорейшее достижение мирного соглашения с ней. С этой целью они были готовы выполнить основные требования турок - признать условия Брест-Литовского договора и объявить независимость Закавказья. [183-184]

Твердая позиция азербайджанских представителей в вопросе независимости Закавказья и неудачи на фронте склонили чашу весов в пользу сторонников А. Чхенкели, которые развернули в Сейме энергичную кампанию за подписание мирного соглашения с Турцией. 21 апреля 1918 г. по их настоянию Национальный Совет Грузии принял решение об объявлении независимости Закавказья. На следующий день, утром 22 апреля руководство партии грузинских меньшевиков большинством голосов (8 - за, 1 - против и 1 - воздержавшийся) также одобрило это решение и высказалось в поддержку кандидатуры А. Чхенкели на пост премьер-министра закавказского правительства взамен Е. П. Гегечкори, сторонника жесткого курса в отношении Турции.

На изменение позиции грузинских меньшевиков в вопросе независимости Закавказья, наряду с упомянутыми факторами, значительное влияние оказало то обстоятельство, что этим путем они надеялись активизировать деятельность Германии в регионе в противовес Турции. Ведь до этого грузинские меньшевики неоднократно обращались к представителям Германии с просьбой повлиять на свою союзницу - Турцию, чтобы приостановить продвижение турецких войск вглубь Закавказья. Но каждый раз ответ немецких представителей сводился к тому, что Германия не может активно вмешиваться в конфликт между Турцией и закавказскими властями, поскольку Закавказье де-юре является составной частью России, с которой у Турции исторический спор из-за Кавказа. С объявлением же независимости Закавказья устранялось это препятствие на пути вмешательства Германии в конфликт на стороне Грузии.

Как бы то ни было, эти решения Национального совета Грузии и грузинских меньшевиков кардинальным образом изменили соотношение сил в Сейме в пользу сторонников независимости Закавказья. В этой ситуации дашнакам ничего не оставалось, как согласиться с мнением большинства в Сейме. Как впоследствии отмечал Качазнуни, в случае возражений со стороны "Дашнакцутюна", "Закавказская Федерация разрушилась бы, грузины и азербайджанцы помирились бы турками и мы очутились бы в одиночестве, имея перед собой турецкую армию. Россия (ни большевистская, ни антибольшевистская) тогда не сумела бы придти нам на помощь, если-б даже она пожелала этого... Вот почему мы вынуждены были идти за своими соседями" (5).

На состоявшемся вечером 22 апреля 1918г. заседании Сейма было решено "провозгласить Закавказье независимой демократической [184-185] федеративной республикой" (6). Несмотря на то, что подобный исход заседания не вызывал никаких сомнений, т.к. основные фракции Сейма уже заранее

высказались в пользу провозглашения независимости, но само обсуждение вопроса проходило отнюдь не в спокойной обстановке. Дебаты порой принимали весьма острый характер, сопровождаясь взаимными обвинениями и оскорблениями.

В этом отношении особенно усердствовали представители левых эсеров и кадетов, которые в категорической форме выступили против объявления независимости Закавказья. Левый эсер Л. Туманов, отрицая саму возможность самостоятельного существования Закавказья без поддержки России, утверждал, что вопрос о независимости навязан Сейму "бекской партией" "Мусават" в интересах Турции. По его мнению, "...независимость, провозглашенная в такой обстановке, в какой находится сейчас Закавказье, это есть переход к полному рабству Турции" (7). Он охарактеризовал этот акт "ножом, занесенным в спину демократии" со стороны "Мусавата" (8).

Отвергая эти выпады в адрес "Мусавата", М. Э. Расулзаде заявил: "Тут понятно, когда дворянин Туманов говорит о партии "Мусават". Его психика вполне понятна. В этом дворянине Туманове, который хотя называет себя революционером, сидят еще дворянские вождедения империализма" (9). Далее М. Э. Расулзаде, раскрывая истинные причины подобного поведения Л. Туманова подчеркнул, что поскольку "ничего разумного нельзя сказать против независимости, значит надо натравливать на ту партию, которая стоит за независимость. Это теперь модно. Если сказать, как это говорили в старину империалисты, что такая-то нация панисламисты - это неудобно, не по моде демократического времени; надо свалить вину на определенную партию и дискредитировать ее тем, что это какая-то бекская партия" (10). В заключении М. Э. Расулзаде, говоря о "Мусавате", сказал: "Какая эта партия - бекская или демократическая, об этом достаточно говорит его вотум, декларация и т. д." (11).

Действительно, отчаянно сопротивляясь объявлению независимости Закавказья, ни левый эсер Л. Туманов, ни кадет Ю. Семенов взамен не предлагали ничего вразумительного. В этой связи грузинский меньшевик Д. Ониашвили резонно заметил: "Я спрашиваю Семенова, какой выход он нам предлагает, как в данном случае надо поступить народам Закавказья? Какое средство он нам рекомендует? Вуруженное сопротивление? Мы пробовали это сопротивление, но, к сожалению, оно пока не приводит ни [185-186] к какому успеху... Я уверен, что если Семенов будет рекомендовать политику сопротивления вуруженной силой, он ускорит пришествие Энвер-паши более, чем мы, социал-демократы, когда говорили о закавказской независимости. Я уверен, что в опасную минуту Семенов будет иметь возможность удрать отсюда по Владикавказской дрого, но какую гарантию он дает грузинскому народу, да и всем кавказским народам, что эти народы не будут сметены с лица земли, не будут истреблены после нашествия турецких полчищ? Он этой гарантии не желает и не может дать.

То, что мы предлагаем, это не есть панацея от всех зол. Мы не знаем, что дальше будет. Мы только говорим, что, в силу создавшегося положения вещей, исторические условия властно диктуют необходимость объявления независимой демократической республики..." (12).

Ю. Семенов, видя обреченность своей позиции, дошел до того, что пытался представить узурпацию власти в Баку большевиками актом самоопределения. Более того, он потребовал, чтобы "члены Сейма, объявляя свою независимость, исходя из принципа самоопределения, должны также признать его за городом Баку. С чьей бы помощью ни было, - утверждал он, - но город Баку самоопределился и вы должны это признать... не захотевши этого признать, вы пойдете на него войной. Вы пойдете завоевывать Баку и этим совершите первый империалистический акт" (13). Впрочем, Семенов был убежден, что закавказские власти не в силах будут совершить этот, как он выразился, "империалистический акт". "Если у вас не было сил отстоять Батум, то у вас не будет сил овладеть Баку", - пророчествовал он (14).

По существу, Семенов требовал от Сейма признания факта отторжения Баку большевиками, с чем азербайджанские политические силы не согласились бы ни при каких обстоятельствах. В силу этого азербайджанские депутаты не могли оставить без внимания подобное провокационное высказывание представителя партии кадетов. Вторично взявший слово М. Э. Расулзаде, указав на "удивительное единение и удивительный альянс" между кадетами и большевиками, сказал: " Вот тут, если вы обратили внимание, когда член Сейма Семенов говорил о Баку, он принял некоторую угрожающую позу и сказал: "Баку вы не увидите". Да, мы эту угрозу имели и раньше. Мы слышали ее и в Баку от представителя кадетской партии. Он говорил: объявите свою автономию, федерацию, но оставьте нам Баку, ибо от Москвы мы откажемся, но от Баку никогда не откажемся. Мы [186-187] имели это заявление, но мы имели и другое заявление от большевиков: "вы не размышляйте об автономной федерации, ибо ваша автономия будет неприемлема не только для российской демократии, но и для российской буржуазии по совершенно другим мотивам, и в заключение вы будете иметь не автономию, а груды развалин..." Вот каким языком, - продолжил М. Э. Расулзаде,- говорили большевики. Они эту угрозу приводят в исполнение и вот что партия кадетов называет самоопределением. Вот какое самоопределение нам сулили большевики и это самоопределение получает одобрение со стороны представителя кадетской партии" (15).

Выступление Ю. Семенова было столь вызывающим, что даже представители меньшевистского "Гуммета" в Сейме, обычно придерживающиеся пророссийской ориентации, не выдержали. Гумметист А. Шейхульсламов, протестуя против выступления Семенова, сказал: "... бакинское захватное право здесь считают самоопределением. Пришли штыки, завоевали город, принудили подчиниться населению, расстреляли население и невинных людей с мозолистыми руками и после этого говорят, что это есть самоопределение. Конечно, это понятно с точки зрения партии народной свободы, но я совершенно отказываюсь понять это. Я полагаю, что большевистское движение уже приняло совершенно другую форму, форму националистическую, форму великорусского движения. Мы имеем дело с империалистическим великорусским движением и постольку, поскольку оно носит этот характер, истинные демократы должны с ним бороться" (16). Это был один из редких моментов в короткой истории Сейма, когда позиция меньшевистского "Гуммета" полностью совпала с позицией других азербайджанских фракций, и в частности, "Мусавата".

Впрочем, до полного искоренения межфракционных трений в азербайджанском секторе Сейма было еще далеко. Это продемонстрировал и ход заседания Сейма, посвященный обсуждению вопроса объявления независимости Закавказья. Хотя представители всех четырех азербайджанских партий, представленных в Сейме единогласно проголосовали за провозглашение независимости Закавказья, но при этом каждая из этих партий обосновывала необходимость данного шага с противоположных позиций. Не совпадали их планы и относительно перспектив развития закавказской государственности.

Если "Мусават", ратуя за независимость Закавказья, стремился противодействовать воссозданию "централистской России" [187-188] под каким бы политическим и идеологическим прикрытием это не делалось, то азербайджанскими партиями социалистической ориентации - "Мусульманским социалистическим блоком" и меньшевистским "Гумметом", наоборот, этот акт рассматривался началом осуществления их плана "оздоровления России по частям", т. е. шагом в направлении реставрации той же пресловутой "единой России", но в социалистической упаковке.

Свидетельством тому являлся выступление в Сейме представителя меньшевистского "Гуммета" А. Шейхульсламова. Он, в частности, сказал: "Здесь возражали, указывая на то, что мы, установив границы от России, отделяемся от российской демократии. Я думаю, что это неправильно, в особенности по отношению к партии соц.-демократов, лозунг которой - "пролетарии всех стран, соединяйтесь", лозунг, который не может потерять своего значения. Как бы ни были крепки границы, этот лозунг свят... Мы не отрываемся от российской демократии, а мы отрываемся от русских штыков в лице большевиков" (17).

Тем самым А. Шейхульсламов недвусмысленно давал понять, что в случае прихода к власти в России политических сил, "гарантирующих завоевания революции", необходимость в существовании независимого закавказского государства сама собой отпадет.

В отличие от азербайджанских социалистов, для "Мусавата" идея независимости Закавказья была не преходящим явлением и, тем более, не разменной монетой в политических играх, а стратегической целью, открывающей дорогу для осуществления идеи азербайджанской государственности. Ведь "Мусават" выступал за конфедеративную форму устройства закавказского государства. Иными словами, по замыслу лидеров партии, Закавказье должно было стать союзом независимых государств, объединившихся для координации своих действий в некоторых областях, и в первую очередь, во внешнеполитической и военной сферах. Именно по инициативе мусаватистов на совместном заседании азербайджанских сеймовых фракций от 3 мая 1918 г. было принято решение "поддерживать идею конфедерации Грузии, Армении и Азербайджана вместе с Северным Кавказом", причем, Азербайджан и Северный Кавказ должны были "федерировать между собой" (18).

Следует подчеркнуть, что в этот период не только "Мусават", но и другие азербайджанские фракции Сейма выступали за присоединение Северного Кавказа к закавказскому государству. Данное обстоятельство дало повод некоторым исследователям [188-189] огульно обвинять азербайджанские политические силы, и в первую очередь "Мусават", в наличии у них якобы экспансионистских планов относительно Северного Кавказа. Даже Т. Светоховский в этом вопросе не смог сохранить свою объективность, обвинив мусаватистов "в паназербайджанских настроениях и вынашивании планов создания Большого Азербайджана, включающего себя как Южный Азербайджан, так и Дагестан" (19). Однако анализ исторических фактов показывает беспочвенность подобных утверждений.

Во-первых, инициатива включения Чечни, Ингушетии и Дагестана в состав закавказского государства исходила от политических представителей этих народов, а не от "Мусавата". Такое стремление горских народов было продиктовано тогдашней ситуацией в северокавказском регионе. По свидетельству представителя Ингушетии Лиянова, казаки Северного Кавказа с целью удержания горских земель, отнятых и переданных им в царские времена, видели разрешение этого земельного вопроса в физическом истреблении ингушей и других горских народов. Анархия, царившая в стране, лишь благоприятствовала осуществлению их замыслов. В этой ситуации обращение представителей

горских народностей к закавказским властям с просьбой о помощи и защите было вполне естественной (20).

Во-вторых, представители горских народов Северного Кавказа обратились не конкретно к азербайджанцам, а к закавказскому правительству и к руководству Сейма. Немаловажным является и тот факт, что северокавказская делегация во главе с Г. Бамметовым вела соответствующие переговоры сначала с грузинскими и армянскими лидерами Сейма. Лишь прохладное отношение последних, и в особенности армянских представителей, к их просьбе, вынудило горскую делегацию идти на более тесные контакты с азербайджанскими фракциями. В этой ситуации, но крайней мере, по моральным соображениям, азербайджанские депутаты не могли проигнорировать подобную просьбу ширской делегации. К тому же, реализация идеи включения Чечни, Ишушетии и Дагестана в состав Закавказья, несомненно, существенно изменила бы соотношение сил на политической арене Закавказья, позволив азербайджанцам в значительной степени нейтрализовать засилье грузино-армянского большинства на ней. Это было, пожалуй, единственным "умыслом" азербайджанцев в их желании присоединить Северный Кавказ к закавказскому государству. [189-190]

И наконец, в-третьих, азербайджанские лидеры, и в том числе "Мусават", выступали за федеративные отношения с Северным Кавказом, т. е. ратовали за сохранение государственности горских народов этого региона, а не за их аннексию к Азербайджану.

Из азербайджанских партий лишь "Иттихад" в этом вопросе придерживался особой позиции. Являясь приверженцем идеи исламского единства, "Иттихад" проголосовал за объявление независимости Закавказья только потому, что рассматривал закавказскую государственность в качестве ядра для объединения в перспективе всех мусульманских народов региона в едином государстве. Именно с этой призмы следует расценить выступление представителя этой партии Э. Мамедбекова на заседании Сейма от 22 апреля 1918 г. Он, в частности, заявил: " Во время объявления независимости Закавказья, наша партия, партия "Иттихад", считает, что в состав нашего государства должны войти и те народы, которые, также как и народы Закавказья, отстаивали свою свободу. Это народы Северного Кавказа, народы, представляющие Ингушетию, Чечню и Дагестан... Вот почему я, как представитель партии "Иттихад", присоединяюсь к высказанному мнению о независимости Закавказья" (21).

Думается, что основываясь лишь на позиции партии "Иттихад", занимавшей отнюдь не главенствующее место среди политических сил Азербайджана, мягко говоря, не очень корректно обвинять всех лидеров азербайджанского национального движения в экспансионистских замыслах в отношении к Северному Кавказу.

Одновременно с провозглашением независимости Закавказья Сейм, заслушав доклад руководителя мирной делегации А. Чхенкели, предложил правительству "продолжить мирные переговоры и принять меры к скорейшему заключению мира с Турцией" (22). После этого решения Сейма премьер-министр Е. П. Гегечкори, "не считая для себя возможным более оставаться у власти, сложил свои полномочия" (23). Таким образом, правительство, возглавлявшееся Е. П. Гегечкори, сторонником продолжения войны с Турцией, вынуждено было сойти с политической сцены Закавказья.

Формирование нового кабинета было поручено А. Чхенкели. 26 апреля 1918 г. он представил Сейму декларацию и составного закавказского правительства, которые получили поддержку подавляющего большинства членов Сейма. В него вошли следующие лица: министр - председатель и министр иностранных [190-191] дел - А. И. Чхенкели; министр внутренних дел - Н. В. Рамишвили; министр финансов - А. И. Хатисов; министр путей сообщения - Х. Мелик - Асланов; министр юстиции - Ф. Х. Хойский; министр военный - Г. Т. Георгадзе; министр земледелия - Н. Г. Хомерики; министр народного просвещения - Н. Усуббеков; министр торговли и промышленности - М. Г. Гаджинский; министр продовольствия - А. И. Саакян; министр государственного призрения - О. И. Качазнуни; министр труда - А. А. Ерзинкян; министр государственного контроля - И. Гейдаров (24).

Впрочем объявление независимости Закавказья и формирование нового кабинета не могли устранить коренные противоречия между тремя основными национальными секторами Сейма. Попрежнему представители каждой из трех национальностей Закавказья в Сейме пытались, в первую очередь, реализовать свои собственные цели, причем зачастую в ущерб интересам соседей. В результате провозглашение независимости не привело и не могло привести к улучшению ни внутреннего, ни внешнего положения Закавказья.

В декларации правительства А. Чхенкели главной целью кабинета во внутренней политике объявлялось "стремление к тому, чтобы претворенные в жизнь лозунга равенства и братства стали живым достоянием всех без исключения народов Закавказья". В декларации торжественно провозглашалось, что "у правительства свободной Закавказской Республики пасынков не будет" (25).

В правительстве очень верно определили, что наиболее уязвимым местом, ослабляющим военную, экономическую и политическую мощь Закавказской Республики являются межнациональные противоречия. Выход из этого положения правительство видело в "радикальном разрешении вопроса о

территориальном размежевании народов Закавказья, т. е. в установлении точных границ отдельных единиц Закавказской федерации свободных народов" (26).

Но благим намерениям правительства не суждено было сбыться, поскольку, как это часто происходит в реальной практике получилось с точностью до наоборот. Ситуация осложнялась тем, что после захвата Закавказья Россией, царское правительство ввело в крае свое административно-территориальное деление, умышленно игнорирующее принцип единства и целостности этнической территории закавказских народов. Административно-территориальная реформа, осуществленная в интересах военно-колониальной администрации, привела к [191-192] нарушению исторически сложившихся национально - территориальных границ в Закавказье.

Колониальная политика царизма, базирующаяся на принципе "разделяй и властвуй", как известно, была направлена на искусственное усугубление существующих противоречий между закавказскими народами и усиление неприязни между ними, что давало возможность царизму, ловко маневрируя, играть роль "арбитра" в межнациональных отношениях в Закавказье, используя это для укрепления своих позиций в регионе.

За годы господства царизма в Закавказье накопилось достаточного горючего материала в этой сфере. И поэтому обнародованные правительством планы о предстоящем территориальном размежевании закавказских народов послужили лишь катализатором обострения межнациональных отношений в регионе. На всей территории Закавказья с новой силой вспыхнули попытки "этнических чисток". Накануне территориального размежевания каждая сторона пыталась расширить свою территорию за счет соседей, не брезгуя при этом никакими средствами, вплоть до физического истребления мирного населения.

Причем, как и в предыдущих подобных ситуациях, наиболее пострадавшей стороной оказались азербайджанцы - наименее защищенная часть населения Закавказья. В особенно тяжелом положении находилось азербайджанское население Эриванской губернии, где в этот период межнациональная вражда достигла своего апогея. Армянские формирования, организовав массовое изгнание азербайджанцев из своих родных очагов в Эриванской губернии, стремились очистить эту территорию от азербайджанцев. В результате этих преступных действий дашнакских банд в Эриванской губернии было уничтожено 211 азербайджанских сел (27).

Не менее тревожные сообщения поступали из Карсской области. 15 апреля 1918 г. А. Х. Кантемир на совместном заседании азербайджанских сеймовых фракций сделал сообщение о положении в Карсской области. Он, в частности, сказал: "Как передают греки-беженцы, отступающие перед натиском турецких войск армянские воинские части и вооруженные беженцы на своем пути буквально сметают мусульманские селения, предавая все огню, мечу и неопишуемому ужасу дикого разгула. Женщин раздевали наголо, раставляя по краям больших дорог, откуда должны были проходить "победоносные армянские войска" с трофеями в виде грудных младенцев, надетых на штыки. Нужно иметь нечеловеческие нервы, говорили греки, чтобы [192-193] видеть и перенести этот ад мучений, оглушенный душераздирающими криками обезумевших женщин и воплями беспомощных стариков"(28). В результате этих преступных действий армянских банд в Карсской области было уничтожено, в общей сложности 82 мусульманских селения.

Неоднократные попытки азербайджанских фракций добиться от Сейма принятия действенных мер с целью прекращения насилий в отношении азербайджанцев и водворения беженцев на места своего прежнего проживания практически не дали никаких результатов. Это было доказательством бессилия и неэффективности правительственной политики в области межнациональных отношений.

Потерпели провал и усилия нового закавказского правительства по разрешению продолжающегося конфликта с Турцией. Получив власть в свои руки, А. Чхенкели 23 апреля проинформировал турецкую сторону о провозглашении независимости Закавказья. В телеграмме на имя Вехиб-паше сообщалось, что закавказское правительство "принимает Брест - Литовский договор и готово немедленно командировать свою делегацию для возобновления приостановленных переговоров на основе названного договора" (29). А. Чхенкели, ссылаясь на технические причины, просил согласия турецкой стороны на продолжение мирных переговоров не в Трапезунде, а в Батуме. Он также предлагал турецкому командованию прекратить с 17 час. 00 мин. 23 апреля военные действия на всех фронтах.

В принципе согласившись с этими предложениями А. Чхенкели, турецкая сторона, тем не менее, не торопилась с конкретными шагами по их реализации. Следует учесть, что а этот период в турецком правительстве не было единой позиции относительно политики к Закавказской Республике. В этот момент в правящей элите Турции по этому вопросу наблюдалось три течения: 1) первое во главе с Вехиб-паша считало, что во время переговоров надо придерживаться условий Брест - Литовского договора; 2) второе возглавляемое Таалат - беем, считало необходимым отнять у Закавказья и другие территории; 3) третье во главе с Энвер-паша требовало присоединения к Турции всего Закавказья (30).

В правительственных кругах Турции между этими течениями шла ожесточенная борьба и, судя по развитию событий, сторонники первого течения оказались в явном меньшинстве. Так, турки продолжая наступательные операции, 25 апреля заняли Каре и выдвинули новые требования, выходящие за рамки [193-194] Брест - Литовского договора. Теперь уже речь шла о границах 1877 г. Лишь дипломатические демарши Германии, обеспокоенной военными успехами Турции в Закавказье, заставили турков временно приостановить наступательные операции и сесть за стол переговоров с представителями Закавказской республики.

Германия на первых порах не препятствовала наступлению "гурок в Закавказье. Тем более, что еще до начала войны, хотя и в весьма неопределенной форме, Турции были обещаны кавказские территории. Вывод русских войск из районов Карса, Ардагана и Батума, чего Германия добилась во время Брест - Литовских переговоров, был компенсацией, "выплаченной" Турции в счет обещанных ей союзником территорий.

Существенную роль в выборе Германией подобной созерцательной позиции на начальном этапе турецкого наступления в Закавказье сыграло и то обстоятельство, что после потерь своих арабских владений и неудач на фронтах, в Турции усилились настроения в пользу выхода страны из войны. Для предотвращения подобного, весьма вероятного развития событий, а также с целью сохранения заинтересованности Турции в продолжении военных действий и создания у нее иллюзии успеха в достижении целей, ради которых она, собственно, и вступила в войну, немцы до определенного момента предпочитали не замечать продвижения турецких войск по Закавказью.

Когда же перспектива захвата всей территории Закавказья турками стала вполне реальной, то в Берлине решили, что настала пора приструнить турков. Ведь Германия сама имела особые виды на Закавказье, которое рассматривалось правящими кругами империи в качестве важнейшей экономической и стратегической базы для расширения влияния германского капитала на Востоке, и поэтому дальнейшее продвижение турецких войск создавало угрозу этим интересам Германии.

В Турции были недовольны этим требованием Германии, но решили пока не обострять отношения со своим старшим партнером и согласились на заключение с Германией секретного договора о разделе сфер влияния в Закавказье. Согласно условиям этого договора, подписанного 27 апреля 1918 г. в Стамбуле, к Турции переходили уже занятые ею области Закавказья и вдобавок еще часть Армении вдоль железнодорожной линии Карс – Александрополь - Караклис. В остальной части Закавказья, включая Азербайджан, преобладающими должны были считаться интересы Германии (31). [194-195]

28 апреля, т. е. на следующий день после подписания германо - турецкого договора о разделе сфер влияния, Турция наконец - то признала независимость Закавказья и выразила готовность продолжить мирные переговоры с закавказским правительством в Батуме.

Однако достигнутая договоренность не только не положила конец германо-турецкому соперничеству в регионе, но, наоборот, стала началом нового витка бескомпромиссной борьбы между этими государствами за влияние в Закавказье. Получив картбланш в виде договора от 27 апреля, Германия приступила к тайным переговорам с грузинскими лидерами, которые, в свою очередь, были заинтересованы в "использовании престижа и авторитета Германии для обуздания турок" (32).

В свою очередь, турки тоже не намеревались смириться с той ролью, которую хотели им навязать германские партнеры в Закавказье. Очень скоро выяснилось, что подписание Турцией соглашения о разделе сфер влияния в Закавказье было лишь маневром турецкой дипломатии, призванным хотя бы временно отвлечь внимание Германии от истинных целей Стамбула в регионе. Чтобы обойти невыгодный для себя договор о сферах влияния, турецкие представители активизировали контакты с азербайджанцами, недовольными пренебрежительным отношением к их проблемам со стороны грузинско-армянского большинства Сейма. Ставка двух союзников в борьбе за влияние в регионе на различные национально-политические силы Закавказья сыграла роль катализатора разрушительных процессов внутри закавказского государства, став прелюдией его окончательного развала.

В этой ситуации, возобновившиеся 11 мая 1918 г. в Батуме мирные переговоры между турецкой и закавказской делегациями, явились лишь ширмой для закулисных интриг представителей, вовлеченных в конфликт сторон.

Турецкую делегацию в Батуме возглавлял министр юстиции Халил бей, а закавказскую - премьер-министр и министр иностранных дел А. Чхенкели. Закавказская делегация, в состав которой входили представители всех политических партий и фракций Сейма, состояла из 45 человек. Правда, только шесть из них - А. Чхенкели, Н. Николадзе, Р. Качазнуни, А. Хатисов, М. Э. Расулзаде." и М. Г. Гаджинский имели право голоса. В переговорах в качестве наблюдателя участвовал германский военный атташе в Турции генерал О. фон Лоссов. [195-196]

На первом же заседании переговоров в Батуме обнаружилось принципиальное разногласие между закавказской и турецкой делегациями. Эти разногласия заключались в том, что по мнению закавказской делегации основой для переговоров должен был служить Брест - Литовский договор.

Между тем турецкая сторона отказывалась признать Брест - Литовский договор "исключительной основой настоящих переговоров", мотивируя это тем обстоятельством, что после приостановления по вине закавказских властей переговоров в Трапезунде, и возобновления боевых действий между турецкими и закавказскими войсками ситуация изменилась. Турецкая делегация требовала дополнительных территориальных уступок. Так, проект предлагаемого турецким правительством мирного договора предусматривал присоединение к Турции, кроме Карсской, Ардаганской и Батумской провинций, Ахалкалакского и Ахалцихского уездов Тифлисской губернии, Сурмалинского, Александропольского и большей части Эчмиадзинского уездов Эриванской губернии, а также железнодорожной линии Карс - Александрополь - Джульфа (33).

По выраженное одного из участников переговоров, закавказская Делегация "напоминала экспедиционное войско, где никто никому не доверял" (34). Причем в наиболее тяжелом положении оказались азербайджанские представители, т. к. они практически были отстранены от принятия важнейших решений. Достаточно отметить, что азербайджанские члены делегации даже не были предварительно ознакомлены с текстом Меморандума закавказской делегации, оглашенным на первом заседании батумских переговоров (35). Как отмечал М. Э. Расулзаде, в ходе переговоров в Батуме азербайджанские представители постоянно оказывались перед свершимися фактами, узнавая об "экстренных вопросах в последний момент" (36).

Тем временем грузинские лидеры за спиной своих партнеров по переговорам активизировали сепаратные контакты с Германией. Грузинская делегация, еще до начала батумских переговоров посетившая Берлин, получила принципиальное согласие правительства Германии на покровительство Грузии в ее противостоянии с Турцией. Неслучайно, что Национальный Совет Грузии даже не дожидаясь официального ответа турецкой стороны на Меморандум, предьявленный ей на первом заседании Батумской конференции, 14 мая 1918 г. обратился с официальной просьбой к Германии, в которой говорилось: "1) Грузинский национальный совет выражает желание и просьбу, чтобы Германия всемерно способствовала как можно безболезненному [196-197] разрешению международных и политико-государственных вопросов Грузии. 2) Просить ген. Лоссова принять соответствующие мероприятия, чтобы германские войска продолжали свой путь на Северный Кавказ и настолько приблизились к границам Грузии, чтобы можно было с ними заключить контакты и обеспечить Грузию от опасностей извне... 4) Просить ген. Лоссова, пока удастся это сделать, оставить в Грузии германских пленных и офицеров, и поручить им военную организацию, чтобы грузинское правительство имело бы возможность использовать эти войска для установления внутреннего порядка и борьбы с анархией" (37). Сразу же после принятия данного решения в Батуме начались тайные консультации между германскими и грузинскими представителями по срочной подготовке текстов договоров с будущей независимой Грузией.

Эти действия грузинских лидеров однозначно были направлены на выход Грузии из состава Закавказской Республики. Лишь боязнь грузинских представителей взять на себя ответственность за развал Закавказской Республики пока удерживала их в Батуме.

С другой стороны, грузины еще надеялись добиться для Германии статуса полноправного участника Батумской мирной конференции, что позволило бы им изменить расстановку сил на переговорном процессе в свою пользу. С этой целью уже на первом заседании мирной конференции закавказская делегация, руководимая грузинами, предложила заключения мирного договора не между Турцией и Закавказьем, а между державами Четверного союза, с одной стороны, и Закавказской Республикой, с другой стороны.

Однако турецкая сторона быстро разгадала замыслы закавказской делегации и 14 мая 1918 г. Халил бей сообщил А. Чхенкели, что Турция не признает права Закавказья выражать свои суждения по вопросу о том, кому следует и кому не следует подписать мирный договор (38).

В тот же день Вехиб-паша через посредство Халил бея проинформировал закавказского премьера о том, что он вынужден отдать приказ о продвижении войск по железной дороге Александрополь - Джульфа "с целью противодействовать операциям англичан в пределах Персии, а также действиям, производящимися против шестой императорской армии" (39).

15 мая в 7 час. 15 мин. утра турецкие войска перешли реку Арпачай и, в течение нескольких часов заняв Александрополь, двинулись в направлении Караклиса. [197-198]

Для предотвращения дальнейшего продвижения турецких войск 18 мая германский представитель О. фон Лоссов сделал еще одну попытку взять инициативу в свои руки. В письменном обращении к обеим сторонам он предложил свои "добрые услуги в качестве посредника", ввиду того, что "батумские переговоры не продвигаются и сношения, имевшие место между турецкими и закавказскими представителями, не имели до сих пор успеха" (40).

Как и следовало ожидать, мнения в закавказской делегации относительно идеи германского посредничества на переговорах разделились. Если грузинские и армянские представители

безоговорочно поддержали предложение О. фон Лоссова, видя в нем средство обуздания "варварской" Турции с помощью "цивилизованной" Германией, то М. Э. Расулзаде и М. Г. Гаджинский только после долгих споров дали на это свое согласие. Впрочем, турки отклонили предложение О. фон Лоссова. Стало окончательно ясным, что они не намерены выполнять условия договора о разделе сфер влияния в Закавказье.

В этот период важнейшие политические события в жизни Закавказья происходили за пределами Сейма и этот орган полностью потерял контроль над ситуацией. Как отмечал один из очевидцев тех событий, "представительное учреждение - Сейм почти замер, заглох, не отражая в своих стенах ничего, что происходило вне его стен, и это в самый бурный, в самый мучительный период закавказской действительности. Пусто, скучно, никчемно, почти жутко было в зале заседаний Сейма в эти трагические для Закавказья дни. Чувствовалось уже, что все, происходившее в Сейме, происходит так себе, как бы от нечего делать, что о главном, о волнующем все равно говорить здесь не будут, что главное происходит там, за кулисами, у каждой партии, у каждой группы по-своему, без возможности что-либо делать сообща" (41). Всем было ясно, что дни Закавказской Республики сочтены.

После отказа турков от посреднических услуг Германии и в условиях продолжающегося турецкого наступления, приостановить которое у закавказского правительства не было никаких сил, О. фон Лоссову ничего не оставалось, как посоветовать А. Чхенкели немедленно провозгласить независимость Грузии. Именно по совету О. фон Лоссова А. Чхенкели направил в Тифлис телеграмму следующего содержания: "...Сообщите президенту Национального Совета Грузии: дальнейшая задержка в провозглашении независимости приведет к непоправимым [198-199] последствиям. Попытка немцев выступить посредниками не удалась. Осталось одно - противопоставить турецкому вторжению независимую Грузию, поддерживаемую Германией" (42).

24 - 25 мая состоялось заседание Исполнительного Комитета Национального Совета Грузии, которое, поддержав рекомендацию А. Чхенкели, приняло решение после самороспуска Сейма провозгласить "Акт о независимости Грузии".

25 мая, окончательно согласовав тексты договоров с грузинской делегацией, О. фон Лоссов официально уведомил закавказскую делегацию о своем решении покинуть Батум. Свои действия он мотивировал тем, что "Закавказская Республика и закавказское правительство в настоящее время находятся в стадии распада. Так как подобное обстоятельство, - подчеркивал О. фон Лоссов, - не было предусмотрено, и так как я не имею инструкций продолжать, по исчезновении Закавказской конфедерации, переговоры, и мои полномочия распространяются лишь на переговоры с Закавказским правительством, я должен испросить новых инструкций, и в этих целях необходимо, чтобы я вступил в словесный и личный контакт с надлежащими германскими властями" (43).

Понятно, что это было не более, чем отговоркой. Так, вечером того же дня, О. фон Лоссов, покинувший Батум на торговом судне "Минна Хорн", направился не в Стамбул, как сообщалось официально, а в Поти, ожидая там полномочных представителей Грузии для подписания пакта с Германией. Таким образом, распад Закавказской Республики стал свершившимся фактом, оставалось только юридически оформить его.

Утром 25 мая на совместном заседании азербайджанских сеймовых фракций была обсуждена сложившаяся ситуация. Учитывая, что выход Грузии из состава Закавказской Республики был практически решенным вопросом, азербайджанские депутаты указали на необходимость заранее готовиться к такому развитию событий (44).

Только вечером 25 мая грузины официально проинформировали азербайджанцев о своем намерении выйти из состава Закавказской Республики и объявить независимость Грузии. Выступая по этому поводу на заседании азербайджанских фракций Сейма, И. Церетели пытался оправдать этот, по его словам, вынужденный шаг грузинского сектора тем обстоятельством, что вокруг лозунга независимости объединить закавказские народности не удалось. По мнению И. Церетели, это обнаружилось, прежде всего, в ходе переговоров с Турцией, где "грузины [199-200] игнорировались как сторона меньшинства". В заключении он заявил, что "на завтрашнем заседании Сейма мы констатируем факт распада Закавказской Республики" (45).

В ответной речи Ф. Х. Хойский подчеркнул, что "если такова воля грузинского народа, то мы не имеем никакого права мешать этому, и азербайджанским тюркам, конечно, ничего не остается, как в зависимости от этого нового события принять соответствующее решение" (46). Далее он сказал, что из беседы с членом Сейма и правительства Х. О. Карчикианом узнал о намерении армянского сектора Сейма в случае распада Закавказской Республики провозгласить независимость Армении. Было принято решение в случае подобного развития событий объявить независимость Азербайджана.

26 мая 1918 г. состоялось заключительное заседание Закавказского Сейма. Выступая на нем И. Церетели вновь попытался представить главным и чуть ли не единственным виновником распада

Закавказской Республики азербайджанцев, которые, по его мнению, "отказываясь с оружием в руках отстаивать свое государство", и поддерживая турков, превратили единство Закавказья в фикцию (47).

Обвиняя азербайджанцев во всех смертных грехах, И. Церетели сознательно умалчивал о том, что именно грузинские меньшевики, практически определявшие линию поведения Сейма и правительства, упорно не желали замечать проблем азербайджанцев. Требуя от азербайджанцев беспрекословной поддержки в военном противостоянии с Турцией, грузинские лидеры ровным счетом ничего не сделали для защиты мирного азербайджанского населения Бакинской губернии во время мартовских событий, оставив их безоружными перед лицом реальной угрозы физического истребления со стороны большевистских банд. Созерцательную позицию грузинские представители занимали; и в отношении многочисленных фактов изгнания азербайджанцев из Эриванской губернии.

Более объективной позиции относительно причин распада Закавказской Республики придерживался грузинский национал-демократ Гвазава, подчеркнувший, что "мы все не без греха" (48).

Действительно, необъективно было в провале планов строительства единого закавказского государства винить исключительно предствителей одного из национальных секторов Сейма, в данном случае, азербайджанцев. По крайней мере, азербайджанцы не больше грузин и армян были виновны в распаде Закавказской [200-201] Республики. Главной причиной неудачи национально-государственной программы, намеченной Сеймом, явилось несовпадение национальных устремлений закавказских народов, что, в свою очередь, было обусловлено множеством факторов исторического, политического, экономического и психологического характера. Устранение этих противоречий в экстремальных условиях того времени было абсолютно нереально. Более того, они имели тенденцию к обострению, в чем немалую роль сыграли и внешние факторы, в частности, острое соперничество мировых держав за влияние в регионе. При этом каждое из этих государств делало ставку на политические силы одной из закавказских наций. В конечном итоге это привело к тому, что грузины заняли прогерманскую позицию, армяне остались верны своей пророссийской ориентации, а азербайджанцы склонились к Турции. К тому же отсутствие более или менее налаженных государственных структур привело все Закавказье к состоянию анархии.

Отсутствие единой спланированной цели и непреодолимые разногласия между закавказскими народами по основным проблемам внутренней и внешней политики сделали, по существу, невозможным их совместное сосуществование в рамках единого государства. В этих условиях Сейм принял, пожалуй, единственно верное решение о своем самороспуске, тем самым, санкционировав государственное размежевание закавказских народов. Как верно заметил Гвазава, "что такое - независимость Закавказья? Когда существовало подобное государство?...Настал день национальной организации, ибо все остальные организации - чистая химера" (49). Симптоматично, что эти слова Гвазавы были встречены громом аплодисментов в Сейме.

Таким образом, вышеизложенные факты достаточно убедительно опровергают широко распространенную в историографии версию о том, что именно азербайджанцы являлись основными виновниками распада Закавказской Республики. Не вина азербайджанских лидеров в том, что объективные факторы разъединяющие закавказские народы в тот момент оказались намного сильнее факторов их объединяющих.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ЦГАНИ Азерб.Респ., ф. 970, оп. 1, ед. хр. 1, л. 8.
2. Там же, л. 9.
3. Мамедзаде М. Б. *Азербайджанское национальное движение*. Баку, 1992, с. 86. [201-202]
4. Аркомед С. Т. *Материалы по истории отпадения Закавказья от России*. Тифлис, 1923, с. 63.
5. Качазнуни Ов. *Дашнакиутюн больше нечего делать!* Баку, 1990, с. 27.
6. "Закавказский Сейм". *Стенографический отчет*. 9 апреля 1918 г., с. 56.
7. Там же, с. 16.
8. Там же, с. 47.
9. Там же, с. 54.
10. Там же, с. 55.
11. Там же, с. 56.
12. Там же, сс. 51 - 52.
13. Там же, с. 21.
14. Там же, с. 22.
15. Там же, сс. 53 - 54.
16. Там же, с. 42.
17. Там же, сс. 41 - 42.

18. ЦГАНИ Азерб. Респ., ф. 970, оп. 1, ед. хр. 1, л. 34.
19. Swietochjwski T. *Rus Azerbaycani. 1905 - 1920.*, с. 164.
20. ЦГАНИ Азерб. Респ., ф. 970, оп. 1, ед. хр. 1, л. 3.
21. "Закавказский Сейм". *Стенографический отчет. 9 апреля 1918 г.*, с. 39.
22. *Там же*, с. 64.
23. *Там же*, с. 71.
24. "Закавказский Сейм". *Стенографический отчет. 13 апреля 1918 г.*, с. 1.
25. *Там же*, с. 2.
26. *Там же*, с. 3.
27. ЦГАНИ Азерб. Респ., ф. 970, оп. 1, ед. хр. 1, л. 29.
28. *Там же*, л. 28.
29. *Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии. Тбилиси, 1919*, с. 224.
30. Ментешаивили А. М. *Октябрьская революция и национально-освободительное движение в Грузии. 1917-1920. Тбилиси, 1987*, с. 86.
31. Пития Г. В. *Германский империализм в Закавказье в 1910-1918 гг. М., 1978*, с. 101.
32. Авалов З. *Независимость Грузии в международной политике. 1918-1921 гг. Париж, 1924*, с. 38.
33. *Там же*, сс. 41-42.
34. *Там же*, с. 34. [202-203]
35. *Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии*, сс. 298-299.
36. *Там же*, с. 298.
37. *Борьба за победу Советской власти в Грузии. Документы и материалы (1917-1921). Тбилиси, 1958*, с. 264.
38. *Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии*, сс. 272-273.
39. *Там же*, с. 269.
40. Аркомед С. Т. *Указ. раб.*, с. 72.
41. Ставровский А. *Закавказье после Октября. М - Л 1925*, с. 49.
42. Авалов З. *Указ. раб.*, с. 59.
43. Ставровский А. *Указ. раб.*, с. 108.
44. ЦГАНИ Азерб. Респ., ф. 970, оп. 1, ед. хр. 1, лл. 45 - 46.
45. *Там же*.
46. *Там же*.
47. Ставровский А. *Указ. раб.*, сс. 80 - 81.
48. *Там же*, сс. 82 - 83.
49. *Там же*, с. 83. [203-204]

Г Л А В А IV

НАЦИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ В БОРЬБЕ ЗА СТАНОВЛЕНИЕ И УПРОЧЕНИЕ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Политическая ситуация в Азербайджане после провозглашения независимости

Роспуск Закавказского Сейма и провозглашение независимости Грузии фактически создали вакуум власти на территории Азербайджана. Для обсуждения путей выхода из создавшейся ситуации азербайджанские депутаты теперь уже бывшего Сейма 27 мая собрались на чрезвычайное заседание. Учитывая серьезность момента, "собрание всех бывших членов Закавказского Сейма - азербайджанцев единогласно решило взять на себя бремя правления Азербайджаном, провозгласив себя Временным Национальным Советом Азербайджана"(1). Председателем Национального Совета в ходе тайного голосования был избран М. Э. Расулзаде, а его заместителями - Г. Агаев и М. Г. Сеидов. Эти кандидатуры поддержали все партии, за исключением "Иттихада".

Затем был сформирован исполнительный орган Национального Совета в составе 9 человек. Председателем исполнительного органа единодушно был избран Ф. Х. Хойский, а его членами стали М. Г. Гаджинский, Н. Усуббеков, Х. Хасмамедов, М. Ю. Джафаров, Х. Мелик-Асланов, Х. Султанов (все

от партии "Мусават" и демократической группы беспартийных), Дж. Гаджинский ("Мусульманский социалистический блок") и А. А. Шейхульсламов (меньшевистский "Гуммет") (2).

28 мая 1918 г. на первом заседании Национального Совета 24 голосами при 2-х воздержавшихся (С. М. Ганиев и Дж. Ахундов) было принято решение о незамедлительном провозглашении независимости Азербайджана. После этого был оглашен "Акт о независимости Азербайджана":

"В ходе великой российской революции, в России установился политический строй, который повлек за собой распад отдельных частей государственного организма и оставление [204-205] русскими войсками Закавказья. Представленные собственным силам народы Закавказья взяли в свои руки дело устройства своих судеб и создали Закавказскую Демократическую Федеративную Республику. Однако, в дальнейшем ходе политических событий грузинский народ счел за благо выделиться из состава Закавказской Федеративной Республики и образовать независимую Грузинскую Демократическую Республику.

Нынешнее политическое положение Азербайджана, связанное с ликвидацией войны, возникшей между Россией и Османской империей, а также небывалая анархия внутри страны повелительно диктуют Азербайджану, состоящему из Восточного и Южного Закавказья, необходимость создания собственной государственной организации, дабы вывести народы Азербайджана из того внутреннего и внешнего положения, в котором они оказались.

На основании этого Национальный Совет Азербайджана, избранный народным голосованием, ныне всенародно объявляет:

I. Отныне народы Азербайджана являются носителями суверенных прав и Азербайджан, состоящий из Восточного и Южного Закавказья, полноправным независимым государством.

II. Формой политического устройства независимого Азербайджана устанавливается демократическая республика.

III. Азербайджанская Демократическая Республика стремится установить добрососедские отношения со всеми членами международного сообщества, и в особенности с сопредельными народами и государствами,

IV. Азербайджанская Демократическая Республика гарантирует в своих пределах гражданские и политические права всем гражданам без различия национальности, вероисповедания, социального положения и пола.

V. Азербайджанская Демократическая Республика всем народностям, населяющим ее территорию, предоставит широкий простор для свободного развития.

VI. До созыва Учредительного собрания во главе управления всем Азербайджаном стоит Национальный Совет, избранный голосованием, и временное правительство, ответственное перед Национальным Советом" (3).

Затем Национальный Совет поручил Ф. Х. Хойскому сформировать первое правительство независимого Азербайджана, После часового перерыва, объявленного в ходе заседания, Ф. Х. Хойский представил на рассмотрение членов Национального Совета следующий состав правительственного кабинета: [205-206]

Премьер-министр и министр внутренних дел - Ф. Х. Хойский (независимый).

Министр иностранных дел и министр народного просвещения - Н. Усуббеков ("Мусават").

Министр путей сообщения, почт и телеграфа - Х. Мелик - Асланов (независимый).

Министр юстиции - Х. Хасмамедов ("Мусават").

Министр земледелия и министр труда - А. Шейхульсламов (меньшевистский "Гуммет").

Военный министр - Х. Султанов (независимый).

Министр торговли и промышленности - М. Ю. Джафаров (независимый, впоследствии член "Мусавата").

Министр государственного контроля - Дж. Гаджинский ("Мусульманский социалистический блок"). (4).

Данный состав правительства был утвержден Национальным Советом.

30 мая 1918г. министры иностранных дел основных мировых государств были проинформированы о создании независимой Азербайджанской Демократической Республики.

Провозглашение независимости явилось восстановлением исторической справедливости и реализацией естественного права азербайджанского народа на свою государственность. Принятие такого ответственного решения требовало от членов Национального Совета Азербайджана немалого политического мужества и воли, а также определенной доли риска. Ведь не только внешнеполитические факторы (притязания большевистской России на территорию Азербайджана и ее отказ признать право закавказских народов на самоопределение, экспансионистские планы армянских лидеров по расширению своей территории за счет азербайджанских земель, ожесточенная борьба европейских

держав за господство в регионе и т. д.), но и внутренняя ситуация в стране отнюдь не благоприятствовала созданию независимого Азербайджанского государства.

Дело в том, что уставшая от хаоса и анархии азербайджанское население жаждало силы, способной восстановить спокойствие и порядок в стране. Многие азербайджанцы рассматривали такой силой - турков. Приезд в этот момент Нури-паши с 300 военными инструкторами в Гянджу и восстановление ими за относительно короткий срок должного правопорядка в городе еще больше усилил симпатию к туркам среди азербайджанцев. Этим обстоятельством не преминули воспользоваться т. н. "илхагисты" - сторонники присоединения Азербайджана к Турции. [206-207] Основной костяк "илхагистов" составляли буржуазно-помещичьи и клерикальные круги Азербайджана, которые не без основания опасались укрепления власти Национального Совета в стране. При этом "илхагистов" тревожила не столько сама идея независимости Азербайджана, как таковая, сколько планы Национального Совета по кардинальной реорганизации политической системы страны на основе демократических принципов. Путем слияния Азербайджана с Турцией они пытались помешать осуществлению этих планов Национального Совета. Как впоследствии подчеркивал М. Э. Расулзаде, "турки пришли к нам как воины, для защиты народа. Это верно. Но среди нас были свои беки и паши, которые стремились к тому, чтобы здесь управлял Стамбул" (5).

Приверженность руководящих политических сил в Национальном Совете к демократическим идеям, их выступления о необходимости скорейшего проведения в жизнь аграрной реформы, предоставления женщинам равных с мужчинами гражданских прав и др. рассматривались этими кругами прямой угрозой своим привилегиям. В силу этого, для немалой части азербайджанской буржуазии, помещиков и духовенства Национальный Совет и созданный им правительство являлись слишком революционными и радикальными.

Воспользовавшись ситуацией "илхагисты" начали активную кампанию против Национального Совета, не брезгуя при этом никакими средствами. Так, стремясь скомпрометировать Национальный Совет в глазах народных масс они пустили слух о том, что его руководители якобы продались армянам и не желают прихода турецких войск в Азербайджан (6). В условиях, когда протурецкие настроения в Азербайджане были в своем апогее, подобная "пропаганда" находила определенный отклик у наиболее отсталой части населения, недостаточно проинформированной о деятельности Национального Совета.

Отсутствие крепких традиций национальной государственности, низкий уровень политического сознания и культуры у значительной части населения являлись дополнительными факторами, способствовавшими успеху пропагандистской деятельности "илхагистов".

Следует учесть, что в своей деятельности "илхагисты" получали поддержку турецких представителей в Азербайджане во главе с Нури-паша. Для тогдашних правителей Турции приверженность лидеров Национального Совета к демократическим идеалам российской революции и светской модели государства [207-208] была абсолютно неприемлемым. Немаловажное значение имел и тот факт, что Нури - паша был братом по отцу одного из наиболее радикально настроенных в отношении т. н. "восточных территорий" турецких руководителей - Энвер-паши и активным проводником в жизнь его политической программы, предусматривающей вхождение всех тюркоязычных народов Кавказа и Средней Азии в состав Оттоманской империи. В силу этого, думается, что вряд ли поддержку, оказанную Нури-паша "илхагистам" можно объяснить тенденциозной информированностью турецкого генерала с их стороны, как это утверждают некоторые исследователи, пытаясь из добрых побуждений сглаживать естественные противоречия между Азербайджаном и Турцией в тот период. По нашему мнению, поддержка Нури-паши "илхагистов" исходила из самой сути тогдашней политики некоторых влиятельных кругов Турции в отношении тюркоязычных народов, в том числе, Азербайджана.

Так, еще в ходе Трапезундских переговоров Энвер-паша настоятельно рекомендовал азербайджанским представителям согласиться на государственный союз Азербайджана с Турцией в подобие Австро-Венгрии, что фактически означало аннексию Азербайджана со стороны Турции. Естественно, что подобное предложение было неприемлемо для лидеров Азербайджанского национального движения. Но с другой стороны, демократические силы Азербайджана, сгруппировавшиеся вокруг Национального Совета, ясно отдавали себе отчет в том, что своими собственными силами не удастся реализовать идею азербайджанской независимости, и только с помощью дружественной внешней силы можно спасти азербайджанский народ от разрушающей анархии и дашнакско-большевистской угрозы, водворив в стране государственный порядок. В сложившихся в то время условиях такой силой могла быть только Турция.

Но в отличие от "илхагистов", руководители Национального Совета не собирались взамен этой помощи жертвовать азербайджанской независимостью. Свидетельством тому являются слова Н. Усуббекова. Он перед мирной конференцией в Батуме говорил: "Анархия столь градиозного размера, которая имеется не только у нас, у азербайджанских турков, но и на всей территории Закавказья, не может быть подавлена собственными нашими силами; положение еще больше усугубляется тем, что с

востока наступают большевики, в союзе с нашими вековыми врагами, неся с собою разорение и окончательную гибель тюркскому народу. При таком положении вещей, при такой нашей [208-209] беззащитности нет другого исхода, как обратиться к иностранному вмешательству. В данном случае мы можем радоваться тому счастливому сочетанию обстоятельств, что внешней силой, долженствующей явиться сюда, будет дружественная и братская нам сила - Турция... Настало время, когда наша делегация должна идти в Батум и от имени тюрков Восточного Закавказья просить помощи у Оттоманской империи. Но при всем этом, никогда не надо упускать из виду идею самостоятельного существования свободного Азербайджана" (7).

Именно вышеперечисленные обстоятельства были причиной нерешительности некоторых членов Национального Совета относительно целесообразности немедленного провозглашения независимости Азербайджана, выявившейся в ходе заседания от 28 мая 1918 г. В частности, Ф. Х. Хойский предлагал "до выяснения ситуации на местах, воздержаться от объявления независимости Азербайджана и ограничиться образованием полноправного правительства Азербайджана для ведения мирных переговоров с державами" (8).

В этой связи отнюдь неслучайно, что на том же заседании Национального Совета Г. Агаев, пытаясь успокоить своих коллег, утверждал, что прибытие в Гянджу турецких офицеров во главе с Нури-паша не имеет ничего общего с будущим политическим устройством Азербайджана и "турки не преследуют никаких агрессивных действий в политической жизни Азербайджана, а наоборот, они заинтересо-ваны в сохранении самостоятельности Азербайджана" (9). Однако, как показало дальнейшее развитие событий, опасения Ф. Х. Хойского были вполне оправданны.

Переехав 16 июня 1918 г. из Тифлиса в Гянджу, Национальный Совет и Азербайджанское правительство натолкнулись на крайне враждебное отношение Нури-паши, обладавшим реальной властью в городе. Попытки делегации Национального Совета и правительства Азербайджана в составе М. Э. Расулзаде, Ф. Х. Хойского и М. Г. Гаджинского обсудить с Нури-паша возможные пути выхода из создавшейся ситуации потерпели провал. Нури-паша отказался даже выслушать делегацию под тем предлогом, что "он солдат и в политике не разбирается", и направил ее к своему советнику по гражданским делам Ахмедбеку Агаеву. Такое поведение Нури-паши было равносильно выражению недоверия Национальному Совету и сформированному им правительству, повлекшее за собой серьезный политический кризис в стране. На карту было поставлено само существование независимого Азербайджана. Разногласия между Национальным Советом [209-210] и турецким командованием фактически являлись отражением "борьбы между демократическими течениями и консервативными силами вокруг проблемы государственного устройства Азербайджана" (10).

Начало переговоров азербайджанских лидеров с А. Агаевым также не предвещало ничего оптимистичного для сторонников сохранения государственной независимости Азербайджана. А. Агаеву была изложена точка зрения Национального Совета относительно путей устранения политического кризиса в стране, согласно которой Национальный Совет сохранялся в качестве высшего органа государственной власти в Азербайджане. Однако, для укрепления авторитета и влияния Национального Совета, а также с целью укрепления социальной базы этого органа предусматривалось расширить его состав за счет включения в него новых членов: по 10 человек от Национального Комитета Гаджинской губернии и Бакинской городской управы, и по 2 человека от каждого уездного комитета, а также всех членов бывшего Центрального Национального Комитета, образованного 29 марта 1917 г.

После подобной реорганизации Национального Совета предусматривалась отставка существующего правительства и формирование нового кабинета. Причем, право определения кандидатуры нового премьер-министра сохранялось за председателем Национального Совета (11).

Это предложение, в какой-то степени, было компромиссным, т. к. позволяло Нури-паше включить в состав Национального Совета и будущего правительства своих сторонников. Однако, подобный компромисс вряд ли могло удовлетворить Нури-пашу, стремившего к единоличной власти и, следовательно, полному контролю над правительством. Поэтому, неудивительно, что оно было отклонено А. Агаевым. По утверждению последнего, турецкое правительство и его представитель в Гяндже Нури-паша не намеревались вмешиваться во внутренние дела Азербайджана, в том числе, в процесс формирования Национальным Советом нового правительственного кабинета. Но последующие высказывания А. Агаева продемонстрировали всю неискренность этих утверждений. А. Агаев многозначительно подчеркнул, что народ не поддерживает Национальный Совет. И предупредил, что если вследствие этого вспыхнет мятеж, то турки в таком случае не станут защищать Национальный Совет (12).

По существу, это было плохо скрытой угрозой в адрес Национального Совета, чтобы добиться его полной ликвидации в [210-211] качестве высшего органа власти в стране. Видя отсутствие у А. Агаева всякого желания искать с представителями Национального Совета взаимоприемлемый выход из ситуации и пы-таясь прекратить эту волюнку, азербайджанские лидеры поставили вопрос ребром: "На

каких условиях Нури-паша согласится поддержать Азербайджанское правительство?" На это последовал такой же прямой ответ А. Агаева: "Национальный Совет должен самораспуститься и тогда Нури-паша по своему усмотрению организует новое правительство" (13). Нетрудно было догадаться, что это правительство Нури-паши состояло бы из "бывших придворных служителей русского царизма и шейхульислама" (14).

Естественно, что делегация Национального Совета отвергла предложение А. Агаева, т. к. его принятие означало фактическую оккупацию Азербайджана, что, в свою очередь, противоречило международным обязательствам Турции как перед своими союзниками по Четверному союзу, так и перед Россией по Брест-Литовскому договору. Это обстоятельство, о котором напомнили А. Агаеву азербайджанские лидеры, отрезвляюще подействовало на советника Нури-паши. Именно боязнь международных осложнений для Турции, в случае разгона Национального Совета и образования нового правительства Азербайджана под непосредственным руководством Нури-паши, вынудила А. Агаева отказаться от этой идеи и согласиться на компромиссный вариант. Стороны достигли договоренности, что Национальный Совет, образовав новое правительство и передав ему все свои полномочия, самораспуститься.

После предварительного обсуждения компромиссного варианта на всех партийных фракциях, 17 июня 1918 г. в 14 час. дня началось заседание Национального Совета. Открывая заседание, М. Э. Расулзаде, в частности, сказал: "В вопросах, предстоящих нашему сегодняшнему обсуждению, мы должны, прежде всего, не поддаваться чувствам и, понимая всю ответственность и чрезвычайность положения, обсудить его с должной хладнокровностью. Сегодня мы должны принять во внимание создавшееся положение, оставаясь верными своим принципам. Возможно, что принимаемое нами сегодня решение будет нашим несчастьем, но если выход из создавшегося положения зависит единственно от этого решения, мы должны принять его. Не отказываясь от патриотизма, мы должны отречься от политики для политики. Если для поэтов и художников допускается [211-212] принцип "искусство для искусства", то для политиков это неприемлемо" (15).

Далее М. Э. Расулзаде выразил надежду, что члены Национального Совета, "признавая значение момента, при принятии решения будут руководствоваться интересами Родины и нации, а не политическим искусством, и этим докажут свой патриотизм" (16).

Члены Национального Совета прекрасно понимали всю сложность и трагичность ситуации, но особенно их смущала неискренняя позиция Нури-паши. В этой связи весьма примечательным было замечание М. Ю. Джафарова, который отметил: "Из беседы наших предствителей с Ахмедбеком видно, что турецкие аскеры останутся нейтральными, если возникнет какое-нибудь разногласие между населением и правительством. Но не понимаю, по какой логике эта нейтральная сила обещает свое покровительство и поддержку новому правительству" (17). С чувством обиды М. Ю. Джафаров так закончил свое выступление: "Выясняется, что нас пригласили сюда из Тифлиса, чтобы отнять нашу свободу. Увы! Наши оттоманские братья, от которых мы ожидали помощи, ранят наши сердца и отравляют наши чувс-тва" (18).

Еще более эмоциональным было выступление молодого мусаватиста Р. Векилова, который, в частности, заявил: "Между нашей интеллигентной молодежью и оттоманскими братьями встали черносотенцы, обивавшие пороги русских чиновников. Эти предатели вчера указывали нам место в каравансараях. Но если мы окажемся в их милости, то нас ждут не только каравансарай, но и мрачные темницы. И мы ожидаем это без колебания и робости, поскольку именно в мрачных темницах воспитываются воля, решимость и самоотверженность нации" (19).

Практически все члены Национального Совета однозначно высказались за сохранение независимости Азербайджана. Однако, в противостоянии с Нури-паша соотношение сил было явно не в пользу Национального Совета, что делало неизбежным уступки со стороны последнего. Это осознали и члены Национального Совета, предлагавшие различные варианты выхода из кризисной ситуации. Так, М. Магеррамов ("Мусульманский социалистический блок") предложил Национальному Совету упраздниться, никому не уступив свою штасть и возвратив ее народу (20). Представитель меньшевистского "Гуммета" А. Шейхульсламов же утверждал, что Национальный Совет не может никому уступить прав, данные ему народом. "Пусть нас распустят силой. [212-213] И пусть будет известно, что желающие распустить нас являются врагами и Азербайджана, и Турции", - заявил он (21).

В этот момент Национальный Совет действительно стоял перед тоудноразрешимой дилеммой: или полностью самоустраниться от управления страной, уступив дорогу "илхагистам", результатом которого стало бы полная потеря государственной независимости Азербайджана, или же, придерживаясь пути компромиссов, и даже жертвуя определенной частью суверенитета страны, все же не позволить "илхагистам" и стоящим за ними силам полностью захватить власть, тем самым, сохранив перспективу демократического и независимого развития Азербайджана в будущем.

В этой критической ситуации Н. Усуббеков аргументированно выступил в поддержку компромиссного варианта. Он, в частности заявил: "Вопрос имеет лицевую и обратную стороны... паша окружен особыми подозрительными личностями. Эти личности хотят пользоваться нашими правами. Если мы не захотим сделать никаких уступок и крепко будем держаться за наши права, то повредим международному положению страны. Но в такой серьезней момент это не будет делом патриота. А потому, я предлагаю принять отставку кабинета и предложить нашему Председателю поручить составление нового правительства тому, кому он доверяет. Новоорганизованному правительству дадим все полномочия, с условием сохранения завоеваний свободы и верности им, чтобы оно управляло страной, созвало в ближайшем будущем Учредительное собрание и не уступало добровольно никому своих прав и сдалось бы только силе и штыкам. Я должен заявить что буду первым защитником независимости против всяких покушении" (22).

Как всегда взвешенную и прагматичную позицию занял М. Э. Расулзаде. Он поддержал Н. Усуббекова, предупредив при этом членов Национального Совета, что "если мы не воспользуемся правами, нам данными, и уступим организацию правительства другим силам, то будет опасность формирования реакционного правительства" (23).

Несмотря на различие во мнениях, по предложению Н. Усуббекова Национальный Совет единогласно проголосовал за отставку кабинет и предложил председателю Совета поручить кому-нибудь формирование нового правительства.

После принятия данного решения лидер "Мусульманского социалистического блока" А. Сафикюрдский сделал заявление о выходе представителей возглавляемой им фракции из состава [213-214] Национального Совета, ввиду полного отсутствия возможностей для самостоятельной деятельности данного органа. Он также объявил, что их партия не будет принимать участие в формировании нового правительственного кабинета. С аналогичным заявлением от имени меньшевистского "Гуммета" выступил А. Шейхульсламов.

Формирование нового кабинета председатель Национального Совета М. Э. Расулзаде вновь поручил Ф. Х. Хойскому. На вечерком заседании был утвержден состав второго правительства Азербайджанской Республики, предложенный Ф. Х. Хойским. В него вошли:

Премьер-министр и министр юстиции - Ф. Х. Хойский (независимый).

Министр иностранных дел - М. Г. Таджикский ("Мусават"). Министр внутренних дел - Б. Джеванджир (независимый). Министр финансов - А. Амирджанов (независимый). Министр путей сообщения - Х. Мелик - Асланов (независимый).

Министр торговли и промышленности - А. Ашуров (независимый).

Министр народного просвещения и религиозных дел - Н. Усуббеков ("Мусават").

Министр земледелия - Х. Султанов (независимый).

Министр здравоохранения и социального обеспечения - Х. Рафибеков ("Мусават").

Министр без портфеля - А. М. Топчибашев (независимый). Министр без портфеля - М. Рафиев ("Мусават").

Министр без портфеля - Х. Хасмамедов ("Мусават"). Одновременно с этим, Национальный Совет принял резолюцию, определявшей права и обязанности второго правительства Ф. Х. Хойского. Согласно резолюции, данное правительство не имело право "отменить государственную независимость и существующие политические свободы, а также изменить революционные законы по аграрному и другим подобным важным вопросам". Оно обязано было не позднее шести месяцев созвать Учредительное собрание Азербайджана. В других вопросах управления правительство имело полную свободу действий (24).

После этого, передав все свои полномочия новообразованному правительству и обязав его никому не уступать свою власть, кроме созываемого в кратчайший срок Учредительного собрания, Национальный Совет принял решение о своем роспуске (25). [214-215] Русской революции, и делающий первые шаги на арене политической жизни, переживает невыразимо важные минуты. Дойдет ли это новорожденное тюркское политическое дитя до совершеннолетия, займет ли место в ряду других народов или погибнет, как хилый ребенок? Вот вопрос, занимающий все умы. Вот Момент, когда на долю лиц, взявших в свои руки судьбу Азербайджана, выпадает самый трудный, но вместе с тем, самый важный долг - не дать погибнуть новорожденному Азербайджану..." (26).

Характеризуя сложившуюся ситуацию, М. Э. Расулзаде признал, что "уход со сцены учреждения, являющегося хотя бы отчасти народным представительством во временной столице Азербайджана - г. Гяндже, без сомнения, должен считаться отступлением демократии и успехом реакционных сил. Это отступление усилит черные, грязные силы в ущерб чистым".

Тем не менее, М. Э. Расулзаде не терял оптимизма и призвал Членов уже бывшего Национального Совета не отчаиваться. Он «моичил свое выступление следующими словами: "Не забудем, что исторический момент благоприятствует нашим национальным идеалам. И будем надеяться,

что скоро увидимся в столице Азербайджана - Баку, в Учредительном собрании. Да здравствует Азербайджан! Да здравствует турецкий народ!" (27).

Таким образом, в борьбе с "илхагистами" Национальный Совет поставил во главу угла интересы азербайджанской независимости. Хотя и в значительно ограниченной форме, ее удалось сохранить. Ради этого члены Национального Совета фактически добровольно отказались от политической власти, приняв решение о своем самороспуске. Тем самым, они наглядно продемонстрировали, что национальные интересы для них выше всяких политических амбиций. В этой связи, чтобы показать степень "объективности" советских историков в освещении данной проблемы, по нашему мнению, достаточно процитировать Е. А. Токаржевского, который пишет: "Мусаватисты были врагами независимости азербайджанского народа. Заботясь лишь об интересах азербайджанских помещиков и капиталистов, они считали, что всего надежнее включить Азербайджан в состав Оттоманской империи, и тем самым, полностью обезопасить себя от революции" (28).

Именно прагматизм руководства Национального Совета и его умение пойти на разумные компромиссы, не затрагивающие фундаментальные принципы национального движения, позволили демократическим силам с наименьшими потерями выйти из [215-216] июньского кризиса. "Илхагистам" не удалось осуществить свою главную цель - присоединить Азербайджан к Турции. И это было основным достижением в этих событиях политических сил, сгруппировавшихся вокруг Национального Совета. Однако, ликвидация кризиса вовсе не означала окончательное завершение политической борьбы между сторонниками независимости и "илхагистами". "Илхагисты", влияние которых на принимаемые в стране решения после июньских событий значительно возросло, изменив свою тактику, избрали путь выхолащивания самой сути идеи независимости. Для достижения этой цели они использовали различные средства - от широкомасштабного наступления на демократические права и свободы азербайджанских граждан до удаления из страны наиболее авторитетных лидеров национального движения.

Так, уже на следующий день после роспуска Национального Совета, 18 июня 1918 г., было принято решение об отправке М. Э. Расулзаде, А. Сафикюрдского и Х. Хасмамедова в составе азербайджанской дипломатической миссии в Турцию. Хотя поводом для этого послужила необходимость их участия на Стамбульской конференции, но истинной причиной такого решения было желание Нури-паши и "илхагистов" свести до минимума возможности этих лиц, являющихся последовательными сторонниками азербайджанской независимости, повлиять на происходящие в стране процессы.

Правда, необходимо признать, что не все азербайджанские исследователи разделяют подобную точку зрения. Это связано, прежде всего, с тем, что до сих пор в отечественной историографии не сложилось единого мнения в отношении оценки деятельности турков в Азербайджане, в исследуемый нами период. Характерный для работ советского периода обличительный тон в освещении данной проблемы, за последнее время сменился на другую крайность - чрезмерную идеализацию действий турков в Азербайджане.

Думается, что одностороннее выпячивание как негативных, так и позитивных моментов турецкого присутствия в Азербайджане не позволяет выявить объективную картину исторической действительности во всей ее многообразии и противоречивости. Безусловно, невозможно согласиться с теми авторами, которые видят в турецком присутствии в Азербайджане только факт оккупации страны и разграбление ее природных богатств. Но также неприемлема тенденция сглаживания острых углов турецко-азербайджанских взаимоотношений, наблюдаемая в последние [216-217] годы в нашей историографии. Хотя это и делается из самых добрых побуждений, но она отнюдь не приближает историческую науку к формированию объективной оценки тогдашних событий. По логике представителей этой тенденции турки в тот период занимались в Азербайджане чуть ли не политическим альтруизмом. В результате, отрицается даже сам факт существования "июньской реакции". В частности, Дж. Гасанов, автор одной из самых фундаментальных работ последних лет, посвященных проблемам азербайджанской истории 1918-1920 гг., пытается оправдать отправку М. Э. Расулзаде, А. Сафикюрдского и Х. Хасмамедова в Турцию важностью их дипломатической миссии и широким объемом, представленных им полномочий.

Не умаляя значение поставленных перед их миссией задач, в том числе, важность самой Стамбульской конференции, все же хочется отметить, что по степени значимости они не шли ни в какое сравнение с теми судьбоносными проблемами азербайджанской независимости, которые тогда предстояло решить внутри Азербайджана. Данное обстоятельство просто делало необходимым присутствие лидера национального движения именно в Азербайджане. По крайней мере, при желании, без всякого ущерба государственным интересам Азербайджана, М. Э. Расулзаде легко можно было заменить в составе этой миссии другим лицом.

С аргументацией Дж. Гасанова трудно согласиться и по некоторым другим соображениям. Во-первых, удаление М. Э. Расулзаде и его коллег не было единичным случаем такого рода, а являлось одним из многочисленных фактов, составлявших общую тенденцию, направленную на создание всевозможных искусственных препятствий на пути реализации политической программы национального движения по построению демократического независимого Азербайджанского государства. И во-вторых, выступая в декабре 1919 г. на II съезде "Мусавата" сам М. Э. Расулзаде характеризовал этот период, как застойный для партии. "За все время нахождения турок на территории Азербайджана, - отмечал он, - партийная жизнь замерла" (29).

Действительно, введение под диктовку Нури-паши различного рода запретительных мер полностью парализовала общественно-политическую жизнь страны. После июньских событий, политические партии, в том числе "Мусават", фактически были вынуждены приостановить свою деятельность, или, в значительной степени, ее ограничить. Печать была поставлена под строгий контроль цензуры, в результате чего количество издаваемых газет [217-218] сократилась до минимума. Было запрещено проведение митингов и собраний, а также деятельность профсоюзов.

Вопреки требованиям последней резолюции Национального Совета, запрещавшей изменение законов по аграрному вопросу, реализация "Закона о земельной реформе", принятого Закавказским Сеймом, было приостановлена впредь до созыва Учредительного собрания.

Безусловно, частично эти меры можно было объяснить чрезвычайностью ситуации, связанной с оккупацией значительной части территории Азербайджана, включая его столицу - Баку, большевистско-дашнакскими бандами. Но даже это обстоятельство не оправдывает многие жесткие меры, принятые под давлением Нури-паши и "илхагистов", которые однозначно являлись шагом назад в демократическом развитии страны. В частности, представление шейхульисламу право участия на заседаниях правительства с решающим голосом, образование министерства религиозных дел противоречили принципу разделения церкви и государства, и стали серьезным ударом по светской модели государства, о приверженности к которой неоднократно заявляли лидеры национального движения (30).

Но лучше всего об истинных замыслах Нури-паши и "илхагистов" свидетельствует решение правительства от 21 июня 1918 г. об объявлении государственным флагом Азербайджанской Республики флага Оттоманской империи - полотнища, "изготовленного из красной материи, с изображением белого полумесяца и белой восьмигранной звезды на красном фоне" (31). Принятие независимым государством в качестве одного из важных атрибутов государственности символики иностранного государства, само по себе уже являлась нонсенсом.

Со стороны Нури-паши и "илхагистов" предпринимались энергичные шаги в направлении приведения политических институтов и государственных атрибутов Азербайджана в соответствие с политической системой Оттоманской империи, которая в то время уже являлось анахронизмом. В реальной практике это означало осуществление ползучей аннексии.

Говоря о деятельности турков в Азербайджане нельзя не затрагивать армяно-турецкие связи, т. к. они непосредственно влияли на характер азербайджано-турецких взаимоотношений. Вопреки широко распространенному мнению о крайней нетерпимости турков к армянам, и даже о наличии у правящих кругов Турции планов полного уничтожения армян, следует отметить, что подобные утверждения имеют мало общего с реальной [218-219] что подобные утверждения имеют мало общего с реальной действительностью. Одним из проявлений, в целом, толерантного отношения Турции к армянам является тот факт, что Стамбул в принципе не возражал созданию независимого армянского государства. Правда, турки желали его образования за пределами т. н. "Турецкой Армении", т. е. на территории Закавказья. Это, в свою очередь, не могло не привести к обострению армяно-азербайджанских территориальных споров. И самое интересное заключалось в том, что "во имя достижения солидарности и единения закавказских народов" турки упорно твердили азербайджанцам о необходимости пойти на некоторые территориальные уступки армянам, о чем, в частности, сообщал Н. Усуббеков после своего возвращения из Батума на заседании Национального Совета от 27 мая 1918 г.

В этом контексте неслучайно, что уже через два дня, 29 мая 1918 г. Национальный Совет Азербайджана принимает решение об уступке Эривани армянам, обосновывая это тем, что "для образования армянского государства им нужен политический центр, а таковым после отхода Александрополя к Турции может быть только Эривань" (32).

Таким образом, передача Эривани стала своеобразной "компенсацией" армянам со стороны азербайджанцев взамен за захват турками Александрополя. С большой долей уверенности можно утверждать, что и в этом вопросе не обошлось без турецкого давления. Иначе трудно объяснить столь странную поспешность Национального Совета при принятии решения по такому деликатному и важному вопросу. Тут, видимо, сказалось и отсутствие в Тифлисе многих опытных азербайджанских политиков, в том числе М. Э. Расулзаде.

Справедливости ради отметим, что решение об уступке Эривани было принято с небольшим преимуществом голосов; за него проголосовало 16 из 28 присутствовавших на заседании членов Национального Совета. Причем, в поддержку этого решения особенно активно выступали представители левых партий - "Мусульманского социалистического блока" и меньшевистского "Гуммета", хотя данное обстоятельство вовсе не снимает ответственности за это ошибочное решение с членов других партий.

Систематические вмешательства турецких военных в хозяйственную деятельность азербайджанских властей также являлись дополнительным фактором напряженности между Азербайджанским правительством и турецким командованием. В своем [219-220] конфиденциальном письме Нури-паше по этому поводу, премьер-министр Ф. Х. Хойский отмечал, что "все более увеличивающиеся случаи вмешательства воинских чинов Оттоманской армии в дела внутреннего управления Азербайджана, и даже полного игнорирования азербайджанских властей, нарушая принцип единовластия, и тем самым, подрывая авторитет власти, создают анархию во всех сферах государственной и общественной жизни страны" (33). Азербайджанский премьер предупредил турецкого генерала о возможных "печальных и пагубных последствиях" подобных фактов для развития азербайджано-турецких отношений.

Ф. Х. Хойский считал необходимым устранение этих фактов и просил Нури - пашу "сделать распоряжение по войскам, чтобы все свои нужды они удовлетворяли через органы местной власти и с их ведома" (34).

Все же, смертельная опасность, угрожающая в тот момент не только азербайджанской независимости, но и самому физическому существованию нации со стороны вооруженных сил Бакинского Совета, отодвигали на задний план эти негативные моменты во взаимоотношениях между Азербайджанским правительством и турецким командованием, заставляя их отбросив все разногласия в сторону, выступить единым фронтом против общего врага.

Тем более, что 10 июня 1918 г. началось наступление на Гянджу т. н. "Кавказского корпуса Красной Армии", численность которого составлял 18 тыс. чел. Целью этого наступления была уничтожение зарождающейся азербайджанской государственности и потопление в крови национально-освободительной борьбы азербайджанского народа. Тут необходимо отметить, что почти во всех работах советского периода этот шаг большевистских руководителей Бакинского Совета представляется как вынужденная мера, предпринятая якобы в ответ на начавшееся в первых числах июня наступление турецко-азербайджанских войск в направлении Аджакабула с целью прорыва в Баку (35).

Вслед за советскими историками этой точки зрения придерживаются и часть зарубежных исследователей, в частности Т. Светоховский. Он даже указывает точную дату начала наступления азербайджанских сил на Баку - 2 июня 1918 г. К сожалению, подобные ошибки повторяются и в некоторых новейших работах. При этом сторонники данной позиции обосновывают возможность такого наступления наличием в то время на территории Азербайджана крупных подразделений турецкой армии поддерживавших Азербайджанское правительство. Так, в работе [220-221] "Азербайджанская Республика. Страницы политической истории 1918-1920 гг." (Баку, 1994) утверждается, что 5 июня 1918 г. в Гянджу вошли части 5-ой турецкой дивизии под командованием Мюрсель-паши, а 6 июня отряд Назим-паши с численностью в 7 тыс. солдат (36). Эти факты, взятые из большевистских источников, заинтересованных с помощью выдуманных сведений оправдать свое наступление на Гянджу, абсолютно не соответствуют действительности.

Безусловно, освобождение Баку являлось одной из главных, если не главной задачей национального движения летом 1918 г. Но весь вопрос в том, что в начале июня 1918 г. Азербайджанское правительство, к тому же находившееся за пределами страны, не имело ни необходимых военных сил, ни материальных средств, чтобы предпринять столь широкомасштабное наступление в направлении Баку.

Что же касается турков, то вопреки вышеупомянутым утверждениям, к началу июня в Азербайджане не было значительных турецких сил, за исключением небольшой группы советников, возглавляемой Нури-паша. Они появились тут лишь после заключения 4 июня 1918 г. Турецко-азербайджанского договора. Согласно 4-ой статье договора, турецкое правительство обязывалось в случае необходимости оказать помощь вооруженной силой правительству Азербайджана. В сложившейся ситуации Азербайджанское правительство для восстановления порядка и безопасности в стране, а также в связи с начавшимся большевистским наступлением на Гянджу вынуждено было обратиться с соответствующей просьбой к Турции.

В телеграмме по этому поводу министра иностранных дел Азербайджана М. Г. Гаджинского руководителю турецкой делегации в Батуми Халис бею, в частности, говорилось; "Правительство Азербайджанской Республики, объявившее свою независимость и заключившее договор о дружбе с Турцией, терпит большие осложнения внутри страны. Шайки четников, восставшие на большей части территории Азербайджана под знаменем большевиков, захватили в свои руки Баку - центр страны,

источник ее богатства и существования, а также всю Бакинскую губернию. Не признавая Азербайджанскую Республику, они разрушают ее основы и подчиняют себе огнем и мечом всех сопротивляющихся им граждан. Сжигают города, грабят и уничтожают мирное население. Кроме Баку, также Шамахи, Губа, Ленкорань и прочие уезды наводнены этими шайками, угрожающими и Гянджинской губернии. Новообразовавшаяся [221-222] Республика не в силах подавить их, поддерживаемых с севера своими союзниками, а из Персии английской интригой" (37).

Глава внешнеполитического ведомства Азербайджана просил турецкое правительство, "вследствие натачия вышеперечисленных опасностей и согласно соответствующему пункту договора о дружбе между Азербайджанской Республикой и Турцией, оказать Азербайджанскому правительству военную поддержку в борьбе за изгнание из страны большевиков" (38).

Выполняя свои обязательства по двустороннему договору от 4 июня 1918 г, Турция незамедлительно направила 5-ю дивизию в Азербайджан. Части дивизии двумя группами, каждая с численностью по 3 тыс. штыков, продвинулись в сторону Газаха. Первая группа прибыла в Газах 11 июня, а вторая - 12 июня (39). Другими словами, первые части турецкой армии с общей численностью в 6 тыс. чел. вошли в пределы Азербайджана уже после начала большевистского наступления на Гянджу. К тому же, следует учесть, что линия фронта проходила далеко от Газаха и по этой причине турецкие силы еще не были в состоянии вступить в бой с наступающими частями Бакинского Совета. Да и по своей численности отряды Красной Армии почти в 3 раза превосходили турков, что исключало возможность любых наступательных операций.

В отличие от азербайджанских сил, большевики к началу июня уже полностью закончили свои приготовления для реализации плана захвата Гянджи, что подтверждается историческими документами. Так, 24 мая 1918 г., т. е. еще до распада Закавказской Федерации и образования Азербайджанской республики, С. Г. Шаумян в письме, адресованном СНК РСФСР, сообщал о военных планах Бакинского Совета следующее: "Нужно торопиться в Гянджу, чтобы там, а затем и дальше, вызвать восстание армян... Если это восстание не произойдет и турки успеют закрепить за собой Грузию и Тифлис, тогда мы будем совершенно изолированы и нам придется оборонять только Апшеронский полуостров" (40). А в письме, отправленном 7 июня 1918 г. В. И. Ленину и И. В. Сталину тот же С. Г. Шаумян признавался в том, что "последнюю неделю они были заняты лихорадочной подготовкой похода на Гянджу" (41).

Задачам большевистского наступления полностью соответствовал и национальный состав красноармейского корпуса, специально сформированного для наступления на позиции азербайджанских национальных сил. В своем письме наркому по военно-морским [222-223] делам РСФСР зам. наркома по военно-морским делам Бакинского Совнаркома Б. Шеболдаев признается в том, что корпус, на три четверти состоявший из армянских добровольцев, находился под командованием дашнакских офицеров. В частности, командиром корпуса был бывший царский полковник Казаров, а начальником штаба Аветисов (42).

Таким образом, факты свидетельствуют о том, что первыми наступательные операции на фронте начали не азербайджанские силы, а большевики. Лишь через два дня после начала наступления отрядов Бакинского Совета на Гянджу, 12 июня 1918 г. Азербайджанское правительство вынуждено было в полном соответствии с международным правом обратиться за дополнительной военной помощью к Турции. Правительство Турции немедленно удовлетворило просьбу Азербайджанской Республики и к 25 июню основные силы турецких войск прибыли в Азербайджан.

До прихода турецких войск натиск врага приходилось сдерживать воинским частям Азербайджанской Республики. Следует отметить, что несмотря на более чем трехкратное численное превосходство дашнакско-большевистских сил, азербайджанские добровольцы храбро сражались и сорвали попытку неприятеля молниеносным ударом захватить Гянджу. За две недели упорных боев силам Бакинского Совета так и не удалось войти в пределы Гянджинской губернии. Они смогли лишь занять Кюрдамир и вплотную подойти к Геокчаю.

Значение этого относительного успеха национальных сил особенно возрастало в свете очень высокого мнения С. Г. Шаумяна относительно боеспособности своей армии. Так, 23 июня 1918 г. он информировал В. И. Ленина; "...мы направили в сторону Гянджи армию в 12-13 тыс. чел. Общее впечатление от армии людей, сведущих в военном деле, что это не обычная "советская" армия - в лучшем случае партизанские отряды, а настоящее регулярное войско. Все товарищи, приезжающие из России, выражают восторги, знакомясь с нею" (43).

Хотя С. Г. Шаумян считал, что "эта армия ведет себя великолепно" в отношении местного населения, а Г. Корганов даже утверждал, что азербайджанцы "ждут Красную Армию, как освободителя", но реальная действительность оказалась удручающей для большевистских вождей Бакинского Совета. В этом отношении истинное положение дел отражали слова Сурена Шаумяна: "Благодаря своим реквизициям, презрительному отношению и постоянным расстрелам под предлогом шпионажа в пользу противника, но в действительности диктуемым ненавистью к азербайджанцам, они

(армянские командиры советских [223-224] войск) могли вызвать только отрицательное отношение к Советской власти. Поэтому теперь можно сделать вывод, что наступление, начатое Красной Армией, было ошибкой" (44).

Состояние запуганного до смерти большевистским террором азербайджанского крестьянства лучше всего характеризует слова одного из делегатов I съезда крестьян Бакинского уезда, открывшегося 26 мая 1918 г. Он заявил, что азербайджанские крестьяне "готовы идти за Советской властью, но пусть их не убивают" (45). В этой связи неудивительно, что отношение азербайджанского населения к наступающим частям Красной Армии было крайне враждебным, что сыграло немалую роль в провале их операции в гянджинском направлении.

Пытаясь нейтрализовать антибольшевистские настроения азербайджанских крестьян и привлечь хотя бы часть из них на свою сторону, Бакинский СНК 18 июня 1918 г. издал декрет о социализации земли в Закавказье и Дагестанской области. Декрет предусматривал немедленное изъятие без выкупа "земель из владений беков, ханов, помещиков, меликов, князей, их доверенных и нетрудовых арендаторов в пользование трудового земледельческого населения" (46).

Однако эти расчеты С. Г. Шаумяна не оправдались и азербайджанское крестьянство не только не поддержало наступление большевиков на Гянджу, но и с оружием в руках выступило против Бакинского Совета, что и предрешило его судьбу.

Решающая битва между отрядами Бакинского Совета и турецко-азербайджанскими силами произошла под Геокчаем и продолжалась четыре дня - с 27 июня по 1 июля 1918 г. Национальные силы в ожесточенном сражении со штыковой атакой разгромив вооруженные отряды Бакинского Совета, приостановили их продвижение к Гяндже. После этого сражения стратегическая инициатива на фронте полностью перешла в руки национальных сил. 10 июля ими был освобожден Кюрдамир, а 20 июля - Шамахи. Продолжая наступление, турецко-азербайджанские силы к 30 июля вышли к окрестностям Баку, находясь на расстоянии 15-16 км. от города.

Поражения на фронте обострили до предела взаимоотношения большевиков с их политическими партнерами по Бакинскому Совету. Дашнаки, эсеры и меньшевики, видя безысходность положения и стремясь любыми средствами помешать освобождению Баку национальными силами, решили обратиться за помощью к англичанам. Под давлением представителей этих партий 25 июня 1918 г. Бакинский Совет принял резолюцию о приглашении [224-225] английских войск. Сразу же после объявления итогов голосования по этой резолюции С. Г. Шаумян выступил с весьма красноречивым заявлением. Он, в частности, сказал: "Поскольку за эту резолюцию голосовали дашнакакань, которые вчера на своей партийной конференции решили, что признают власть и российскую, и бакинскую, какая она есть, и никаких изменений не потерпят, они голосовали по недомыслию. Что касается правых эсеров и меньшевиков, то они были всегда врагами Советской власти" (47). Примечательность этих высказываний С. Г. Шаумяна заключается в его особо трогательном отношении к дашнакам. По логике С. Г. Шаумяна выходит, что в отличие от эсеров и меньшевиков, уже априори являющихся врагами Советской власти, дашнаки были чуть ли не несмышленными детьми и проголосовали за приглашение англичан лишь по случайному недоразумению.

Как бы то ни было, данное решение Бакинского Совета привело к отставке 31 июля большевистского бакинского Совнаркома и власть в городе перешла в руки т. н. "Диктатуры Центрокаспия и Президиума Временного Исполнительного комитета Совета", состоящей из меньшевиков, эсеров и дашнаков. Впрочем, новая бакинская власть с завидной целеустремленностью продолжила антиазербайджанскую линию своего предшественника - Бакинского Совнаркома.

Однако ни новые бакинские власти, ни их английские союзники не были уже в состоянии помешать неминувшему освобождению Баку национальными силами. Не помогли и закулисные интриги кремлевских вождей с германскими представителями с целью сохранения Баку в своих руках.

Успехи турецко-азербайджанских войск и их приближение к Баку вызвали недовольство Германии, весьма заинтересованной в бакинской нефти. В ответ на требование большевиков приостановить наступление на Баку Германия заявила, что "против Баку действуют кикие-то банды, а не регулярные германо-турецкие войска" (48). Вместе с тем правительство Германии было не прочь воспользоваться обстоятельствами и предложило большевикам использовать свое влияние на Турцию для предотвращения захвата Баку национальными силами, потребовав взамен поставок бакинской нефти. О предложении германской стороны 8 июля 1918 г. И. В. Сталин известил С. Г. Шаумяна. В его письме были определены основные цели большевистской политики в Закавказье в контексте российско-германских отношений: [225-226]

"1. Общая наша политика в вопросе о Закавказье состоит в том, чтобы заставить немцев официально признать грузинский, армянский и азербайджанский вопросы внутренними для России вопросами, в разрешении которых немцы не должны участвовать. Именно поэтому мы не признаем независимости Грузии, признанной Германией.

2. Возможно, что нам придется уступить немцам в вопросе о Грузии, но уступку такую мы в конце дадим лишь при условии признания немцами невмешательства Германии в дела Армении и Азербайджана.

3. Немцы, соглашаясь оставить за нами Баку, просят уделить некоторое количество нефти на эквивалент. Мы эту "просьбу", конечно, можем удовлетворить" (49).

Переговоры между Россией и Германией по данному вопросу продолжались в течение всего июля и августа 1918 г. и завершились 27 августа подписанием дополнительного договора к Брест-Литовскому мирному соглашению. Часть договора, посвященная Азербайджану, содержала следующие положения: "1) Германия будет препятствовать пересечению границ Шамахинского и Бакинского уездов какой бы то ни было третьей державой; 2) Россия будет поставлять Германии либо четвертую часть всей добываемой в Баку нефти, либо определенное ее количество ежемесячно". Впрочем, практическая значимость данного договора была равна нулю.

Тем не менее, в связи с подписанием данного договора, М. Э. Расулзаде, все еще находившийся в Стамбуле 12 сентября 1918 г. вручил германскому послу в Турции графу Вальдбургу меморандум, в котором выражался протест против признания Германией суверенитета России над "естественной столицей Азербайджана и его политическим, экономическим и культурным центром". В меморандуме обосновывались исторические права азербайджанцев на Баку и отмечалось, что "этот вопрос является для Азербайджана не просто проблемой территориального приращения, а скорее условием жизнеспособности страны" (50).

15 сентября 1918 г. объединенные турецко-азербайджанские сапы освободили Баку от сил т. н. "Диктатуры Центрокаспия". 17 сентября Азербайджанское правительство во главе с Ф. Х. Хойским прибыло из Гянджи в Баку.

В первую годовщину освобождения Баку газета "Азербайджан" писала: "Если дату 28 мая мы считаем официальным днем провозглашения нашей независимости, то день 15 сентября, день [226-227] вступление азербайджанских войск и Азербайджанского правительства в Баку, можно считать днем закладки фундамента и главных основ государственного организма" (51).

В этом отношении освобождение Баку стало одним из важных этапов на пути достижения конечной цели национального движения - построения независимого Азербайджанского государства.

Боевые действия между турецко-азербайджанскими силами и отрядами Бакинского Совета в отечественной историографии, как правило, квалифицировались гражданской войной. Но с такой оценкой невозможно согласиться, даже полностью принимая большевистскую трактовку этого понятия, согласно которой гражданская война это вооруженная борьба за государственную власть между классами и социальными группами, являющейся выражением наиболее острой формы классовой борьбы.

Летом 1918 г. в Азербайджане шла война не между классами и социальными группами. В этот период национальные силы, стремящиеся к достижению государственной независимости Азербайджана, фактически столкнулись с иностранной интервенцией в лице вооруженных сил Бакинского Совета. Ведь в подавляющем своем большинстве основной костяк сил Бакинского Совета не имел никакого отношения к Азербайджану. В силу этого, в борьбе с национальными силами они полностью опирались на военную помощь и поддержку извне. С этой точки зрения война с большевиками летом 1918 г. была прямым продолжением национального движения, которое в качественно новых условиях приобрело форму национальной войны.

В достижении победы в этой войне национальным силам неоценимую помощь оказали турецкие войска, т. к. Азербайджанское правительство еще не располагало необходимыми вооруженными силами. Хотя в данном направлении предпринимались определенные шаги. Так, 26 июня 1918 г. мусульманский корпус был преобразован в Отдельный Азербайджанский корпус. 11 августа была объявлена всеобщая мобилизация, и все граждане Азербайджанской Республики 1894-1899 гг. рождения были призваны на службу в армии. При деятельном участии турецких офицеров были основаны военные школы для подготовки офицерских кадров. Однако за короткий срок невозможно было создать боеспособную армию и в достижении военной победы на антиазербайджанскими силами огромную помощь Азербайджанской Республике оказали турецкие войска. [227-228]

Несомненно, что в исследуемый нами период стратегические цели Азербайджанского национального движения и турецких правящих кругов в регионе, в целом, не совпадали. Но несмотря на субъективные устремления тех или иных турецких руководителей, объективно турецкая помощь Азербайджану носила прогрессивный характер, т. к. способствовала защите и укреплению зарождающейся азербайджанской государственности, построение основ которого и являлось стратегической целью национального движения.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ЦГАНИ Азерб. Респ., ф. 970, оп. 1, ед. хр. 1, л. 47.
2. Там же.
3. Азербайджан, 1919, 28 мая.
4. ЦГАНИ Азерб. Респ., ф. 970, оп. 1, ед. хр. 4, л. 3.
5. Азербайджан, 1919, 12 февраля.
6. Азербайджан, 1919, 28 мая.
7. Ставровский А. Закавказье после Октября. М. - Л., 1925, сс. 50 - 51.
8. ЦГАНИ Азерб. Респ., ф. 970, оп. 1, ед. хр. 1, лл. 49 - 50.
9. Там же.
10. Расулзаде М. Э. Азербайджанская Республика. Баку, 1990, с. 40 (на азерб. яз.).
11. ЦГАНИ Азерб. Респ., ф. 970, оп. 1, ед. хр. 1, л. 48.
12. Там же.
13. Мамедзаде М. Б. Азербайджанское национальное движение. Баку, 1992, с. 99 (на азерб. яз.).
14. Там же.
15. ЦГАНИ Азерб. Респ., ф. 970, оп. 1, ед. хр. 1, л. 57.
16. Там же.
17. Там же, л. 58.
18. Там же, л. 59.
19. Там же, л. 60.
20. Там же, л. 59.
21. Там же, л. 60.
22. Там же, л. 59.
23. Там же, л. 61.
24. ЦГАНИ Азерб. Респ., ф. 894, оп. 10, ед. хр. 149, л. 89.
25. Там же, л. 34.
26. ЦГАНИ Азерб. Респ., ф. 970, оп. 1, ед. хр. 1, л. 61.
27. Там же. 228 [228-229]
28. Токаревский Е. А. Из истории иностранной интервенции и гражданской войны в Азербайджане. Баку, 1957, с. 83.
29. Азербайджан, 1919, 6 декабря.
30. ЦГАНИ Азерб. Респ., ф. 894, оп. 10, ед. хр. 45, л. 2.
31. ЦГАНИ Азерб. Респ., ф. 894, оп. 10, ед. хр. 149, л. 47.
32. ЦГАНИ Азерб. Респ., ф. 970, оп. 1, ед. хр. 1, лл. 51 - 52.
33. ЦГАНИ Азерб. Респ., ф. 894, оп. 10, ед. хр. 47, лл. 1 - 2.
34. Там же, л. 1.
35. См.: Кочарли Т. К. Исторический поворот в судьбах азербайджанского народа. Баку, 1980, с. 122; Искендеров М. С. Из истории борьбы Коммунистической партии Азербайджана за победу Советской власти. Баку, 1958, с. 252.
36. Агамалиева Н., Худиев Р. Азербайджанская Республика. Страницы политической истории. 1918 - 1920 гг. Баку, 1994, сс. 19 - 20.
37. ЦГАНИ Азерб. Респ., ф. 970, оп. 1, ед. хр. 1, л. 47.
38. Там же.
39. Байкара Г. История борьбы за независимость Азербайджана. Баку, 1992, сс. 236 - 237 (на азерб. яз.).
40. Большевики в борьбе за победу социалистической революции в Азербайджане. Документы и материалы. 1917 - 1918 гг. Баку, 1957, с. 425.
41. Документы по истории гражданской войны в СССР. М., 1941, т. 1, с. 287.
42. Там же, с. 523.
43. Там же, сс. 518 - 519.
44. Шаумян Сурен. Бакинская коммуна // Пролетарская революция, 1926, № 12, сс. 83 - 84.
45. Бакинский рабочий, 1918, 29 мая.
46. Известия Бакинского Совета, 1918, 18 июня.
47. Бюллетень Диктатуры Центрокаспия и Президиума временного Исполнительного комитета, 1918, 6 августа.
48. Документы по истории гражданской войны в СССР, т. 1, с. 289.
49. Там же, сс. 289 - 290.
50. ЦГАНИ Азерб. Респ., ф. 894, оп. 10, ед. хр. 149, лл. 83 - 85.
51. Азербайджан, 1919, 15 сентября. [229-230]

Взаимоотношения национального правительства и английского командования. Открытие Азербайджанского парламента

Стремительная развязка событий на фронтах первой мировой войны осенью 1918 г. привела к новой расстановке сил в закавказском регионе. Потерпев военное поражение, Турция была вынуждена 30 октября 1918 г. подписать Мудросское перемирие с представителями Великобритании, уполномоченными на это державами Антанты. Согласно условиям перемирия, Турция должна была вывести свои войска из Закавказья, в том числе из Азербайджана. По 11-й статье Мудросского перемирия Закавказье объявлялось сферой влияния Великобритании, а по 15-й английские войска должны были быть введены в Баку (1). Несмотря на все сложности азербайджано-турецких взаимоотношений, в тот период именно Турция являлась фактически единственным союзником азербайджанского народа в его национально-освободительной борьбе. Уход турков из Азербайджана не только создавал труднопреодолимые препятствия на пути достижения стратегических целей Азербайджанского национального движения, но и ставил под удар все предыдущие завоевания освободительной борьбы. Тем более, что англичане, призванные заменить турков в регионе, рассматривали Азербайджанское национальное движение "пятой колонной" Турции и не питали никаких симпатий ни к азербайджанским лидерам, ни к декларируемым ими целям. Свидетельством тому стала безрезультатная встреча азербайджанской делегации в составе Н. Усуббекова, А. Агаева и М. Рафиева с главнокомандующим британскими войсками в Иране генералом В. М. Томсоном в начале ноября 1918 г. в Энзели. Отказавшись признать азербайджанскую независимость, генерал Томсон прямо заявил, что "не существует республики, родившейся согласно всеобщему желания азербайджанского народа; имеется только правительство, организованное интригой турецкого командования". Правда, в ответ на возражение азербайджанских представителей, В. М. Томсон обещал по прибытии в Баку со всеми проблемами разобраться на месте и "вынести соответствующее решение" (2).

Требования англичан к азербайджанским представителям подробно изложены в телеграмме азербайджанской делегации, отправленной из Энзели. В ней, в частности, отмечалось: "Томсон настоятельно требует очищения Баку к десяти часам утра 17 [230-231] ноября не только от турецких, но и от азербайджанских войск. Будет оккупирован только Баку с промыслами. Азербайджанские войска остаются везде, кроме района Баку. Азербайджан официально не признается, но представители Англии, Франции, Америки будут в сношении с фактическим его правительством. Все организации, правительственные, государственные, общественные учреждения продолжают функционировать на прежних основаниях, за исключением следующих: генерал Томсон объявляется генерал-губернатором города. Во главе городской милиции ставится англичанин. Городская Дума, Совет съездов могут быть реорганизованы... Принцип самоопределения народностей решается на мирной конференции, причем Азербайджан не будет исключен. В отряде будет Бичерахов с казаками, относительно действий которых генерал дает заверение; вооруженных армян не будет впущено в город" (3).

17 ноября 1918 года английские войска прибыли в Баку. По прибытии в Баку генерал В. М. Томсон обратился с воззванием к населению города, в котором, в частности, говорилось: "В момент торжества мы не забываем великих услуг, оказанных русским народом делу союзников в первые годы мировой войны. Союзники не могут возвратиться к себе домой, прежде чем не восстановят порядок в России и предоставят ей возможность нанять свое место в ряду других народов мира" (4).

Вместе с англичанами в Баку прибыл и вооруженный отряд новоиспеченного "главнокомандующего русскими морскими и сухопутными силами на Кавказе" Л. Бичерахова. Поздравив местное население "с возвращением русских и союзных войск в Баку", он в своем воззвании "К гражданам России" выразил уверенность в том, что "при помощи союзников Великая Русь скоро будет восстановлена в своих исконно старых границах" (5).

Позиция занятая английским командованием в первые дни их пребывания в Баку, привела в восторг русских шовинистов и черносотенцев, т. к. она благоприятствовала их стремлениям и целям. Наоборот, в этот момент азербайджанское население города находилось в весьма тревожном состоянии, которое еще больше усиливалось бесчинствами солдат отряда Л. Бичерахова на улицах Баку. Бичераховские солдаты устраивали дебоши в азербайджанских кварталах города, срывали вывески на азербайджанском языке, разбивали витрины магазинов и даже сбивали папахи с азербайджанцев. [231-232]

События, связанные с прибытием 17 ноября 1918 г. англичан в Баку и их негативным отношением к азербайджанцам, достаточно подробно описаны в исторической литературе. Однако до

сих пор нет единого, и самое главное, вразумительного ответа в отношении причин кардинального изменения основных акцентов политики английского командования в Азербайджане, в конечном итоге, приведшее в конце декабря 1918 г. к признанию дефакто Азербайджанского правительства и полной изоляции великодержавных политических сил в Баку.

Относительно мотивов благожелательного отношения англичан к русским национальным организациям и их лидерам в Баку в начальный период их присутствия в городе в исторической литературе, в основном, существуют две версии. Согласно мнению сторонников первой версии, англичанами, вообще, была разыграна комедия, т. к. по их мнению, английская политика изначально была проазербайджанской и преследовала цель отторжения Азербайджана от России. Так, один из наиболее последовательных сторонников этой версии А. Раевский, в частности, утверждает, что "русофильская" политика английского командования явилась попросту, вынужденной обстоятельствами, временной мерой буффонадного характера..." (6), направленной на укрепление их положения в Азербайджане.

По соображениям А. Раевского, мотивы подобного поведения англичан были продиктованы тремя факторами:

1) В начальный период интервенция формально прокламировалась, как общесоюзническое дело. В Баку прибыли представители не только Великобритании, но и Франции и США. Последние же, в отличие от англичан, склонялись к сохранению России в ее старых пределах. Поэтому в начале британский штаб считал необходимым "соблюдать декорум восстановления России в ее довоенных границах".

2) Другой причиной упомянутого поведения англичан явилось стремление таким путем оказать давление на "ярко туркофильское" Азербайджанское правительство. Подчеркнутые в первых воззваниях англичан утверждения о принадлежности Закавказья к России должны были служить инструментом политического шантажа, заставив "государственную машину мусаватского Азербайджана вертеться в нужном для англичан направлении".

3) И наконец, третьей причиной, сыгравшей известную роль в появлении английской политической маскировки, являлось желание В. М. Томсона использовать в своих целях русские [232-233] белогвардейские элементы, т. к. английские войска вначале были весьма малочисленными и заняли Баку при содействии отряда Л. Бичерахова. В этих условиях, преждевременное раскрытие антирусских карт автоматически перебросило бы белогвардейские военные отряды из под английского управления во враждебный лагерь. Именно чисто военное соотношение сил заставляло декларировать благожелательное отношение к сохранению целостности России до тех пор, пока британский штаб не получил прочную собственную базу (7).

Анализ исторических фактов опровергает все три аргумента А. Раевского. Предположим, что первый аргумент А. Раевского соответствует действительности и "русофильская" политика англичан в начальный период их пребывания в Баку объяснялась стремлением союзников Великобритании – Франции и США сохранить целостность России в пределах 1914 г. Но тогда, по логике вещей, для отказа англичан от политики "соблюдения декорума восстановления России", который произошел уже спустя месяц после их прибытия в Баку, должно было случиться одно из двух-либо кардинальное изменение линии поведения Франции и США в вопросе сохранения целостности России, либо же окончательный разрыв Лондона со своими союзниками. Между тем, за этот короткий период ни политика США и Франции в отношении России, ни взаимоотношения англичан со своими союзниками не претерпели существенных изменений.

Не отрицая определенную ревность союзников в отношении стремления Великобритании укрепиться в закавказском регионе, тем не менее, необходимо признать тот факт, что отнюдь не случайно право заключения перемирия с Турцией от имени Антанты было предоставлено Великобритании. Дело в том, что территории, о которых речь шла в Мудросском перемирии, входили в зону традиционных колониальных интересов этой страны. Еще 23 декабря 1917 г. между Англией и Францией была заключена конвенция, согласно которой Кавказ входил в сферу влияния Великобритании. Это объяснялось тем обстоятельством, что Закавказье находилось далеко от границ французских колониальных владений. Даже при наличии соответствующего желания официальный Париж вряд ли смог здесь сыграть более существенную роль, и тем более всерьез конкурировать с Великобританией, из-за отсутствия у него необходимых военных сил и средств в закавказском регионе и его близости. Что же, касается США, то в этот период принципы изоляционизма еще продолжали оказывать определяющее влияние на формирование [233-234] внешнеполитического курса этой страны, не допуская вовлечения США в дела стран, находящихся вне американского континента. Таким образом, союзники Англии не очень-то стремились втягиваться в закавказские события.

В этом контексте вполне объяснимо, что по Мудросскому перемирию Закавказье объявлялось сферой влияния Великобритании. Это фактически означало предоставление англичанам карт-бланш на полную свободу действий в этом регионе, без оглядки на союзников.

Весьма симптоматично и то, что после ухода англичан из Закавказья, ни одно из государств Антанты так и не решилось взять мандат на управление этим краем. Таким образом, очевидно, что причиной первоначальной "русофильской" политики англичан в Баку не могла быть позиция Франции и США в этом вопросе. По крайней мере, данный фактор не имел решающего значения в формировании английской политики в Закавказье, поскольку возможности союзников оказать влияние на действия англичан в регионе были весьма ограничены.

Еще более безосновательны рассуждения о попытке англичан с помощью политики шантажа вынудить Азербайджанское правительство изменить свою протурецкую ориентацию. Тем более, что к тому моменту во внешнеполитической ориентации национального движения уже произошли существенные изменения и азербайджанские представители еще в начале ноября 1918 г. заявили генералу В. М. Томсону о своей готовности сотрудничать с англичанами. С другой стороны, англичане были прекрасно осведомлены об отсутствии в тот момент у Азербайджанского правительства сколь-нибудь значительной силы для сопротивления им. Свидетельством тому является признание М. Э. Расулзаде, который, описывая положение Азербайджанского правительства в тот период, отмечал: "Турецкая армия ушла, нет и азербайджанских частей. Потому что прибывшее командование не признавало войск, назвавшихся азербайджанскими частями. Собственно говоря, азербайджанские войска не представляли организованной силы... Если даже предположить, что была бы сила, естественно, немисливо было для Азербайджана открыть военные действия против той силы, перед которой капитулировали Германия и Турция" (8).

Не следует также забывать, что в то время в азербайджанских политических кругах не было единого мнения относительно азербайджанской независимости. Влиятельные силы азербайджанского общества, доминировавшие в экономической жизни страны, [234-235] относились к этой идее если не враждебно, то по крайней мере, с большой подозрительностью. Так, крупные землевладельцы, надеясь на силу Азербайджанского правительства и встревоженные планами земельной реформы "Мусавата", стремились иметь более твердую гарантию прочности и незыблемости своего положения в лице общероссийской государственности. Часть азербайджанской торгово-промышленной буржуазии, обладавшей большими связями с Россией, также опасалась ограничения этих связей в случае укрепления независимости Азербайджана.

Выразителем политических и экономических интересов именно этих кругов являлся А. Агаев, который выступая на совещании политических представителей национальных трупп так изложил свои взгляды на создавшееся положение: "В результате мировой войны Турция, на которую до сего времени опирались азербайджанские турки, оказалась побежденной. Поскольку азербайджанцы могут ориентироваться только на Турцию и Россию, то с поражением Турции им ничего не остается, как связать свою судьбу с судьбой России. Тем более, что в культурном отношении Россия стоит на более высокой ступени, нежели Турция. Исходя из этих соображений, а также если азербайджанский вопрос не будет разрешен на мирной конференции в Европе, то азербайджанский народ будет согласен войти в состав общероссийской федерации" (9).

Фактически А. Агаев принял условия Русского Национального Совета, в ультимативной форме потребовавшего от азербайджанских лидеров признания будущей федеративной связи Азербайджана с Россией в качестве базы переговоров. Подобный шаг А. Агаева, в сущности, означал полную капитуляцию перед великодержавными русскими кругами и фактический отказ от идеи государственной независимости Азербайджана. Именно имея в виду А. Агаева, М. Э. Расулзаде впоследствии писал: "Были такие, которые перед затруднениями изменили свою позицию на 180 градусов. Для того, чтобы понять создающуюся опасность, достаточно сказать, что некоторые уважаемые лица, в патриотизме которых нельзя было сомневаться, впали в такое малодушие, что предлагали поставить на обсуждение вопрос об отказе от независимости" (10).

Как видим, вышеизложенные факты свидетельствуют о том, что не было никакой необходимости в политическом шантаже азербайджанских политиков со стороны англичан.

Безосновательны и аргументы А. Раевского относительно зависимости англичан от военной поддержки белогвардейских [235-236] сил, в данном случае, от отряда Л. Бичерахова. Во-первых, как уже было отмечено, Азербайджанское правительство не обладало необходимыми военными силами, и самое главное, не собиралось оказывать вооруженного сопротивления англичанам. А во-вторых, не надо забывать, что Л. Бичерахов находился на содержании у англичан и, следовательно, во всех отношениях полностью зависел от них. Неслучайно, что при появлении первых же симптомов непослушания со стороны Л. Бичерахова, по первому же требованию англичан он своим отрядом без всякого шума был вынужден убраться из Баку.

Таким образом, факты опровергают версию о разыгрывании англичанами "комедии" на начальном этапе их нахождения в Баку с целью маскировки своей проазербайджанской позиции.

Трудно согласиться и со сторонниками второй версии, которые мотивируют недоброжелательное отношение англичан к азербайджанцам результатом их тенденциозной информированностью со стороны враждебно настроенных к азербайджанской независимости сил. Данная версия очень распространена в азербайджанской эмигрантской литературе, посвященной исследуемой нами проблеме. Однако эти авторы не учитывают, что англичане обладали широко разветвленной сетью источников, снабжавших их разнообразной и подробной информацией о реальной ситуации в регионе. И линия поведения англичан определялась в результате анализа всей совокупности этой информации, что практически исключает возможность введения их в заблуждение со стороны тех или иных сил.

Необходимо признать, что недоброжелательное отношение англичан к азербайджанцам было обусловлено объективными факторами. Ведь придерживаясь во внешнеполитической сфере активной протурецкой ориентации, лидеры Азербайджанского национального движения в период послефевральской революции однозначно занимали антианглийскую позицию, считая Великобританию одним из основных поработителей мусульманских народов. В этом отношении достаточно вспомнить выступления азербайджанских депутатов в Закавказском Сейме, обвинявших англичан в разжигании межнациональных противоречий в Закавказье и в сознательном спровоцировании осложнений в отношениях между Закавказской Федерацией и Турцией. Более того, еще были свежи в памяти события лета и осени 1918 г., связанные с освобождением Баку, когда азербайджанские и английские солдаты находясь в противоположных сторонах фронта, сражались друг против друга. [236-237]

В силу этих причин, первоначальное негативное отношение англичан к азербайджанцам было вполне естественно. Неудивительно, что в первом воззвании генерала В. М. Томсона после его прибытия в Баку к населению города слово "Азербайджан" даже не упоминалось. Из содержания воззвания было видно, что англичане рассматривают Кавказ и Азербайджан частью России, которую они считали своей союзницей. В нем подчеркивалось, что английские войска заняли Баку "с ведома и полного согласия нового русского правительства" (имелась в виду Уфимская директория - Временное всероссийское правительство", созданное в сентябре 1918 г. и состоящее в основном из эсеров и кадетов - А. Б.) (11).

По нашему мнению, чтобы понять причины изменения данной позиции англичан в течение довольно короткого периода необходимо, прежде всего, определить конкретные цели миссии генерала В. М. Томсона в Баку. Некоторые исследователи, ошибочно ставя знак равенства между стратегическими целями Великобритании в регионе и задачами данной миссии, утверждают, что Томсон был призван содействовать отторжению Закавказья, и в первую очередь бакинского нефтяного района, от России. Но думается, что перед генералом В. М. Томсоном была поставлена более локальная задача - обеспечение стабильности в регионе. Подтверждением тому являются собственные слова В. М. Томсона, сразу же по прибытии в Баку заявившего о том, что "на Кавказе еще не спокойно, и надо внести успокоение в Бакинском районе" (12). Безусловно, достижение стабильности в Закавказье было для англичан не самоцелью, а средством создания соответствующих условий для беспрепятственного вывоза бакинской нефти для нужд Великобритании. Даже А. Раевский вынужден констатировать, что в ноябре-декабре 1918 г. В. М. Томсон еще не имел совершенно четкой и безоговорочной директивы от британского правительства о присоединении Закавказья к английским владениям.

В этом контексте вполне закономерно, что В. М. Томсон выдвинул идею создания коалиционного правительства по национальному признаку. По замыслу англичан, реализация данной идеи должна была способствовать если не полному устранению межнациональных трений, то по крайней мере, их сглаживанию. При этом главную роль в создании коалиционного правительства англичане отводили русским политическим группировкам в Баку, поскольку отношения с ними были для них более приоритетными, по сравнению с азербайджанскими "самостийниками". [237-238]

С этой целью уже в первый день своего прибытия в Баку, вечером 17 ноября 1918 г. В. М. Томсон пригласил к себе лидеров Русского Национального Совета, придерживающихся принципа "единой и неделимой России" - М. Пошибякина, Б. Байкова и Я. Смирнова. В ответ на предложение о создании коалиционного правительства, лидеры Русского Национального Совета, считавшие Азербайджан неотъемлемой частью России, открыто потребовали аннулирования азербайджанской независимости и даже грозили английскому командованию, что "игнорирование настроений, имеющихся в Каспийской военной флотилии, является большой ошибкой, чреватой нежелательными осложнениями". В этой связи газета "Азербайджан" саркастически замечала, что оказывается "надо считаться не с мнением трехмиллионного народа, решившегося самим собою управляться, а с настроением Каспийской флотилии" (13).

М. Э. Расулзаде, характеризуя обстановку сложившуюся в начале декабря 1918 года в стране, писал: "С одной стороны, поддержанная авторитетом союзного командования вооруженная сила (отряд Л. Бичерахова - А. Б.) не признававшая независимости Азербайджана, а с другой стороны – правительство, черпавшее силу из чаяний и воли азербайджанского народа и не опиравшееся на организованную военную силу. Русские организации и политические партии, являвшиеся подголоском союзного командования, до невозможности были избалованы и в высшей степени набрались смелости. Азербайджанцам говорили, что откажитесь от независимости, объявленной вами, и мы окажем вам благоволение, и к этому любезно добавляли, что в правительстве, организуемом ими, азербайджанцам, сравнительно с другими, будут предоставлены очень высокие посты. Враждебность же и упрямство армянской организации были еще более явными" (14).

Возможно, что англичане пошли бы на удовлетворение даже этих требований русских лидеров. Однако последние, раньше времени возомнившие себя полными хозяевами положения и вдохновляемые армянскими деятелями, выдвинули новые условия, осуществление которых фактически означало бы реанимацию политики репрессий в отношении азербайджанцев в духе печальных традиций марта 1918 г. Это могло привести к новой эскалации межнациональной напряженности, что шла вразрез с планами англичан, стремящихся к стабилизации ситуации в регионе. При всей симпатии англичан к русским они не могли на это пойти. В результате переговоры английского командования [238-239] с представителями Русского Национального Совета были приостановлены.

В этой непростой обстановке азербайджанские лидеры, в отличие от русских, продемонстрировали больший реализм в оценке политической ситуации. Проявив твердость в защите идеи национальной независимости, они, одновременно, выразили готовность к созданию коалиционного правительства в стране, что проявилось не только в декларативных заявлениях, но и в практических шагах руководства Национального Совета Азербайджана, возобновившего свою работу 16 ноября 1918 г.

19 ноября 1918 г. Национальный Совет принял "Закон об образовании азербайджанского парламента". Учитывая полиэтнический состав населения страны, закон предусматривал создание всех необходимых условий для интеграции представителей не только относительно крупных национальностей - русских и армян, но и малочисленных национальных групп Азербайджана - поляков, грузин, евреев, немцев в государственные структуры власти. Для этих национальностей, строго пропорционально их удельному весу в национальном составе населения Азербайджана, были предусмотрены специальные квоты в парламенте. Из расчета 1 депутат на каждые 25 тыс. населения, 120 депутатских мест в парламенте были распределены следующим образом: мусульманское население получило - 80, армяне - 21, русские - 10 и немцы, евреи, грузины и поляки - по одному месту. Многонациональный состав законодательного органа Азербайджана открывал прямой путь к созданию коалиционного правительства на национальной основе.

С целью привлечения к работе парламента представителей Русского Национального Совета азербайджанские лидеры на заседании Национального Совета Азербайджана от 24 ноября 1918 г. выдвинули новое компромиссное предложение. Азербайджанские лидеры не настаивали на немедленном признании со стороны Русского Национального Совета независимости Азербайджана и предлагали следующий пакет предложений:

"1. Вопрос о политическом положении и форме устройства Азербайджана окончательно должен быть разрешен на Всеобщей Мирной Конференции.

2. До этого момента существующее фактическое положение в системе управления Азербайджана сохраняет свою силу.

3. Если Всероссийское Учредительное собрание с участием представителей всех самоопределившихся народов России соберется до Всеобщей Мирной Конференции, то Азербайджан [239-240] примет в нем участие и будет отстаивать свои принципы по вопросу о самоопределении" (15).

Однако Русский Национальный Совет, не признававший права азербайджанского народа на национальное самоопределение, отказался делегировать своих представителей в парламент Азербайджана. В ответ на это компромиссное предложение Русский Национальный Совет вновь потребовал от Азербайджанского правительства признания верховной власти Уфимской директории.

Получив отказ, азербайджанские лидеры твердо заявили: "По основному положению парламента, русские и армяне могут участвовать в правительстве; больше этого мы категорически ничего не можем принять"(16).

Принципиальная позиция руководства Национального Совета Азербайджана повлияла на позицию ряда русских деятелей. Часть из них, не согласившись с жесткой позицией лидеров Русского Национального Совета, создала т. н. Славяно-Русское общество. Хотя Славяно-Русское общество также придерживалось "идеи целостности России в пределах границ 1914 г.", тем не менее, оно решило "войти в соглашение с Национальным Советом Азербайджана по вопросу организации власти" и заявило о

своей готовности участвовать в работе Азербайджанского парламента и коалиционного правительства (17). Своих представителей в парламент направили также партия "Дашнакцутюн" и армянская община Азербайджана.

На фоне амбициозных стремлений руководства Русского Национального Совета, ставшего камнем преткновения на пути создания коалиционной власти в Азербайджане, позиция азербайджанских лидеров не могла не импонировать англичанам. Тем более, что подобное затягивание с формированием коалиционного правительства грозило дестабилизацией ситуации. Именно с этого момента начинается постепенное сближение между англичанами и Национальным Советом Азербайджана. Несомненно, этот процесс происходил не так стремительно и прямолинейно, как это может показаться на первый взгляд. Приостановление переговоров англичан с Русским Национальным Советом вовсе не означало, что между ними произошел окончательный разрыв. Нотки недоверия к азербайджанцам у англичан по-прежнему были сильны, проявлением которых стали действия В. М. Томсона, фактически запретившего открытие Азербайджанского парламента, намеченного на 3 декабря 1918 г. Из-за этого первое заседание парламента удалось провести лишь 7 декабря 1918 г. [240-241]

Открывая первое заседание Азербайджанского парламента председатель Национального Совета М. Э. Расулзаде, в частности, сказал: "Почтенные члены Азербайджанского парламента! На мою долю выпало великое счастье открыть заседание первого Азербайджанского парламента, члены которого призваны служить делу осуществления идеи свободного и самостоятельного существования сынов своей родины. Ход великих событий привел нас к эпохе, когда каждый народ, входящий в состав русского государства, предоставленный самому себе, сам же должен позаботиться о своей судьбе, об устройстве внутренней жизни и урегулировании внешних взаимоотношений".

В конце своей речи лидер национального движения призвал членов парламента "ставить интересы родины и благополучие народа выше партийных интересов" и предложил выбрать руководство парламента (18).

На пост председателя парламента партия "Мусават" выдвинула кандидатуру А. М. Топчибашева, а на пост его заместителя Г. Агаева. Их кандидатуры не встретили возражений со стороны представителей других партий. Из-за отсутствия А. М. Топчибашева, который в тот момент находился в Стамбуле, исполнение обязанностей председателя парламента временно было возложено на Г. Агаева.

Затем слово было предоставлено премьер-министру Ф. Х. Хойскому, который объявил о сложении правительством своих полномочий и передаче всей полноты власти парламента. Парламент, приняв отставку правительства, попросил Ф. Х. Хойского до формирования нового кабинета исполнять свои функции.

Создание Азербайджанского парламента не только не охладило пыл русских лидеров, а наоборот, еще больше озлобило их. Тем более, что судя по всему в этот период генерал В. М. Томсон еще продолжал заигрывать с ними несмотря на прерывание переговоров, видимо, все еще надеясь привлечь их к участию в формировании коалиционного правительства.

Между тем у русских и армянских лидеров были совсем другие планы. Они начали предпринимать усилия, направленные на насильственный захват власти в Азербайджане при военной поддержке отряда Л. Бичерахова. С этой целью эсерами и дашнаками было создано т. н. "Кавказско-каспийское правительство", поддержанное всеми антиазербайджанскими силами, от Л. Бичерахова до русских кадетов. Это уже был прямой вызов, брошенный англичанам, на который они не могли не реагировать. [241- 242]

Английскому командованию ничего не оставалось, как арестовать и выслать за пределы Азербайджана пятерых руководителей т. н. "Кавказско-каспийского правительства" С. Саакяна, Я. Штерина, А. Валунца (все эсеры), А. Аракеляна (дашнак) и А. Витоля (беспартийный). Арест этих деятелей вызвал резкое недовольство русскоармянских политических сил. Воспользовавшись ситуацией, эсеры и меньшевики в спешном порядке созвав рабочую конференцию, избрали на ней стачечный комитет.

После отказа генерала В. М. Томсона освободить арестованных, стачечный комитет, состоящий, в основном, из меньшевиков и эсеров, объявил с 24 декабря 1918 г. всеобщую забастовку в городе. Декабрьская забастовка, в советской историографии преподносившаяся в качестве "крупнейшей демонстрации неиссякаемой революционной силы бакинского пролетариата" (19), носила четко выраженный политический характер и была направлена против национально-государственной независимости Азербайджана. Ненависть руководителей забастовки к Азербайджану рельефно была выражена в печатном органе стачечного комитета, в котором утверждалось, что "у бакинского пролетариата три врага: голод, Азербайджан и сила, прибывшая извне" (20).

Русский Национальный Совет и Л. Бичерахов активно поддерживали забастовщиков, т. к. арестованные лица были непосредственно связаны с осуществлением их черносотенно -

великодержавных планов. Сам Л. Бичерахов и представители Русского Национального Совета, посетив В. М. Томсона, "от имени русского населения" настоятельно просили его удовлетворить требования рабочей конференции. Таким образом, декабрьская забастовка продемонстрировала удивительную солидарность всей разношерстной компании русско-армянских политических сил начиная с большевиков и дашнаков, и кончая кадетами, меньшевиками и эсерами в борьбе с азербайджанской независимостью. Все эти элементы под различными флагами, одни под лозунгом социализма, другие проникнутые чувством русского великодержавного шовинизма, проводили идентичную линию отрицания права азербайджанского народа на национальное самоопределение и требовали безоговорочного присоединения Азербайджана к России. В данном вопросе все их политические и идеологические разногласия отходили на задний план.

Забастовка в целом была относительно немногочисленной (в ней участвовало около 11,5 тыс. рабочих 23 предприятий), т. к. [242-243] рабочие - азербайджанцы, проявив политическую сознательность, ее бойкотировали. Однако приостановка работы двух электростанций, обслуживаемых исключительно рабочими русской и армянской национальностей, парализовало жизнедеятельность города. Поэтому английское командование вынуждено было освободить арестованных. Все же это была пиррова победа, очень скоро обернувшаяся для великодержавных сил полным крахом, поскольку она значительно ускорила процесс перехода англичан на проазербайджанские позиции.

Тем временем, после продолжительных консультаций формирование нового правительственного кабинета вновь было поручено Ф. Х. Хойскому. 26 декабря 1918 г. он выступил с декларацией нового правительства на заседании парламента. По словам Ф. Х. Хойского, главной целью правительства являлось "окончательное разрешение вопроса независимости Азербайджана" (21). В связи с этим задача правительства заключалась в том, чтобы "добиться участия в Мирной конференции и осветить желание и положение Азербайджана в истинном, а не превратном виде".

Касаясь внешнеполитического курса нового правительства, Ф. Х. Хойский подчеркнул, что независимость и самостоятельность отнюдь не означают отчужденность от других народов. В силу этого, правительство намеревалось "вступить в теснейшие связи с другими государствами, образовавшимися на территории России, в том числе и с самой Центральной Россией". Ф. Х. Хойский высказался за мирное решение всех спорных вопросов с соседними государствами. Он отметил, что "правительство не имеет никаких агрессивных намерений по отношению к кому бы то ни было и выступает за сохранение братских и дружественных отношений со всеми государствами" (22).

В области внутренней политики правительство намеревалось обеспечить все основные политические свободы, "без которых немислим прогресс страны" свободу слова, печати, собраний и т. д. Далее премьер-министр отметил, что "всякая страна тогда только может процветать, когда все ее граждане будут пользоваться равными правами, когда каждая национальность будет чувствовать, что права ее охраняются так же, как и права другой" (23). В частности, он подтвердил право всех национальностей обучаться на родном языке.

В декларации правительства указывалось, что земля должна быть передана в руки крестьян безвозмездно. Вместе с тем, в ней отмечалось, что разрешение такой сложной проблемы не может [243-244] совершиться в один день и предлагалось подготовить необходимые материалы и статистические данные по этому вопросу, чтобы будущее Учредительное собрание смогло принять окончательное решение "в же-лательном для большинства народа смысле" (24).

В рабочем вопросе правительство стремилось к установлению такого порядка, при котором каждый рабочий был бы обеспечен безбедным существованием и был бы гарантирован на случай потери трудоспособности и старости.

Все парламентские фракции, за исключением фракции "Иттихада", одоббив изложенную программу действий нового правительства, утвердили его персональный состав, предложенный Ф. Х. Хойским. В него вошли:

Премьер-министр и министр иностранных дел Ф. Х. Хойский (независимый).

Министр внутренних дел Х. Хасмамедов ("Мусават").

Министр финансов И. Протасов (Славяно-Русское общество).

Министр путей сообщения Х. Мелик - Асланов (независимый).

Министр юстиции Т. Макинский (независимый).

Министр просвещения и религиозных дел Н. Усуббеков ("Мусават").

Министр почт и телеграфа А. Сафикюрдский ("Мусульманский социалистический блок").

Военный министр С. Мехмандаров (независимый).

Министр социального обеспечения Р. Хойский (независимый).

Министр здравоохранения Е. Гиндес (Славяно-Русское общество).

Министр торговли и промышленности М. Асадуллаев (независимый).

Министр государственного контроля М. Г. Гаджинский ("Мусават").

Министр продовольствия К. Лизгар (Славяно-Русское общество).

Министр земледелия Х. Султанов (независимый) (25).

Таким образом, впервые в состав правительства вошли представители некоренных национальностей три члена Славяно-Русского общества.

В связи с формированием нового коалиционного правительства генерал В. М. Томсон 28 декабря 1918 года выступил с декларацией следующего содержания: "Ввиду образования коалиционного Азербайджанского правительства под председательством [244-245] Ф. Х. Хойского, объявляю, что союзное командование будет оказывать полную поддержку этому правительству, как единственной местной законной власти в пределах Азербайджана" (26). В. М. Томсон потребовал от Русского Национального Совета аналогичного признания, но получил категорический отказ, фактически предпривидя судьбу великодержавных кругов.

Прибывший 22 января 1919 г. в Баку главнокомандующий союзными войсками в Закавказье генерал Дж. Мильтон во время встречи с премьер-министром Ф. Х. Хойским еще раз подтвердил, что "английское правительство признает правительство Азербайджана, как единственную легальную власть на территории Азербайджана, что эта власть будет поддержана союзным командованием всеми способами" (27).

Таким образом, первоочередная задача Азербайджанского правительства добиться признания англичан была выполнена. В этой связи М. Э. Расулзаде отмечал, что "такое поведение англичан не вытекало из того, что они были влюблены в черные глаза азербайджанцев. Собственно говоря, любовь не может служить политическим фактором, т. к. вместе с первобытным эпическим временем давно отошла в область преданий. Здесь имела место не любовь, а политические и экономические интересы" (28).

Оценивая избранную азербайджанскими лидерами тактику в этот период, советские историки в один голос утверждали, что "мусаватисты продали Азербайджан Англии, чтобы с помощью британских штыков удержаться у власти" (29).

Как ни парадоксально, почти идентичного мнения придерживаются и известные зарубежные советологи Ф. Каземзаде и Т. Светоховский. Последний видит причину успеха политики Национального Совета Азербайджана в том, что азербайджанские лидеры проявили чрезвычайное политическое чутье, подыгрывая английской восприимчивости ко всему демократическому" (30).

С подобной позицией Т. Светоховского трудно согласиться, поскольку в период после февральской революции по всем основным проблемам текущего момента начиная от женского вопроса до формы государственного устройства страны, лидеры национальной движения неуклонно придерживались демократических принципов. Другое дело, что военно-политическая ситуация в стране, меняющаяся под воздействием различных факторов порой с калейдоскопической быстротой, не всегда благоприятствовала реализации этих принципов на практике. Независимо от истинных намерений английской политики в Азербайджане, [245-246] объективно появление последних в стране способствовало некоторой стабилизации ситуации, создав изначальные предпосылки для осуществления программы демократических реформ национальной движения.

Демократические идеалы для азербайджанских лидеров были не средством привлечения чьих-то симпатий, как это утверждает Т. Светоховский, а являлись основой их программы национальной развития, поскольку будущее развитие Азербайджана они не представляли себе без создания демократического общества в стране. Свою приверженность демократическим принципам азербайджанские лидеры многократно доказывали на практике и до прихода англичан в Баку, и после их ухода из страны в августе 1919 г. И это несмотря на то, что этим не редко пользовались в своих интересах силы, враждебно настроенные в отношении азербайджанской независимости.

В этой связи следует напомнить об одном случае, лучше всего характеризующим степень приверженности азербайджанских лидеров к демократическим принципам. Так, в начале марта 1920 г. Компетентными органами Азербайджана в Баку был раскрыт большевистский заговор, преследующий цель насильственного захвата власти в стране. Однако двоим активным участникам заговора Г. Джабиеву и А. Байрамову удалось скрыться в квартире члена Азербайджанского парламента, большевика А. Караева. Осведомленная об этом полиция не могла войти в квартиру, т. к. закон о парламентаризме не давал ей этого права. Для этого требовалось согласие самого члена парламента, занимающего эту квартиру, или же официальное разрешение президиума парламента, Только по истечении суток полиция получила подобное разрешение. Причем она имела право лишь на осмотр, но не на обыск квартиры А. Караева. А к тому времени Г. Джабиеву и А. Байрамову удалось уйти из квартиры через чердак (31).

В ходе событий ноября-декабря 1918 г. азербайджанские лидеры действовали в полном соответствии с принципом, гласящим, что "в политике нет постоянных друзей, а есть постоянные интересы", и именно ради защиты коренных интересов азербайджанского народа, и в первую очередь,

для сохранения и укрепления национальной независимости, они пошли на замену своих внешнеполитических партнеров место турков в изменившихся условиях заняли англичане. В этом не было ничего предосудительного, т. к. данная политика, в конечном итоге, себя полностью оправдала. Даже А. Раевский вынужден был признать, [246-247] что англичане помогли Азербайджану "государственно оформиться" (32).

Не соответствует действительности и другое утверждение Т. Светоховского о том, что для завоевания симпатий англичан лидеры "Мусавата" поменяли фетиши тюркского единства на идею азербайджанской государственности" (33). Во-первых, за долго до появления англичан в Баку, примерно с марта 1918 г. "Мусават" последовательно выступал за азербайджанскую независимость. Во-вторых, отрицая значение идеи тюркского единства в зарождении азербайджанской самостоятельности, М. Э. Расулзаде, тем не менее, отмечал, что для азербайджанских лидеров, "как реалистов в политике, было слишком очевидным, что эта идея ценна лишь в области культурных вопросов" (34). Поэтому связывать переход "Мусавата" на позиции защиты азербайджанской государственности с появлением англичан в Баку, по меньшей мере, не корректно.

Формирование коалиционного правительства Ф. Х. Хойского и его признание дефакто со стороны английского командования в конце декабря 1918 г. означало завершение определенной фазы национального движения. Хотя независимость Азербайджана была провозглашена в мае 1918 г., но тогда это была лишь фактом социально-исторического происхождения, не получившим правового статуса. Более того, независимость была провозглашена за пределами Азербайджана и там же находилось национальное правительство. Значительная часть страны, включая ее столицу Баку, в то время еще находилась в руках врагов азербайджанской независимости. Предстояло создать государственные органы власти, определить их полномочия и место в государственной структуре, координировать их взаимоотношения. Ведь сердцевину всякой политической системы составляют государственные учреждения, т. к. именно они являются важнейшим фактором конституирования и консолидации политических институтов и отношений в обществе в целостную систему. Необходимо было добиться международного признания новосозданного государства. На решении этих задач были сконцентрированы усилия Азербайджанского правительства в период с мая по декабрь 1918 г.

Прибыв в Гянджу, национальное правительство, несмотря на наличие сложнейших проблем, не только смогло укрепить свое положение, но и с помощью турков добиться освобождения Баку от иностранных оккупантов. После этого начался процесс формирования государственных органов власти: были созданы [247-248] законодательный орган страны парламент и ответственное перед ним правительство, положившие основу государственных структур. Наконец, в конце декабря Азербайджанское правительство было признано английским командованием. Безусловно, эти успехи носили относительный характер и не означали полной победы Азербайджанского национального движения, т. к. процесс строительства национальной государственности еще не приобрел необратимого характера. Но они свидетельствовали о постепенном превращении Азербайджанской Республики в юридическо-правовую реальность в международных отношениях. Это, в свою очередь, являлось показателем выполнения программы - минимум национального движения.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Дипломатический словарь, т. II, М., 1985, с. 255.*
2. ЦГАНИ Азерб. Респ., ф. 894, оп. 10, ед. хр. 148, л. 44.
3. Раевский А. *Английская интервенция и Мусаватское правительство. Баку, 1927, сс. 32 - 33.*
4. *Азербайджан, 1918, 19 ноября.*
5. ЦГАНИ Азерб. Респ., ф. 894, оп. 10, ед. хр. 119, л. 4.
6. Раевский А. *Указ. раб., с. 39.*
7. *Там же, сс. 37 - 39.*
8. ЦГАНИ Азерб. Респ., ф. 894, оп. 10, ед. хр. 148, л. 44.
9. ЦГАНИ Азерб. Респ., ф. 894, оп. 10, ед. хр. 98, л. 3.
10. ЦГАНИ Азерб. Респ., ф. 894, оп. 10, ед. хр. 148, л. 46.
11. *Азербайджан, 1918, 19 ноября.*
12. *Там же.*
13. *Азербайджан, 1919, 5 января.*
14. ЦГАНИ Азерб. Респ., ф. 894, оп. 10, ед. хр. 148, л. 46.
15. ЦГАНИ Азерб. Респ., ф. 895, оп. 1, ед. хр. 11, л. 12.
16. ЦГАНИ Азерб. Респ., ф. 894, оп. 10, ед. хр. 148, л. 47.
17. ЦГАНИ Азерб. Респ., ф. 894, оп. 10, ед. хр. 38, л. 10.
18. *Азербайджан, 1918, 10 декабря.*

19. Искендеров М. С. Из истории борьбы Коммунистической партии Азербайджана за победу Советской власти. Баку, 1958, с. 343.
20. Азербайджан, 1919, 4 января.
21. ЦГАНИ Азерб. Респ., ф. 895, оп. 10, ед. хр. 2, л. 23.
22. Там же.
23. Там же, л. 24.
24. Там же. [248-249]
25. Азербайджан, 1918, 28 декабря.
26. Азербайджан, 1918, 29 декабря.
27. Азербайджан, 1919, 25 января.
28. ЦГАНИ Азерб. Респ., ф. 894, оп. 10, ед. хр. 148, л. 49.
29. Кочарли Т. К. Исторический поворот в судьбах азербайджанского народа. Баку, 1980, с. 135.
30. Swietosyowski T. Rus Azerbaycanı 1905 - 1920. Ankara, 1988, с. 194.
31. Караев А. Из недавнего прошлого. Баку, 1926, с. 117.
32. Раевский А. Указ. раб., с. 24.
33. Swietosyowski T. Указ. раб., с. 196.
34. Расулзаде М. Э.. О пантунанизме. Оксфорд, 1985, с. 26.

Политическо-идеологическая доктрина и тактика различных партий в национальном движении

Политические партии, будучи стабильными иерархическими организациями, состоящими из обладающих одинаковыми политическими убеждениями лиц (1), играли важнейшую роль в Азербайджанском национальном движении. В значительной степени, именно через деятельность политических осуществлялись задачи национального движения. При этом, безусловно, каждая партия трактовала эти задачи, исходя из своей политической и идеологической доктрины.

В этот период положение большинства политических партий Азербайджана представлялось неустойчивым и быстро меняющимся, что было обусловлено целым рядом причин. В первую очередь, следует учесть, что азербайджанские партии переживали этап своего зарождения. Причем, этот процесс происходил в крайне неблагоприятных условиях, детерминированных колониальным наследием прошлого. Колониальные власти в течение длительного времени лишали азербайджанцев права создавать свои политические партии и организации, подлинно представительные органы. Подобное положение глушило всякую политическую активность народа. Последствием подобной политики явилось торможение политического сознания и культуры широких народных масс, что в конечном итоге, стало причиной их относительной пассивности. Нельзя также игнорировать негативное влияние феодально-религиозных пережитков и традиционных норм поведения на политическую активность азербайджанского общества. [249-250]

Не следует также забывать, что процесс становления новых капиталистических отношений в Азербайджане окончательно не завершился. Данное обстоятельство накладывало отпечаток на социальную структуру общества. В исследуемый нами период, в понятие "азербайджанское общество" входили: многочисленное, довольно слабо дифференцированное и политически неграмотное крестьянство; численно быстро растущий, но политически недостаточно зрелый и организационно слабый рабочий класс; молодая, бурно прогрессирующая, но также политически слабая национальная буржуазия, которая к тому же еще уступила по своей экономической мощи зарубежному капиталу; сохраняющее значительное влияние на массы духовенство и остатки бывших феодальных землевладельцев; и наконец, весьма активные в политическом и идеологическом отношении средние слои интеллигенция, служащие, мелкая буржуазия и другие представители свободных профессий. Наличие у каждого из этих классов и социальных слоев своих особых интересов и запросов (хотя порой и не до конца сформировавшихся) обусловило возникновение и функционирование в Азербайджане политических партий различной направленности.

Одна из характерных особенностей партийной структуры национального движения заключалась в том, что национальная буржуазия, в силу своей недостаточной политической зрелости, не имела собственной партии. Ведущей же силой освободительной борьбы являлась партия "Мусават", в значительной степени, определявшая политический курс национального движения. "Мусават" отличался большой пестротой своего социального состава, что являлось отражением общенационального характера партии. В ней наряду с представителями интеллигенции и средних слоев населения, имелась значительная прослойка рабочих и крестьян, а также средней и мелкой буржуазии. Выступая на II съезде

"Мусавата", лидер партии М. Э. Расулзаде подчеркивая его общенациональный характер, отмечал, что "наша партия народническая, но не классовая" (2).

Признавая разделение общества на различные социальные классы и группы, партия, одновременно, выступала за их партнерство и сотрудничество, что, впоследствии, нашло свое отражение в теории национальной солидарности "Мусавата". Согласно этой теории, "гармония интересов общества и индивидуума" и "всеобщее благо" должны были стать основой для подобного сотрудничества. Лидеры партии утверждали, что лишь "правительство, защищающее интересы не одного привилегированного класса, а всего населения, может считаться истинно национальным" (3). Данная идея была направлена на достижение [250-251] консолидации различных социальных групп в борьбе за национальное освобождение.

Партия выступала против национализации предприятий, считая, что "полная отмена собственности в современном общественном строе неизбежно приведет к утрате личной инициативы людей. А утратой этого фактора мир лишится богатства и многообразия, социальная жизнь отстанет в своем развитии, люди вновь обретут первобытные качества, нарушится мировое движение. Но вместе с тем, как отмечало руководство партии, ... собственность следует защищать только в той мере, в какой она приносит пользу всему обществу" (4).

Идея федерализма была одним из основных принципов политической программы партии. Выступая за самостоятельное существование каждой нации, партия одновременно требовала тесного сближения этих самостоятельных единиц на основе принципов всемирной федерации (5).

Приверженность партии идее федерализма подтверждается и тем фактом, что уже после провозглашения независимости Азербайджана руководством "Мусавата" был выдвинут лозунг конфедерации кавказских государств. В специальном постановлении II съезда партии по данному вопросу отмечалось: "Признать объединение кавказских республик в свободный союз кавказской конфедерации желательным и призвать всю кавказскую демократию, а также правительства соседних республик способствовать осуществлению этой идеи" (6).

Идеология партии "Мусават" представляла собой органический синтез национально-освободительных идей Востока с демократическими концепциями Запада (7). Опираясь на общечеловеческие ценности и учитывая исторические и культурные традиции азербайджанского народа, лидеры "Мусавата" разработали собственную концепцию национального развития, которая в конечном итоге, по их замыслу, должна была способствовать вхождению Азербайджана в семью цивилизованных и развитых государств мира.

Одним из основных элементов идеологии "Мусавата" была идея тюркской общности. Эта идея зародилась еще в XIX веке, в условиях, когда почти все тюркские народы находились в колониальной зависимости от европейских держав. Идея тюркской общности опиралась главным образом на близость происхождения языка, культуры и исторических судеб тюркских народов. Возникновение такой идеи было проявлением национального пробуждения тюркских народов. В первоначальном своем варианте, который М. Э. Расулзаде называл "романтическим пантюранизмом", эта идеология предполагала создание [251-252] единого государства тюркских народов. Однако, очень скоро жизнь показала всю несостоятельность этого замысла.

Несмотря на это, "романтический пантюранизм", направленный одним своим острием против колониализма, а другим против религиозно-исламской идеологии, господствовавшей тогда в тюркском мире, сыграл свою прогрессивную роль, революционизировав народные массы тюркских наций и вызвав их на арену активной борьбы за национальное определение и утверждение своей независимости (8).

В начале XX века, ко времени становления Азербайджанского национального движения, "романтический пантюранизм" был уже пройденным этапом. Это течение, к слову сказать, так никогда и не принявшее форму конкретной политической программы, не привлекало особенно лидеров "Мусавата". По признанию М. Э. Расулзаде, "...это было вполне понятно, ибо при все развивающейся демократической структуре нового азербайджанского общества, возникающего на развалинах феодального средневековья, движение с явно противоположными тенденциями, конечно, не могло иметь успеха" (9).

Процесс формирования азербайджанской нации определял место идеи тюркской общности в национальной идеологии, и в этих условиях этническое родство не могло иметь решающего значения в политической жизни азербайджанского народа. Руководители "Мусавата" предлагали строить отношения между тюркскими народами не на основе их племенного родства, а на базе интересов каждой нации. По их мнению, лишь наличие общих интересов в борьбе за национальное освобождение и стремление консолидировать силы тюркских народов в этой борьбе, а не идея единого тюркского государства, вели к установлению активных контактов с отдельными тюркскими народами. Таким образом, речь шла не о пантюркизме, а о совместной борьбе за реальные и конкретные национальные идеи.

Как подчеркивал М. Э. Расулзаде, "деятели партии "Мусават" стояли в оппозиции к романтическому пантуранизму". "Пантуранизм, говорил он, это утопия, подобная коммунизму Ленина и раю Магомета" (10). Признавая общность национально-культурных интересов всех тюркских народов, партия все же считала невозможным объединение последних в единое государство. Она добивалась прежде всего освобождения конкретных тюркских народов и создания их независимых государств.

Идеологи "Мусавата" признавали тюркизм не как политическое, а как "научно-философско-эстетическое течение", являющееся методом борьбы за культурное объединение тюркских народов. "Мы народники в политике, тюркисты в культуре!", [252-253] заявлял М. Э. Расулзаде (11). Другим важнейшим компонентом идеологии партии была идея солидарности мусульманских народов и стран. Исламскую солидарность лидеры "Мусавата" понимали как взаимодействие и взаимопомощь в совместной борьбе за общие цели-национальное освобождение мусульманских народов от колониального ига европейских держав. Все это не имело ничего общего с пресловутым панисламизмом, в котором традиционно обвиняли лидеров "Мусавата" в советской историографии.

"Мусават" был последовательным приверженцем секуляристских идей. Партия выступала за вытеснение (или в крайнем случае, за ограничение деятельности) клерикалов из сфер, не имеющих непосредственного отношения к отправлению религиозного культа. С другой стороны, она готова была использовать и использовала религию как интегральное средство в своей политической борьбе за национальную независимость. Дело в том, что религиозные предрассудки, насаждаемые среди народа веками, не могли исчезнуть в одночасье. Давала о себе знать и инерционность общественного сознания. Поэтому лидеры партии в своих публичных выступлениях активно использовали исламскую фразеологию, которая служила лишь оболочкой, дававшей возможность вести борьбу за независимость Азербайджана, имея на своей стороне и наиболее отсталую часть населения, больше всех подверженную религиозной идеологии. При этом руководители "Мусавата" были прекрасно осведомлены о том, что процесс сращивания верхушки мусульманского духовенства с аппаратом царского самодержавия принял самые широкие масштабы и высшие религиозные деятели превратились в прямых его пособников, всячески стремясь подавить даже весьма умеренные проявления идей национального освобождения.

Высшее духовенство, не удовлетворяясь тем, что в его руках сосредоточены органы духовного управления, открыто вмешивалось в политику на стороне самых реакционных сил. Свидетельством тому являются факты выступлений отдельных представителей духовенства против "Мусавата" и даже объявления партии врагом ислама. Выступая по этому поводу на I съезде "Мусавата" в октябре 1917 г., М. Э. Расулзаде заявил: "Человек, входя в мечеть, должен забыть политику, партию, идею и молиться только Богу. И вообще, духовенство не должно заниматься политикой и в политической борьбе мечеть должна быть нейтральна" (12). [253-254]

Подтверждением данной позиции партии стало отделение церкви от государства в Азербайджанской Республике, инициатором которого был "Мусават". Религия была объявлена личным делом граждан страны. Азербайджан практически стал первым светским государством мусульманского Востока.

Характеризуя отношение партии к панисламизму М. Э. Расулзаде в своей работе "О пантуранизме" писал: "Исторический опыт показал, что с одной стороны, рождая теократическо-клерикально-реакционное течение, а с другой, препятствуя появлению национальной идеологии в мусульманском мире, панисламизм препятствует пробуждению национального самосознания этих народов, задерживает их прогресс и, тем самым, мешает им стать независимыми нациями. Поэтому, - продолжал М. Э. Расулзаде, - во всех мусульманских странах надо усиливать процесс пробуждения национального самосознания, ибо первоисточником всякого прогресса, а также основой национальной независимости является только наличие осознанного национального "Я" (13).

Таким образом, опираясь на тюркскую и исламскую солидарность, партия "Мусават" последовательно выступала за национальную независимость Азербайджана. Причем она была первой азербайджанской политической организацией, выдвинувшей эту идею, за что подверглась беспощадной критике как справа, так и слева. Правые силы обвиняли партию в том, что "лозунгами азербайджанизма" она якобы подрывает основы ислама и разъединяет мусульман. А левые партии упрекали "Мусават" в том, что, требуя независимости Азербайджана, и "тем самым, способствуя образованию ханско-бекского правительства", лидеры партии разваливают единый революционный фронт трудящихся.

Руководство "Мусавата" прекрасно осознавало, что сильное и действительно независимое государство в Азербайджане можно создать только опираясь на демократические ценности. Не случайно, основными лозунгами партии были - "свобода, независимость, демократия".

Обязательным элементом демократии, в представлении лидеров "Мусавата", был принцип национального равноправия. Стержневым принципом национальной политики партии являлся мысль о том, что Азербайджан - общая родина всех живущих на его территории граждан, независимо от их

национальной принадлежности. В парламентской декларации "Мусавата" подчеркивалось: "...свобода печати, слова, совести, собраний, союзов и [254-255] все другие гражданские и национальные права должны быть обеспечены законом. Азербайджан должен быть страной свободной... В Азербайджане не должно быть сынов и пасынков: армяне, русские, евреи, грузины, немцы, поляки и другие народы, оставаясь гражданами Азербайджанской Республики, должны пользоваться правами культурно-национальной автономии" (14).

По мнению лидера партии М. Э. Расулзаде, "то, что азербайджанские тюрки составляют большинство населения страны, не дает им никаких преимуществ перед остальными этническими группами, наоборот, этот факт накладывает на них дополнительную ответственность по поддержанию межэтнического согласия" (15).

Несостоятельны также обвинения в антирусских настроениях в адрес лидеров "Мусавата", которые неоднократно подчеркивали, что "свободу тюркам России преподнесла российская революция" (16). Суть политики партии в отношении России, по нашему мнению, лучше всего выражают следующие слова М. Э. Расулзаде: "Мы не питаем решительно никакой неприязни к русскому народу, как таковому, напротив, мы преисполнены по отношению к нему самых лучших пожеланий. Но вместе с тем, мы действительно враги русского империализма, который насилем и захватом забрав нас в свою колесницу, препятствует нам устраивать свою жизнь и развивать культуру в тех формах, в которых хотим мы сами" (17).

Вышеизложенные факты свидетельствуют о том, что "Мусават" по своим политическим целям и идеологическим воззрениям являлся национально-демократической партией реформистского направления и занимал левоцентристскую позицию в национальном движении.

Близкой по своим программным целям к "Мусавату" позиция стояла партия "Эхрар". Обе партии являлись последовательными сторонниками идеи азербайджанской независимости. Однако, в отличие от "Мусавата", "Эхрар" являлся не общенациональной, а региональной партией, действуя, в основном, в Шеки - Загатальской зоне. Этот регион наряду с азербайджанцами был заселен представителями национальных меньшинств - лезгинами, аварцами и цахурами. Этот фактор оставлял определенный отпечаток в действиях и программе партии. Так, "Эхрар" уделял особое внимание проблеме обеспечения прав национальных меньшинств страны. По мнению руководства "Эхрара", все народы Азербайджана должны были пользоваться одинаковыми правами, неприкосновенностью личности и жилища (18). Партия [255-256] выступала за установление тесных отношений с другими кавказскими народами и поддерживала идею их совместных действий на мирной конференции в защиту прав и самостоятельности народов Кавказа.

Другая отличительная черта "Эхрара" от "Мусавата" заключалась в том, что его лидеры придавали религиозному фактору относительно большее значение. Партия рассматривала религию в качестве дополнительного фактора, сплачивающего различные национальности страны в борьбе за независимость Азербайджана.

В аграрном вопросе партия требовала "отчуждения всех казенных, частных земель и распределения их среди крестьян пропорционально числу душ, но с условием, что крестьяне не имели права перепродавать эти наделы" (19).

В рабочем вопросе партия "Эхрар" выступала за восьмичасовой рабочий день, за охрану труда, организацию рабочих касс и за надлежащую постановку санитарного и учебного вопросов для рабочих (20).

Ставя вопрос о национализации школ, партия "Эхрар" одновременно выступала за введение всеобщего обязательного обучения, за расширение сети школ, семинарий, ремесленных и коммерческих училищ. Партия призывала правительство принять меры для перевода делопроизводства в государственных учреждениях на азербайджанский язык.

Печатным органом партии являлась газета "Эл" ("Народ"), издающаяся на азербайджанском языке.

Лидером и одним из основателей партии "Эхрар" был Аслан бей Кардашев (1880-1920), уроженец села Чокекоба нынешнего Загатальского района. А. Кардашев был дипломированным юристом. Высшее образование получил в Стамбульском университете. После падения Азербайджанской Республики в апреле 1920 г. он возглавлял подпольную организацию партии "Эхрар", которая в тесном контакте с обществом "Спасение Азербайджана" (находилась в Тифлисе) сумела организовать вооруженное выступление против большевистских властей. Однако восстание, поднятое в июне 1920 г. в Загатальском районе, было потоплено в крови, а захваченный А. Кардашев расстрелян большевиками 21 июля 1920 г.

На крайне правом фланге национального движения находилась клерикальная партия "Итгихад-и-ислам". Руководили партией К. Карабеков, С. М. Ганизаде, И. Ашурбеков и др. [256-257] Печатным органом партии была газета "Итгихад", издающаяся на русском и азербайджанском языках.

Руководство "Иттихада" было тесно связано с высшим мусульманским духовенством. Она выступала за более активное вмешательство религии в политическую жизнь общества и фактически была сторонницей теократических принципов правления государством. Иттихадисты доказывали, что исламская основа настолько крепка в жизни мусульманских стран, что является главным определяющим фактором материальной и духовной жизни каждого члена этого общества, независимо от того, является человек верующим или нет. Поэтому, по мнению деятелей "Иттихада", морально-духовного благосостояния мусульманского общества можно было достичь лишь на основе и путем использования почти нетронутых потенциальных возможностей ислама.

Впрочем, как писал еще в 1914 г. В. В. Бартольд, исламские лозунги использовались "всегда в виде доктрины не столько религиозной, сколько политической, большей частью только как средство для достижения вполне определенных политических целей" (21). В зависимости от политической ориентации руководителей тех или иных партий и организаций исламские лозунги в одних случаях служили для выражения прогрессивных устремлений, а в других случаях - противоположных им правых, реакционных взглядов.

В этом отношении не отрицая антиколониальную направленность политической доктрины "Иттихада", все же следует признать, что в практической деятельности партии преобладали именно реакционные тенденции. В силу этого трудно согласиться с мнением о прогрессивном характере этой политической организации (22). Ведь "Иттихад" стремился не к восстановлению и укреплению позиций ислама в качестве системы традиционно-культурных ценностей, в процессе исторического развития ставших составной частью национальной культуры азербайджанцев. Партия добивалась восстановления господствующего положения в жизни азербайджанского общества ортодоксальных исламских норм, что объективно способствовало нивелированию национального момента. Думается, что негативные последствия распространения подобной идеологии "Иттихада" для развития национального самосознания, и в целом, национально-освободительной борьбы азербайджанцев очевидны.

Отвергая нацию как историческую категорию, иттихадисты утверждали, что "национальный вопрос, в современном его [257-258] понимании, отсутствует в учении ислама, т. к. согласно этому учению существует лишь один единственный международный исламиат-братство и единство всех мусульман под флагом ислама. Неслучайно, что иттихадисты являлись непримиримыми противниками национальной независимости и демократических преобразований в азербайджанском обществе. Они обвиняли мусаватистов в том, что "самоопределившись, они завели свой парламент для того, чтобы скорее растрепать свой быт, свою религию и свой стиль"(23).

Лидеры "Иттихада" декларировали свою приверженность т. н. "исламскому социализму", утверждая, что партия "исповедует все принципы социализма, не противоречащие догмам ислама". На самом же деле теоретическим основанием деятельности "Иттихада" служили идеи пресловутого панисламизма. Однако, в своей деятельности "Иттихад" не всегда соблюдал чистоту исламских идеалов, декларируемых партией. Скорее всего, они служили лишь прикрытием для реализации меркантильных целей лидеров партии. Кроме всего прочего, причиной подобного положения являлось господство в политической жизни Азербайджана не прагматической, а харизматической политики.

По этой причине, на характер практической деятельности партий определяющее влияние часто оказывали не официально провозглашенные ими идеи и принципы, а харизма, возглавляющих эти организации лидеров, их личные амбиции и симпатии. Отсюда и серьезные расхождения между декларируемыми идеями и практическими шагами некоторых партий. И наиболее типичным примером данного явления был "Иттихад".

Наиболее известным лидером партии являлся Карабек Карабеков (1874-1953). Свою политическую деятельность, как и многие другие азербайджанские лидеры, он начинал в годы первой русской революции в рядах большевистского "Гуммет". Но вскоре К. Карабеков отошел от этой организации, а затем эмигрировал в Турцию. Находясь в этой стране, он сумел сблизиться с руководством младотурков. Но очень скоро выяснилось, что К. Карабеков занимался шпионской деятельностью в пользу России, передавая турецкие секретные документы царской охранке. Вынужденный вернуться в Россию, он в 1914-1916 гг. работал фронтовым врачом в русской армии и приобрел известность в качестве яркого монархиста. После февральской революции К. Карабеков снова приобщился к политике, став одним из создателей и руководителей партии "Иттихад". [258-259]

За подобную переменчивость своих взглядов современники называли К. Карабекова "политической бродягой". Личные качества К. Карабекова оставили свой отпечаток и в практической деятельности "Иттихада". Не бременя никакими средствами в борьбе со своим извечным врагом "Мусаватом", партия "Иттихад" в течение нескольких лет не раз менял своих политических союзников, поочередно предлагая свои услуги таким разным политическим фигурам и силам, как Нури-паша и большевики, Деникин и Хачил-паша.

После провозглашения независимости Азербайджана "Иттихад" на словах прижат этот акт и даже заявил о своем стремлении "всеми силами отстаивать самостоятельность страны". Однако в реальной действительности партия продолжала свою подрывную деятельность против Азербайджанской государственности.

Символическим примером этого является поведение членов парламента от "Иттихада" во время обсуждения вопросов, связанных с деникинской опасностью. В ходе дебатов в парламенте по данному вопросу лидер "Иттихада" К. Карабеков пытался убедить всех в том, что иттихадисты "счастливы умереть за свободу... и пойдут в бон в первых рядах защитников республики". А во время голосования парламентская фракция "Иттихада" в полном составе выступила против предоставления правительству чрезвычайных полномочий для борьбы с наступающей деникинской контрреволюцией. Причину такого поведения иттихадистов лидер фракции объяснил следующим образом: "Деникин олицетворение русского народа, и борьба с ним авантюра". Даже печашый орган социалистов, которых трудно было обвинять в особых симпатиях к идее независимости страны, вынужден был саркастически заметить, что "Иттихад" волшебна гибкая партия, способная в зависимости от обстоятельств делать повороты от 0 до 360 градусов (они и архисоциалисты, и архимонархисты)" (24).

Неудивительно, что после окончательного провала замыслов иттихадистов с помощью Деникина покончить с национальной независимостью, партия перешла к служению большевикам. Газета "Азербайджан" по поводу этого трогательного союза панисламистов с марксистами писала: "...панисламистские круги не боятся союза с коммунистами потому, что московский Совнарком при этом союзе дает им агитаторов и средства, предоставляет в их распоряжение вооруженные силы, требуя лишь одного поддержки движения против Антанты в Азии. Идите во [259-260] главе этого движения, подчиняйте себе трудовые массы мусульманства, разжигайте в них религиозный фанатизм, но дайте нам лишний козырь в нашей дипломатической игре. Эту "восточную" программу Советской власти хорошо знает "Иттихад"... С "Иттихада" взятки гладки. Дают средства и прочее, он берег и делает, что приказывают" (25).

В конечном итоге, именно иттихадисты вместе с коммунистами стали могильщиками азербайджанской независимости.

Подчеркивая реакционную сущность "Иттихада", вместе с тем, следует отметить, что эта партия имела определенный успех среди наиболее отсталой части населения, в особенности, в сельской местности, где позиции религии были достаточно сильны.

Левый фланг национального движения занимали различные группировки социалистического направления. Из них наиболее крупными являлись партия азербайджанских правых эсеров "Мусульманский социалистический блок" и социал-демократическая рабочая партия "Гуммет" (меньшевики), которые возникли в качестве местных организаций аналогичных российских партий. Поэтому, основные программные цели и политические принципы "Мусульманского социалистического блока" и СДРП "Гуммет" (меньшевики), были почти идентичны целям и принципам соответствующих российских партий. Единственное серьезное расхождение между ними заключалось в том, что и отличие от русских меньшевиков и правых эсеров, выступающих за "единую и неделимую Россию", "Мусульманский социалистический блок" и "Гуммет" (меньшевики) стояли на позициях признания азербайджанской независимости, хотя и вкладывали в это понятие особый смысл.

Эти партии ратовали за независимость Азербайджана поскольку, постольку она, по их мнению, создавала "более объективные условия дня действительной защиты интересов рабочих и трудового крестьянства". При этом азербайджанские правые эсеры и меньшевики рассматривали национальную независимость лишь как этап "к воссоединению окраин с федеративной Россией", правда, при этом подчеркивая, что "единение с Россией должны преподнести окраинам не деникинские солдаты, а освобожденный русский пролетариат и подлинная российская демократия".

Азербайджанские социалисты были категорически против "принесения в жертву идее самоопределения интересов трудящихся и социалистической демократии". Они открыто заявляли, [260-261] что своей главной политической задачей считают федерирование или конфедерирование не только с соседними закавказскими республиками, но и с демократической Россией с целью "образования мощного и несокрушимого для реакционных сил единого пролетарского фронта" (26).

Причем, в отличие от мусаватистов, также приверженных идее федерализма, для социалистов федерация являлась не союзом независимых государств, а союзом трудящихся классов этих государств. Близость позиций азербайджанских правых эсеров и меньшевиков по основным вопросам политической жизни страны привела к объединению их парламентских представителей в единой фракции социалистов. Ежедневная газета "Заря", издающаяся на русском языке, была совместным печатным органом этих партий.

В рабочем вопросе социалисты придерживались традиционной для них позиции, требуя установления восьмичасового рабочего дня, признания всех договоров, заключенных рабочими во время

революции, оказания правительственной помощи рабочим организациям и учреждениям. Они также требовали реализации аграрного закона, принятого еще Закавказским Сеймом (27).

Несмотря на узость своей социальной базы, социалисты претендовали на роль единственного защитника интересов трудящихся. Но даже по признанию их сторонников они не имели существенного влияния среди народных масс и пользовались успехом разве только среди отдельных групп азербайджанской интеллигенции.

Следует отметить, что несмотря на жесткую критику мусаватистов, которых социалисты обвиняли в стремлении "под соусом напыщенного патриотизма скрыть древо свободы от азербайджанского народа", последние, исходя из общенациональных интересов, ради консолидации всех политических сил шли на сотрудничество с социалистами, пытаясь использовать их для реализации программных целей национального движения.

Однако, этот замысел лидеров "Мусавата" оправдался лишь частично. Так, пока угроза независимости Азербайджана исходила от илхагастов, сторонников присоединения страны к Турции, а также от денкинских сил, социалисты более или менее последовательно отстаивали национальную независимость. Но после изменения источника угрозы, когда наибольшую опасность для независимости Азербайджана начали представлять большевики, выявились шаткость и нерешительность позиции [261-262] социалистов в данном вопросе. Классовый подход к событиям помешал им объективно оценить ситуацию, и в конечном итоге, социалисты заняли капитулянтскую позицию перейдя в стан врагов азербайджанской независимости.

Лидером "Мусульманского социалистического блока" являлся А. А. Сафикюрдский (1880-1937). По профессии он был юристом, выпускником Петербургского университета. А. А. Сафикюрдский работал в различных должностях в Гянджинском и Шушинском уездных судах, являлся членом Закавказского Сейма, а затем и Азербайджанского парламента.

Социал-демократической партией "Гуммет" (меньшевики) руководили С. Агамалы оглы (1867-1930) и И. Абилов (1882-1923). Они оба, как и А. А. Сафикюрдский, после оккупации Азербайджана Советской Россией активно сотрудничали с большевистскими властями, занимая высокие государственные посты.

Следует подчеркнуть, что биография большинства политических партий Азербайджана была очень коротка. Отсюда и особенности зарождающейся партийной системы: пестрота, противоречивость, нестабильность и даже парадоксальность многих ее явлений. Отсутствие глубокой политической дифференциации среди населения, окончательно неоформленная социальная структура общества, недостаточная политическая активность масс, сильные позиции религии среди некоторых слоев населения также оказывали существенное влияние на деятельность политических партий, обуславливая их относительную организационную и идейно - политическую слабость, отсутствие стабильного электората, частую переменчивость проводимой ими политики. Однако, несмотря на эти недостатки, национальные партии постепенно превращались в незаменимый элемент политического ландшафта азербайджанского общества.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Санэстебан Л. С. Основы политической науки. М., 1992, с. 70.
2. Азербайджан, 1919, 9 декабря.
3. Мамедзаде М. Б. Азербайджанское национальное движение. Анкара, 1991, с. 57 (на азерб. яз.).
4. Расулзаде М. Э.. Сиявуш нашего времени // Хазар, 1990, № 1, с. 54. [262-263]
5. Азербайджан, 1919, 13 декабря.
6. Азербайджан, 1919, 14 декабря.
7. Расулзаде М. Э.. Характер Азербайджанского национального движения // Азербайджан юрд билгиси, 1934, № 29, с. 5 (на турец. яз.).
8. Расулзаде М. Э.. О пантуранизме. Оксфорд, 1985, с. 79.
9. Там же, сс. 70 - 71.
10. Там же, с. 44.
11. Там же, с. 47.
12. ЦГАНИ Азерб. Респ., ф. 894, оп. 10, ед. хр. 60, л. 12.
13. Расулзаде М. Э.. О пантуранизме, с. 58.
14. Азербайджан, 1918, 13 декабря.
15. Гаджизаде Х. 150 000 знаков о демократии. Стамбул 1995, с. 52.
16. ЦГАНИ Азерб. Респ., ф. 894, оп. 10, ед. хр. 60, л. 1.
17. Расулзаде М. Э.. О пантуранизме, с. 22.
18. Азербайджан, 1919, 14 января.

19. Там же.
20. Там же.
21. Бартольд В. В. Панисламизм. Сочинения. т. VI, М., 1966, с. 402.
22. См. Геюшов А. Р. Возникновение и деятельность партии "Иттихади-ислам" // Автореф. дис... канд. ист. наук, Баку, 1993, с. 20 (на азерб. яз.).
23. Иттихад, 1920, 4 апреля.
24. Заря, 1919, 6 марта.
25. Азербайджан, 1920, 3 февраля.
26. Заря, 1919, 6 марта.
27. Азербайджан, 1918, 15 декабря. [263-264]

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

XX век войдет в историю как век национального пробуждения и невиданного размаха национально - освободительной борьбы ранее угнетенных народов. Именно благодаря этой борьбе в XX столетии на политической карте мира появились названия десятков независимых национальных государств. Не остался в стороне от этих общемировых процессов и Азербайджан.

Азербайджанское национальное движение, возникшее в начале XIX века, в сущности, явилось процессом национального возрождения азербайджанцев. Формирование национального движения стало результатом сложных этнических процессов в стране, в свою очередь, обусловленных целым рядом факторов политического и социально - экономического характера. Зарождение основных тенденций этих процессов относится к началу XIX века и напрямую было связано с фактом захвата северной части Азербайджана Российской империей.

Следует отметить, что Азербайджан в течение достаточно длительного исторического периода не обладал государственной независимостью и входил в состав различных империй исламского мира. Но общность религии на фоне господства во всех сферах жизнедеятельности этих государств исламской идеологии, формально объявлявшей всех мусульман равными перед Аллахом, способствовала тому, что национальная дискриминация азербайджанцев в них, в значительной степени, приняла завуалированную форму и не бросалась в глаза. К тому же межэтнические контакты в этот период не отличались большой интенсивностью.

С вхождением же Азербайджана в состав Российской империи азербайджанцы впервые почувствовали, что они не равноправные граждане страны, а всего лишь одно из этнических меньшинств, язык, религия, традиции и культура которого, не говоря уже о других гражданских правах и свободах, могут беспрепятственно попираяться со стороны господствующей нации. В этой ситуации определяющую роль начала играть антитеза "мы - они", поскольку само представление о существовании особой этнической общности неизбежно предполагает подобное [264-265] различие и наличие у членов этой общности представлений о своем отличии в языке, культуре, религии, обычаях и т. д. от всех иных общностей такого рода.

Данное обстоятельство способствовало усилению процессов внутриэтнической консолидации и развитию национального самосознания азербайджанцев. Как подчеркивал М. Э. Расулзаде, "сто лет назад, когда Азербайджан, состоящий из разрозненных ханств, потерял свою независимость, он не имел такого единства, как сегодня. Урок столетнего национального гнета... позволил нам познать себя" (1). Ведь, как известно, степень развития национального самосознания зависит от этнической ситуации, т. е. от "интенсивности и характера взаимоотношений между контактирующими этносами" (2).

Говоря о национальном самосознании азербайджанцев необходимо учесть сложность и противоречивость исторического пути его формирования. Азербайджан как мусульманская страна испокон веков находился в тесном контакте с исламским миром и в то же время соседствовал с христианскими странами, ориентированными на западную культуру. Такое выгодное положение страны на стыке Востока и Запада позволяло воспринять демократические ценности, имеющиеся в обеих культурах. В силу этого, даже в средние века, характеризующиеся на Востоке засилием религиозного догматизма, азербайджанская общественная мысль отличалась относительной демократичностью и стремлением к свободомыслию.

Однако, хотя оппозиционные к ортодоксальному исламу идейно - философские течения в средние века нанесли серьезный урон феодально - религиозному мышлению и миропониманию, но они не смогли занять ведущее место в социально - экономическом и культурном процессе. Ренессансная культура на Востоке, возникшая еще в X-XII вв., не перешла непосредственно в культуру нового времени, как это было в большинстве стран Европы. В Азербайджане, как и в других странах Востока, "контрреформация" и феодальная реакция пресекли ренессансные процессы.

Поэтому, если эпоха Возрождения в Европе привела к значительным сдвигам в жизни западного общества, став мощным стимулом процессов развития национального самосознания европейских народов, то на Востоке аналогичные процессы опоздали на несколько столетий, обусловив господство ислама во всех сферах государственной и общественной жизни. Подобное положение, кроме всего прочего, привело к доминирующему [265-266] положению конфессиональной характеристики в самосознании азербайджанцев.

С другой стороны, негативное влияние на формирование самосознания оказывало политическая раздробленность страны. Но даже в этих крайне неблагоприятных исторических условиях для этнического развития, азербайджанцы сумели сохранить свою этническую идентичность. Хотя к началу XIX в. их этническое самосознание имело очень сложную "многоярусную систему".

Засилье религиозной идеологии, отсутствие политической независимости, а затем и феодальная раздробленность привели в начале XIX в. к ситуации, когда в структуре этнического самосознания азербайджанцев доминирующую роль играли три компонента - религиозный, региональный и местный. Это свидетельствовало об относительно низком уровне этнополитической консолидации азербайджанцев.

Лишь под воздействием вышеотмеченных объективных факторов в XIX в. начался процесс перераспределения функциональной значимости отдельных компонентов самосознания. Собственно этнический компонент становится основой местного и регионального, а с другой стороны лишает конфессиональный фактор его доминирующего положения в структуре самосознания азербайджанцев. Необходимо отметить, что в этот период происходят значительные изменения не только в функциональной значимости, но и в роли религиозного компонента. В силу различия в религиях азербайджанцев и господствующей нации - русских, он, способствуя пониманию отличия от них, приобретает определенную "этническую окраску". Тем самым, из элемента тормозящего развитие этнического самосознания, религия превращается в фактор, объективно способствующий осознанию своего национального "Я".

Безусловно, в стимулировании этноконсолидационных процессов у азербайджанцев наряду с политическими, важное значение имели социально - экономические факторы. Зарождение и развитие капиталистических отношений привели к кардинальной трансформации социальной структуры азербайджанского общества, усложнению и росту внутринациональных экономических связей и складыванию единого национального рынка.

Тем самым, была создана экономическая база процессов этнополитической консолидации, которые, в конечном итоге, привели к новому этническому качеству формированию азербайджанской нации. А нация, как известно, "покрывает собой не только понятие этнографического единства, но и единства [266-267] политического, государственного. Термин "нация" подразумевает, если не в настоящем, то в будущем, политическо - государственное объединение"(3). Именно из этих потребностей формирующейся азербайджанской нации с первых годов XX в. начало складываться национальное движение.

Хотя само национальное движение явилось результатом процессов формирования нации, но в дальнейшем оно само становится активным стимулятором процессов внутриэтнической консолидации. Оказывая, таким образом, обратное влияние на них, оно способствует укреплению этнополитической сплоченности азербайджанцев.

Азербайджанское национальное движение в своем развитии прошло два этапа. Первый этап охватывает период примерно с начала XX в. до февральской революции 1917 г.; лейтмотив данного этапа составляют идеи культурного возрождения азербайджанского народа с помощью развития родного языка, образования и просвещения. Изданном этапе немалое место в программе национального движения занимают проблемы равенства и паритетности прав мусульманских и славяно - христианских народов Российской империи.

Преобладание на первом этапе проблем языково-культурного характера объясняется тем обстоятельством, что именно языковая практика являлась важнейшей сферой межэтнических отношений, в которой вызревало представление азербайджанцев о своем единстве. Полное господство русского языка во всех сферах общества, ущемление национального языка и культуры создавали реальную угрозу для языковой и культурной самобытности азербайджанцев. Именно осознание опасности растворения своей языково - культурной самобытности в русской культуре выдвигали эти проблемы в качестве первоочередной задачи национального движения.

Однако очень скоро пришло понимание того факта, что какими бы важными не являлись языково - культурные проблемы, их кардинальное и окончательное решение, также как проблем устранения национального неравноправия азербайджанцев, возможно лишь при условии изменения существующей политической системы и создания в той или иной форме своей национальной государственности.

Неслучайно, что второй этап национального движения, начавшийся с февральской революции 1917 г. характеризуется господством лозунга самоопределения наций. Причем, за этот период в представлениях лидеров Азербайджанского национального [267-268] движения относительно трактовки понятия "самоопределение" произошла значительная эволюция. Если сразу после февральской революции основной целью национального движения являлось достижение национально - территориальной автономии в составе Российской империи, то после мартовских событий 1918 г. был взят твердый курс на провозглашение полной государственной независимости Азербайджана.

Эти два этапа национального движения отличаются не только своими целями и задачами, но и методами и формами борьбы. На первом этапе в осуществлении целей национально-освободительной борьбы основной упор делался на национальную прессу, на деятельность культурно-просветительских учреждений и различных общественных организаций, ставшими главными очагами общественно-

политической жизни, на подготовку различных петиций, а также на деятельность в различных представительных органах Российской империи. Второй этап характеризуется большим разнообразием форм и методов национальной борьбы. В этот период в борьбе за достижение целей движения наряду с мирными средствами начинает применяться и методы вооруженной борьбы. Политические партии становятся основными центрами национального движения.

В исследуемый нами период Азербайджанское национальное движение характеризуется значительной политической дифференциацией, в результате чего складывается три основных течения, отличающихся по своим политическим программам и идеологическим воззрениям:

- 1) Национально-демократическое течение, возглавляемое партией "Мусават".
- 2) Социалистическое течение, куда входили различные партии и группировки эсеро – меньшевистского толка.
- 3) Исламистское течение, представленное, главным образом, партией "Иттихад".

Выступая единым фронтом за национальное освобождение азербайджанского народа от колониального гнета русского царизма, представители этих течений, вместе с тем, расходились относительно перспектив развития национально - освободительной борьбы.

Впервые эти расхождения наглядно проявились в апреле 1917 г. на I Общекавказском мусульманском съезде при обсуждении вопроса будущего государственного строя России. Хотя в этот период представители всех трех течений национального движения были едины во мнении, что национальный вопрос необходимо [268-269] решать в рамках единого российского государства, но относительно путей его реализации на съезде обнаружились две линии. Национально-демократические силы во главе с "Мусаватом" и федералистами выступали за национально-территориальную автономию Азербайджана в составе России. Им противостояла позиция социалистов и исламистов, предлагавших ограничиться культурно-национальной автономией. При этом причины подобной позиции у социалистов и исламистов были различны. Так, если первые мотивировали свою позицию необходимостью сохранить единство российского революционного движения, то вторые считали, что национально-территориальная автономия может привести азербайджанский народ к изоляции от других мусульманских народов России, тем самым, по их мнению, способствуя расколу мусульманской демократии.

После мартовских событий 1918 г. расхождения между национально-демократическими силами, с одной стороны, и социалистами и исламистами, с другой, по данному вопросу получили свое дальнейшее логическое продолжение. В этот период национально-демократические силы во главе с "Мусаватом" взяли твердый и последовательный курс на достижение полного политического суверенитета страны.

Социалисты и исламисты, вынужденные в сложившихся условиях признать принцип самоопределения наций, трактовали его по-своему. Социалисты считали государственную независимость временным этапом на пути формирования федеративной России. По их мнению, политические и социально-экономические интересы трудящихся классов требовали объединения народов в рамках единого государства. Поэтому наиболее оптимальной формой для Азербайджана являлась культурно-национальная автономия с широким местным самоуправлением.

Примерно аналогичную позицию занимали исламисты, аргументируя ее тем, что азербайджанская демократия еще недостаточна организована и сознательна, чтобы самостоятельно решать национальные проблемы своего народа. Неверие в возможность самостоятельного существования Азербайджана красной нитью проходила через всю их деятельность. Именно исламисты составляли основную политическую базу "илхажистов", выступивших в июне 1918 г. за присоединение Азербайджана к Турции.

Несмотря на идеологическую и политическую пестроту представленных в национальном движении сил, определяющую роль в нем, несомненно, играла партия "Мусават". Именно она своей [269-270] центристской линией придавала демократическое содержание в целом, всему национальному движению.

В исследуемый нами период одна из наиболее характерных особенностей Азербайджанского национального движения заключалась в том, что задачи национального освобождения в программе движения органически увязывались с одновременным осуществлением демократических преобразований в обществе. Причем, практика национального движения свидетельствует, что демократические лозунги носили не декларативный характер, а являлись программой практических действий.

Азербайджан стал первой страной исламского мира, в которой в реальной практике был осуществлен принцип разделения властей. Одним из решений Азербайджанского парламента стал закон, запрещавший членам парламента занимать должности в государственных учреждениях. Подобное совмещение должностей разрешалось только министрам. В законе отмечалось: "Члены парламента,

несшие должности по другим государственным учреждениям и проживающие в г. Баку, в течение трех дней, а иногородние десяти, должны представить в канцелярию парламента документы об отставлении ими государственной службы. В противном случае они лишаются как должности, так и права представительства в парламенте" (4).

На практике был реализован принцип равенства граждан независимо от их национальной, политической, религиозной, социальной и половой принадлежности. Как впоследствии отмечал М. Э. Расулзаде, в Азербайджане "были установлены одинаковые права для всех граждан страны. Здесь личность каждого человека была уважаема и права его, как гражданина Азербайджана, защищались законом. Мужчина и женщина, мусульманин и христианин, тюрк и нетюрк, богач и бедняк, хозяин и работник, учитель и студент, невежда и ученый все граждане, независимо от их пола, национальных, классовых и расовых различий, убеждений, сословий, родовитости, образования имели право без всяких привилегий участвовать в управлении страной и входить в законодательные органы" (5).

В основу "Закона об азербайджанском гражданстве" был положен принцип происхождения. Азербайджанскими гражданами считались все подданные бывшей Российской империи, без различия национальности и вероисповедания, которые сами, или их родители родились на территории Азербайджанской республики (6). [270-271]

В Азербайджане действовали десятки общественно-политических и культурно-просветительных организаций национальных меньшинств - русских, армян, евреев, грузин, немцев, поляков, греков, латышей, эстонцев и др. Многие из них были представлены в парламенте, правительстве и других властных структурах страны. Неудивительно, что член Азербайджанского парламента Л. Я. Кун, выступая от имени немецкого населения страны, отмечал: "Мы спокойно смотрим на наше будущее, твердо веря, что под защитой демократических законов юной Азербайджанской республики будем иметь возможность сохранить нашу национальную самобытность" (7).

Идейно-политические принципы программы национального движения и опыт ее практической реализации свидетельствуют о том, что цели и задачи национального движения по своему содержанию носили сугубо национальный, а не националистический характер. В этой связи М. Э. Расулзаде подчеркивал, что "мы идем к своим национальным чаяниям, но наше желание не господство над другими нациями или подавление других наций. Наш идеал заключается в том, что бы жить спокойно и счастливо совместно с другими нациями, быть равноправным членом мирового сообщества и стремиться быть культурной и прогрессивной нацией" (8).

Дополнительным фактором, способствующим усилению позиций национального движения являлись процессы межэтнической интеграции, развернувшиеся в Азербайджане в конце XIX в. В данном случае под межэтнической интеграцией нами понимается появление определенной культурной общности (при сохранении основных этнических черт) и единства социально-политических целей у разных этнических единиц в результате их взаимодействия. Эти процессы способствовали значительному расширению рядов национального движения за счет представителей малочисленных народов Азербайджана – талышей, татов, курдов, дагестанских народностей и др.

Относительно высокая интенсивность в данный период межэтнической интеграции в Азербайджане, в результате которой происходил процесс сближения азербайджанцев с указанными малочисленными народами, была обусловлена исторически сложившемся культурным и экономическим тяготением этих народов к азербайджанцам. Данный процесс стимулировался длительным пребыванием на одной территории, чересполосным расселением с азербайджанцами, тесными торгово-хозяйственными связями (торговля, отгонное скотоводство, отходничество), приверженностью к одной религии исламу. [271-272]

Свидетельством широкой вовлеченности малочисленных народов в Азербайджанское национальное движение является тот факт, что "Мусават" имел очень сильные позиции в регионах, населенных талышами и татами. А территориальный спор между Грузией и Азербайджаном из-за Загатальского округа был разрешен в пользу последнего именно благодаря позиции населения данного региона, значительную часть которого составляли аварцы, лезгины и цахуры. Они почти единодушно высказались за оставление Загатальского округа в составе Азербайджана. Не следует также забывать о широкой поддержке, оказанной курдами азербайджанцам при пресечении армянских притязаний на нагорную часть Карабаха и Зангезур.

В стране были созданы все условия для практической реализации принципов свободы слова. "Устав о печати" запрещал всякую цензуру на печать. Для основания периодических изданий достаточно было подать заявление о своем намерении на имя главного инспектора по делам печати. Печатный орган мог быть привлечен к ответственности только по решению суда и только в случае совершения преступлений, предусмотренных действующим уголовным законодательством (9).

"Каждая партия, подчеркивал М. Э. Расулзаде, имела присущую ей организацию и свою газету. Правительство относилось ко всем партиям и газетам с большим уважением и доброжелательностью, несмотря на то, что большинство газет критиковало и тяготилось с ним" (10).

"Положение о выборах" устанавливало демократическую процедуру выборов в Учредительное собрание путем равного, прямого и тайного голосования. В этот период Азербайджан являлся единственной страной Востока, в котором женщинам были представлены равные с мужчинами избирательные права (11).

Несмотря на тяжелую военно-политическую ситуацию в стране на начальном этапе независимости, национальное правительство предпринимало важные шаги и в национально-культурном строительстве. Одним из первых решений правительства Азербайджанской Республики было постановление от 27 июня 1918 г. о признании государственным языком азербайджанского языка. Однако это вовсе не означало ущемление прав других национальностей в языковой сфере, поскольку им было гарантировано право обучаться на родном языке.

В правительственном воззвании от 17 июня 1918 г. к народу отмечалось, что одной из своих ближайших задач правительство считает "национализацию всех правительственных учреждений, суда и школы" (12). [272-273]

SUMMARY

The Azeri national movement, which started taking shape in the early XX th Century, developed in two main stages. The first one lasted from the early yeears of the Century until the February Revolution of 1917, during which the movement concentrated first of all on a cultural Azeri national revival through upgrading the native language, improving education and divulging enlightened ideas. The movement's programme at this stage used to stress the need to struggle for emancipation and equal rights for the Muslim nations within the Russian empire in respect to its Christian Slavic inhabitants. The national movement's protagonists considered emancipation and cultural and linguistic development as first steps in the direction of independence, as conditions prevented them from taking a more radical stand. The regime's policy of brutal oppression and the total absence of any political rights for the Azeri people kept even a cultural revival out of reach for them to say nothing about opportunities to express any of their political aspirations.

The second stage of the Azeri national movement's development started after the successful revolution of February 1917. The political climate's sudden change in the country did not fail to affect the Azeri national movement's character. As opposed to its earlier stage, the movement was now in a position in which it could openly claim an end to all foreign intervention and exploitation and full sovereignty for the Azeri nation. Initially, the extent to which those opportunities were taken remained limited. Immediately after the February Revolution, home - rule within the Russian political conglomerate was the most - heard aspiration among the national movement's leadership. It was only after the events of March 1918 that it was decided to aim for nothing less than a fully independent state of Azerbaijan.

Meanwhile, ideological differences had split the national movement into various political mainstreams. However, this was not altogether a negative development since it resulted in the formation of political party - structures which were to lay the basis for Azerbaijan's future democracy.

As said, both stages in the Azeri national movement's development have differed in terms both of goal - setting and strategy. During the first stage the movement largely focused on the take-off of a [275-276] national press and on the formation of institutions dedicated to culture and thought, in order to increase the population's political awareness. Political expressions were highly limited to occasional petitions offered to the Russian authorities and inside - lobbies within Russian governmental bodies.

However, during the second stage, the movement's attitude became more and more confrontational including the option for armed struggle in order to realise its goals. At the same time, the movement started showing signs of desintegration into different political mainstreams, the three most important of which were: 1. the national - democratic movement headed by the Musavat party; 2. the socialist movement, subdivided into various parties and groupings of menshevik and social-revolutionary tendencies; 3. the Islamic movement in which the Ittihad took the lead.

Whereas all three movements' representatives tended to agree on the necessity of liberating the country from tsarist colonial domination, their respective visions in respect to what should happen next came to diverge ever more strongly as the national movement's general impact increased.

Frictions became apparent for the first time during the First Caucasian Muslim Congress in April 1917, where the participating nations' future status within the new Russian conglomerate was discussed. Even if the three political mainstreams' representatives still agreed on realisation of national aspirations within the frame - work of a Russian state conglomerate, it soon became clear that as far as the way the issue should be dealt with was concerned, two distinct views opposed each other. Whereas the national - democratic movement headed by the Musavat advocated full home - rule for Azerbaijan within Russia, socialists and islamists opposed this idea and limited themselves to what they called cultural autonomy. The latters' motives for their stand were multiple. In spite of the fact that the national - democrats insisted that their proposal by no means represented a threat to the unity of the Russian revolutionary movement, socialists and islamists warned that political home - rule for Azerbaijan would isolate it from other Muslim nations within Russia and break up the Islamic movement.

After the March 1918 events, the ideological gap widened between the national - democratic movement on one side and the socialists and islamist ones on the other. From there on, Mussavat - dominated national – democratic forces made it clear that they would settle for the country's full sovereignty and nothing less. [276-277]

The move was followed by an alienation between the socialists and the islamists. As for the former, under the current conditions they had been forced to recognise the right of all nations to self - determination. Still, however, they insisted on national independence as a temporary measure in respect to an outlook on the formation of a Russian federative state. The reason was that they refused to give up the idea that defending the working classes' political and socio - economic interests required closed ranks within the framework of a Unitarian state. Therefore, national cultural autonomy combined with a high degree of local self - rule was to their view the most favourable way out for Azerbaijan. As for the islamists, they assumed the same attitude arguing that

the Azeri democracy lacked maturity and competence to solve the nation's current crises on its own. This disbelief in the ability of an independent Azerbaijan to maintain itself remained the bottom - line of their activities. In June 1918, the islamists procured a new political movement, the so - called ilhagists who spoke out in favour of Azerbaijan's incorporation into the republic of Turkey.

However ambiguous and divided the national movement of Azerbaijan remained on the whole, it became soon clear that a particular role as a leader in it was preserved for the Musavat. Its centrist basic policy facilitated a political framework in a democratic Azerbaijan where there was a place for all other factions within the movement. Its programme reflected the entire movement's aspiration to introduce and implement democratic reforms in Azeri society.

The Musavat leadership was inspired by generally accepted human values while fully taking into account specific cultural traditions historically grown within the Azeri community. In this way, they have conceived their own particular view in respect to Azerbaijan's entry into the family of developed and civilised countries of the world.

Balayev Aydın Hüseynağa oğlu
1917-1918-ci illərdə Azərbaycan milli hərəkatı

Балаев Айдын Гусейнага оглы
Азербайджанское национальное
Движение в 1917-1918 гг.

Формат бумаги 60x90 1/18

Гарнитура "Times"

Усл. печ. л. 17.5

Отпечатано в типографии

Издательства "ÜMMAN"

Тираж 500

Заказ № 5